СЛОВАРЬ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ОСТОЛОПОВЫМЪ,

Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи,

1821.

Печатать позволено:

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи сей книги до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ для препровожденія куда слѣдуетъ.

С. П. Б. Апрѣля 13 дня, 1821 года.

Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Ястребцовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

СЛОВАРЬ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ.

Р.

РАЗВЯЗКА. — *Развязка* есть преодолѣніе всѣхъ препятствій, какія имѣло главное лице въ описываемомъ происшествіи, или *развязкою* называется такое обстоятельство, которое бываетъ причиною конца какого либо происшествія. *Развязкѣ* противополагается *узелъ*.—См. *Драма*.

РАЗГОВОРЪ или Діалогъ, Dialogus. Изустное или письменное разсужденіе двухъ или многихъ лицъ объ извѣстной матеріи.

Самые древніе писатели употребляли *разговоры* въ большей части своихъ сочиненій, чему доказательствомъ могутъ служить Платонъ и Цицеронъ, да и нѣкоторые отцы церкви, какъ то С. Афанасій, С. Василій, принимали иногда сей образъ писанія, какъ противъ Іудеевъ и

язычниковъ, такъ и противъ прочихъ современныхъ имъ сектъ.

Разговоры можно раздѣлить на *философическіе* и *піитическіе*.

Философическіе суть тѣ, въ которыхъ разсуждается о нравственности, объ открытіи, или защищеніи какой нибудь истины.

Вся красота философическаго разговора состоитъ въ важности предмета и въ ясномъ израженіи мыслей.

Разговоръ Піитическій имѣетъ предметомъ описаніе дѣйствія или происшествія; онъ можетъ также названъ быть *Епическимъ*, или *Драматическимъ*.—Тѣ Платоновы разговоры, въ которыхъ описывается ученіе Сократа, принадлежатъ къ разговорамъ философическимъ, а содержащіе исторію его, къ Епическимъ, или Драматическимъ.

Главнѣйшее достоинство каждаго *разговора* состоитъ въ томъ, чтобы умѣть прерывать его кстати, и не говорить того, что не нужно.

На вопросъ: сколько дѣйствующихъ лицъ можно заставить говорить между собою? Горацій отвѣчаетъ: *не болѣе трехъ*. Nec quarta loqui persona laboret. Но, кажет-

ся, число сіе не должно служить границею; ибо можно выводить ихъ и болѣе, стараясь только, чтобы не произошло отъ того смятенія и медленности, скорѣе всего доставляющей читателямъ и слушателямъ скуку.

Нѣкоторые писатели раздѣляютъ еще разговоры на *натуральные*, *ненатуральные* и *смѣшанные*. Натуральные суть тѣ, въ которыхъ разговариваютъ люди, какъ то въ Драматическихъ произведеніяхъ, въ Еклогахъ и пр. Въ ненатуральномъ разговорѣ представляются звѣри, даже и бездушныя вещи, на примѣръ въ Басняхъ. Когда же человѣкъ разсуждаетъ съ животнымъ, такой разговоръ называется смѣшаннымъ; примѣры можно видѣть въ Притчахъ.

РАЗМѢРЪ. Аристидъ опредѣляетъ размѣръ или метръ *системою стопъ, составленныхъ изъ различныхъ слоговъ, въ извѣстномъ числѣ*. Въ семъ смыслѣ размѣръ значитъ то же, что у Римлянъ *genus carminis*, родъ стиховъ.

Прежде Рускіе стихи писаны были безъ стопъ и безъ всякаго *ладу* или паденія (cadentia), а только по числу слоговъ,

съ наблюденіемъ въ нѣкоторыхъ пресѣченія—каковы, на примѣръ, слѣдующіе, взятые изъ 1-й Сатиры К. Кантемира:

Уме недозрѣлый, плодъ| недолгой науки!
Покойся, не понуждай| къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцемъ
не слыти. . . .

Пресѣченіе находится въ каждомъ стихѣ послѣ седьмаго слога.

Здѣсь приводятся образцы нѣкоторыхъ размѣровъ:

1.) Екзаметръ, или шестистопный дактилохореическій стихъ:

Горе тебѣ, Сатана! я въ безумствѣ твоемъ
неучастникъ!
Нѣтъ! не участникъ въ твоихъ замышленьяхъ
возстать на Мессію!
Бога-Мессію сразить! о ничтожный! о комъ
ты вѣщаешь? *и проч.*

Жуковскій.

Съ измѣненіями:

Такъ лишь устроились въ бой, и всѣ племена
за вождями

Двинулись—Трои сыны съ шумомъ, съ криомъ, какъ птицы! ....
Такъ убѣжалъ, и скрылся въ толпахъ Пергамлянъ надменныхъ. ....

Гнѣдичъ.

2.) Дактиль и Амфиврахій по пресѣченіи; второрый стихъ Анапестоямбическій. См. *Амфиврахій*

Мразы и снѣги прошли;| луга облеклися въ одежды;
Въ зеленыя кудри древа;—
Видъ премѣнила земля, въ брегахъ успокоенны рѣки
И пышно и ровно текутъ .....

Мерзляковъ.

3.) Хорей шестистопный съ трехстопнымъ.

Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы!
Все осиротѣло!
Плачь любовь и дружба, плачь Гименъ унылый!
Счастье улетѣло!

Батюшковъ.

4.) Дактилохореическій стихъ съ тремя анапестоямбическими:

Мрачно Октябрское небо,

Печаленъ природы отцвѣтшія видъ;
Ни взору, ни слуху отрады:
Душа унываетъ и сердце невольно груститъ!—
Солнце во мглѣ потонуло! и пр.
Панаевъ.

5.) Сафическая строфа:

Я одинъ бродилъ, погруженный въ мысли
О друзьяхъ моихъ; вспоминалъ пріятность
Всѣхъ счастливыхъ дней проведенныхъ съ ними,
Видѣлъ ихъ образъ.
Востоковъ.

6.) Гораціанская строфа:

Все развивалось, полнилось жизнію,
Сошли съ Олимпа смѣхи и Граціи,
Предтеча сладостной Венеры
Рѣзвый Амуръ напрягалъ свой лукъ!
Востоковъ.

7.) Асклепіадская строфа:

Волковъ, милый пѣвецъ! что ты молчишь теперь?
Ты своею давно Анакреонскою
Лирой насъ не плѣняешь,
И Парнасскихъ не рвешь цвѣтовъ.
Востоковъ.

8.) Четырехстопный Дактиль съ двухстопнымъ Анапестоямбическимъ стихомъ:

Тщетно поэту искать вдохновеній
Тамо, гдѣ враны глушатъ соловьевъ;
Тщетно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой геній
Близь свѣтлыхъ ручьевъ.....

Дмитріевъ.

9.) Хорей вмѣстѣ съ Ямбомъ, или Хоріямбъ:

Въ чистыхъ водахъ—кроткій Зефиръ
Мирно плыветъ, съ струйкой рѣзвясь
Зыблетъ ее.....

Висковатовъ.

10.) Ямбъ вмѣстѣ съ хореемъ, или Ямбохорей.

Въ красѣ грозной блеститъ полдень,
Лучи знойны густятъ воздухъ,
Томятъ землю.....

Висковатовъ.

Сіи образцы, въ числѣ которыхъ нѣтъ еще ни простыхъ Ямбическихъ, ни обыкновенныхъ Хореическихъ стиховъ, показываютъ гибкость и способность языка

нашего ко всякому роду размѣровъ, а потому и преимущество его предъ прочими языками, не имѣющими метрическаго стопосложенія.

РАЗПОЛОЖЕНІЕ *или* ПЛАНЪ. Dispositio. *Разположеніе* есть приведеніе изобрѣтенныхъ мыслей въ приличный порядокъ; или чрезъ *разположеніе* разумѣется то начертаніе, которымъ авторъ назначаетъ пространство — начало, средину и конецъ—своего сочиненія, разпредѣленіе и порядокъ главныхъ частей онаго, ихъ связь и взаимное отношеніе.

Сіе должно быть первымъ трудомъ оратора, поэта, философа, историка, и словомъ всякаго писателя, желающаго твореніе свое сдѣлать правильнымъ.—Расинъ, какъ сказываютъ, одинъ годъ дѣлалъ *разположеніе* своей Трагедіи, а другой годъ писалъ ее.

Епиграмма, Басня, Пѣсенка, также требуютъ *разположенія*, какъ Трагедія, Епопея и пр. однѣ только Оды—называемыя Пиндарическими—могутъ быть изъяты изъ сего правила; ибо поэтъ въ энтузіасмѣ неспособенъ дѣлать *разположенія*.—См. *Ода*, *Лирическій*.

Ораторы *разполагаютъ* сочиненія свои такимъ образомъ: начинаютъ *вступленіемъ*, въ которомъ заключается краткое изъясненіе предлагаемой матеріи; потомъ полагаютъ основаніе своего предмета и начинаютъ *повѣствованіе*; за симъ слѣдуютъ *доказательства*, могущія подкрѣпить собственное ихъ мнѣніе, или опровергнуть мнѣніе противниковъ: здѣсь стараются они привести въ движеніе страсти слушателей, и оканчиваютъ слово свое *заключеніемъ*. Принятыя правила въ рѣчахъ Ораторскихъ суть слѣдующія: вступленіе должно быть просто и произносимо со скромностію, повѣствованію принадлежитъ всевозможное краснорѣчіе, доводамъ ясность и убѣжденіе, и сверхъ того особенное искуство потрясать души слушателей; заключенію свойственны сила и краткость.

Хрія, по правиламъ Риторики, содержитъ: *Приступъ*, *Парафразисъ*, *Причины*, *Противоположность*, *Подобіе*, *Примѣры*, *Свидѣтельства* и *Заключеніе*.—Образцы можно видѣть въ Риторикѣ Ломоносова.

Епическая поэма имѣетъ *Предложеніе*, *Призываніе* или *Обращеніе*, и *Повѣствованіе* или *Изложеніе*.—См. *Епическій*.

Разположеніе Драматическихъ сочиненій требуетъ раздѣленія на акты или *дѣйствія* и на *сцены* или *явленія*.

Разположеніемъ называется еще въ Риторикѣ фигура предложеній, состоящая въ томъ, когда нѣсколькимъ краткимъ идеямъ рядомъ поставленнымъ слѣдуютъ ихъ толкованія тѣмъ же порядкомъ одно послѣ другаго. На пр: Александру Македонскому ни въ совѣтахъ разсужденія, ни въ сраженіи мужества, ни въ благодѣяніи милости не недоставало: ибо когда что сомнительное случалось, былъ премудрѣйшій; когда съ непріятелемъ биться надлежало, былъ прехрабрѣйшій; когда раздавалъ достойнымъ награжденія, былъ прещедрѣйшій.—*Ломоносовъ.*

РАЗПРОСТРАНЕНІЕ. Amplificatio, dilatatio. Симъ именемъ называется въ Риторикѣ присовокупленіе къ краткимъ предложеніямъ такихъ понятій, которыя могутъ ихъ изъяснить и представить живѣе. И по сему разпространенія не должны быть пустыя собранія реченій, утомляющія разумъ и отнимающія только ясность у сочиненія.

Къ *разпространенію* рѣчи много способствуютъ:

1.) Подробное изложеніе избранныхъ мыслей, принадлежащихъ описываемому предмету, и важностію своею обогащающихъ слово.

2.) Мѣста Риторическія. (См. *Изобрѣтеніе.*) На пр: когда, желая говорить о *видѣ,* прежде предлагаютъ *о родѣ,* подъ которымъ онъ содержится; или вмѣсто *рода* изчисляютъ знаменитѣйшіе *виды.* — Отъ *цѣлаго* и отъ *частей* разпространяется слово такимъ образомъ, когда во первыхъ предлагаютъ *цѣлое* съ общими его свойствами, а потомъ описываютъ избранныя части.

Сверхъ того служатъ къ разпространенію *матеріальныя свойства*: 1) когда одна идея, нѣсколько такихъ свойствъ въ себѣ заключающая, на нихъ раздѣляется. 2) Когда въ одномъ матеріальномъ свойствѣ находящіеся разные виды или отмѣны, предлагаются подробно. Въ обоихъ случаяхъ не безъ пользы приложены быть могутъ дѣйствія или страданія свойствамъ приличныя.—*Отъ жизненныхъ свойствъ* разпространяется слово: 1) когда къ одному животному приписаны быть могутъ

многія жизненныя свойства. 2) Когда вмѣсто одного жизненнаго свойства предложены быть могутъ его степени или какія нибудь отмѣны, либо дѣйствія съ обстоятельствами. — Иногда разпространяется слово *отъ значенія имени*, когда представляются онаго части, свойства или дѣйствія и страданія, либо уподобленія и мысли почерпнутыя изъ другихъ мѣстъ Риторическихъ. Такимъ образомъ Марціалъ въ кн. 9. похваляетъ отрока *Еарина*, которое имя по Гречески значитъ *весенній*: о имя, рожденное вмѣстѣ съ розами! тобою зовется прекраснѣйшая часть лѣта! ты сладостію подобно цвѣтамъ и меду Гиблейскому и пр.—*Дѣйствіе* и *страданіе* суть обильнѣйшіе источники для разпространеній. Сіе бываетъ: 1) когда одной вещи или многимъ приписываются разныя дѣйствія: 2) когда съ дѣйствіемъ описаны будутъ орудія, вспоможенія или препятствія. — *Отъ времени* также раждаются пріятныя разпространенія: 1) *отъ личественнаго*, когда лучшія и избранныя части онаго или обстоятельства, другъ за другомъ слѣдующія, прилагаются къ дѣйствію или страданію; 2) *отъ указательнаго*, когда свойства и обстоятельства

онаго, вмѣстѣ бывающія, соединяются съ дѣйствіемъ *или* страданіемъ.—*Отъ мѣста* разпространяется слово: 1) *отъ проходимаго*, когда его лучшія части изчисляются, по которымъ или близь которыхъ вещь проходитъ, съ ихъ свойствами или обстоятельствами; 2) *отъ содержимаго*, когда свойства и обстоятельства его съ вещію *или* дѣйствіемъ вмѣстѣ предлагаются. — *Отъ происхожденія:* когда производящія вещь причины обстоятельно бываютъ описаны. — *Отъ предыдущихъ и послѣдующихъ:* когда нѣсколько оныхъ присовокупляется къ дѣйствію или страданію, по мѣрѣ *ихъ* къ тому принадлежности. Сіе можно представить: 1) сравнивая предыдущія съ послѣдующими; 2) представляя предыдущія *утвердительно*, а послѣдующія *отрицательно*, и на оборотъ; 3) предлагая разность между предыдущими и послѣдующими.—*Отъ признаковъ*: ежели они будутъ состоять во многихъ дѣйствіяхъ или имѣть будутъ разныя части, свойства, обстоятельства.—*Чрезъ употребленіе:* когда многія свойства, части *или* обстоятельства самой вещи и ея подобія предлагаются въ приличной между собою связи; 2) когда одна вещь двумъ или многимъ

уподобляется. Къ сему относится и *сравненіе*. — Также къ *разпространенію* способствуетъ и сопряженіе многихъ противныхъ и несходственныхъ между собою понятій или вещей, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ Цицеронова слова за Помпея: развѣ вы можете предпочесть незнаемыхъ знаемымъ, несправедливыхъ праводушнымъ, чужестранныхъ домашнимъ, сластолюбивыхъ воздержнымъ, нечестивыхъ благоговѣйнымъ и пр.

При *разпространеніи* слова надлежитъ наблюдать, чтобъ въ подробномъ описаніи частей, свойствъ и обстоятельствъ, употреблять слова избранныя и убѣгать низкихъ или обветшалыхъ, ибо онѣ отнимаютъ много важности и силы въ самыхъ лучшихъ разпространеніяхъ.

Ломоносовъ, изъ Риторики котораго почерпнуты сіи правила, оканчиваетъ статью о разпространеніи слова симъ мнѣніемъ:,, что идеи должно *хорошія* полагать напереди (ежели натуральный порядокъ къ тому допуститъ), которыя *получше*, тѣ въ срединѣ, а *самыя лучшія* на концѣ, такъ чтобы сила и важность разпространенія въ началѣ была уже чувст-

вительна, а послѣ того отъ часу возрастала, и къ концу была устремительна.„

РАПСОДІЯ. Такъ назывались въ древности стихотворенія, пѣтыя или произносимыя *Рапсодами*. См. с. с.

Нѣкоторые писатели думаютъ, что слово *Рапсодія* собственно значило собраніе стиховъ, и особенно Гомеровыхъ, кои, бывши разбиты на разные отрывки, были напослѣдокъ приведены въ порядокъ, соединены Пизистратомъ или сыномъ его Иппархомъ, и раздѣлены на книги, называемыя *Рапсодіями*, терминомъ, происходящимъ отъ Греческихъ словъ *ῥάπτω* сшиваю, и *ὠδὴ* пѣснь. — Нынѣ слово *Рапсодія* принимается наиболѣе за сочиненіе, не имѣющее ни разположенія, ни связи.

РАПСОДЪ. Рапсодами назывались въ древности тѣ, коихъ обыкновенное упражненіе состояло въ пѣніи или произношеніи всенародно стиховъ изъ поэмъ Гомеровыхъ,

Купперъ пишетъ, что *Рапсоды* одѣты были въ красное платье, когда пѣли Иліаду, и въ голубое, когда пѣли Одиссею. Сіе пѣніе производимо ими было на театрахъ.

Но были еще другіе древнѣйшіе сихъ *Рапсоды*, которые сочиняли поэмы въ честь знаменитыхъ людей, и пѣли ихъ, ходя изъ города въ городъ, для своего прокормленія.—Говорятъ, что и самъ Гомеръ имѣлъ этотъ промыслъ.—Въ семъ случаѣ производятъ нѣкоторые критики слова *Рапсодъ* и *Рапсодія*, не отъ *ῥάπτω* и *ᾠδή*, а отъ *ῥάβδω* и *ᾄδειν*, пѣть съ лавровою въ рукѣ вѣтвію, потому что (надобно такъ полагать) первые Рапсоды носили сей отличительный знакъ.

РЕЧИТАТИВЪ. *Для* музыканта *Речитативъ* есть родъ пѣнія, приближающагося наиболѣе къ обыкновенному произношенію рѣчи; для поэта онъ составляетъ ту часть *явленія*, которая назначена для такого пѣнія. *Речитативъ* употребляется въ Операхъ; изобрѣтеніемъ его обязаны мы Италіанцамъ. Слово сіе есть Италіанское; происходитъ отъ *recitare*, произносить, разсказывать.—*См. Опера.*

РИФМА. Рифмою называется согласіе звуковъ конечнаго слова въ стихѣ съ конечнымъ же словомъ другаго стиха.

Рифма бываетъ:

1) *Мужеская:* когда удареніе находится на послѣднемъ слогѣ, на прим: добро́, сребро́; совѣтъ, отвѣтъ.

2) *Женская:* когда удареніе находится на предпослѣднемъ слогѣ, на прим: бо́ги, стро́ги; всеси́льный, оби́льный.

Прим. Рифма муже́скою и женскою называется у насъ по переводу съ иностранныхъ языковъ; иначе можно называть по удареніямъ мужескую *Ямбическою*, а женскую *Хореическою*.

3.) *Полная или богатая:* которая совершенно подобна другому слову звукомъ и буквами. Примѣромъ могутъ служить слова выше приведенныя.

4.) *Неполная или бѣдная:* которая звуками или буквами несовершенно согласуется съ другимъ словомъ, какъ на пр: нашъ, стражъ; сосѣдъ, обѣтъ; словъ, любовь и пр.

Одно и то же слово не можетъ служить *Рифмою* — выключая только того случая, когда будетъ имѣть совершенно другое значеніе, образуя чрезъ то фигуру *Антанаклазисъ*, какъ въ слѣдующихъ стихахъ Карамзина:

. . . . . Считалъ себя богатыремъ,
Когда на дерево взбирался

За пташкинымъ гнѣздомъ.....
И все лишь для того, чтобъ милой, нѣжной
Розѣ,
Красоткѣ нашего села,
Подобной въ самомъ дѣлѣ *розѣ*,
Подаркомъ угодить.....

Другіе примѣры можно видѣть въ статьѣ *Антанаклазисѣ*.

Сложное слово не можетъ быть въ *рифмѣ* съ простымъ, отъ котораго происходитъ, и наоборотъ; *на пр:* купно и совокупно; пустоцвѣтъ и цвѣтъ; гласный и согласный; свѣтило и освѣтило. Одного и того же слова не должно часто класть въ рифму, ибо такое единозвучіе для слуха весьма непріятно.

Должно всячески избѣгать окончанія стиховъ на *ати* и *ити*.—См. *Погрѣшности*.

Для бо́льшей пріятности рифмы иногда перемѣшиваются, или, какъ называютъ стихотворцы, *сочетаваются*, т. е. a) послѣ двухъ *мужескихъ* полагаются двѣ *женскихъ* и на оборотъ; или b) *мужеская* и *женская*, потомъ опять *мужеская* и *женская*, и на оборотъ; или c) одна *мужеская* и двѣ *женскихъ*, и потомъ *мужеская* и на оборотъ. На пр.

a) Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ
снѣжныхъ *горъ*,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ *взоръ*,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный *соста-
вляютъ*
И солнечныхъ лучей паденье *притупляютъ*....
Херасковъ.

Въ чертогахъ кедровыхъ, среди садовъ *пре-
красныхъ*,
Въ объятіяхъ Сиренъ, ко мнѣ любовью *стра-
стныхъ*,
Томился и скучалъ я жизнію *своей*;
Нѣтъ счастья для души, когда оно не въ *ней*.
Карамзинъ.

b) Миръ праху твоему! о другъ души *моей!*
Пусть сонъ твой будетъ тихъ, спокоенъ, *без-
мятеженъ!*
Ахъ! что теряемъ мы въ прелестной жизни
сей?
Мечту! — ко счастью путь такъ скользокъ,
безнадеженъ!
Бунина.

Пошелъ—и гдѣ тристаты *злобы?*
Чему коснулся—все *сразилъ*;

Полки и грады—стали *гробы*,
Шагнулъ и царство *покорилъ* . . . . .

Державинъ.

c) Вотъ мой тебѣ портретъ; сколь счастливъ бы я *былъ*,
Когдабъ ты иногда *сказала*:
Любезнѣй и умнѣй его я многихъ *знала*,
Но кто меня, какъ онъ, *любилъ*?

Дмитріевъ.

Безсильному не *смѣйся*
И слабова обидѣть не *моги*:
Мстятъ сильно иногда безсильные *враги*;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не *надѣйся*.

Крыловъ.

Изъ сего правила, предписывающаго въ стихахъ *сочетаніе*, изключаются тѣ стихотворенія, которыя нарочно писаны сплошь женскими или мужескими стихами; на пр. у Ломоносова:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тѣнь,
Лучи отъ насъ сокрылись прочь и пр.

Иногда полагается въ стихахъ нѣсколько рифмъ *сряду* или *съ сочетаніемъ*, что бываетъ чаще въ стихахъ *вольныхъ*, и вообще въ такихъ, въ которыхъ описывается матерія неважная:

О еслибъ ты, Гомеръ, проснулся!
Храня твоихъ героевъ *честь*,
Которы забывая *месть*
Любили часто пить и *ѣсть*,
Тобъ слыша стихъ мой, ужаснулся,
Что слабый будучи *пѣвецъ*,
Тебѣ дерзнулъ я *наконецъ*
Подобиться, стиховъ *отецъ!*

Богдановичъ.

Узнай, Русланъ! твой оскорбитель
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ни чей въ его обитель
Не проникалъ до нынѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей *и пр.*

А. Пушкинъ.

Иногда же *сочетаваются* рифмы и чрезъ нѣсколько стиховъ — что можно видѣть въ предпослѣднемъ примѣрѣ.

Рифма безъ сочетанія употребляемая называется *непрерывною.*

*

Многіе возставали и нынѣ возстаютъ противъ употребленія рифмъ. Тредіаковскій, въ предисловіи къ Тилемахидѣ, называлъ ихъ даже *дѣтинскою сопелкою,* не смотря на то, что въ прочихъ своихъ стихотвореніяхъ весьма часто употреблялъ рифму. Онъ же въ началѣ Аргениды своей такъ изъясняется: „привыкшіе къ рифмѣ да благоволятъ быть увѣдомлены, что она есть игрушка, выдуманная въ готическія времена, и всеконечно постороннее украшеніе стихамъ.„ — Бобровъ, *въ предварительныхъ мысляхъ* къ своей Херсонидѣ, самъ ли по себѣ или въ подражаніе Тредіаковскому, пишетъ: „безспорно, что нашъ языкъ столько же иногда щедръ, въ доставленіи рифмъ, какъ и Италіанскій, послѣ котораго и признаютъ его вторымъ между Европейскими языками, наипаче по пріятности. Но если кто изъ стихотворцевъ, хотя нѣсколько любомудрствующихъ, чув-

ствуетъ ту великую тяжесть, что ради рифмы, особливо при разтяжности словъ, всегда должно понизить , или ослабить лучшую мысль и сильнѣйшую картину, и вмѣсто оживленія, такъ сказать, умертвить оную: тотъ вѣрно со мною согласится, что рифма , часто служа будто нѣкоторымъ отводомъ прекраснѣйшихъ чувствованій и изящнѣйшихъ мыслей , почти всегда *убиваетъ душу* сочиненія.,,

Оставляя при такихъ мнѣніяхъ и Тредіаковскаго и Боброва, выпишемъ разсужденіе о семъ предметѣ Г. Востокова, которое кажется намъ и безпристрастнѣе и справедливѣе: ,,Рифма или созвучное окончаніе, (говоритъ онъ въ Опытѣ о Русскомъ стихосложеніи), безъ котораго Польскіе и Французскіе стихи не могутъ обойтись, не есть необходимо нужное условіе въ нашихъ метрическихъ, или по стопамъ размѣряемыхъ стихахъ, которые могутъ очень хорошо быть безъ рифмъ, т. е. *бѣлыми стихами* , особливо въ сочиненіяхъ Дидактическаго и описательнаго рода. Не спорю, что рифма придаетъ еще болѣе пріятности стихамъ стопосложнымъ; но сіе особенно нужно въ Лирическомъ родѣ, гдѣ поэзія наиболѣе должна приближаться

къ музыкѣ. Прелесть рифмы была бы для насъ еще ощутительнѣе, ежели бы употребляема была не такъ часто, и не во всякомъ родѣ поэзіи, но съ умнымъ разборомъ, въ нѣкоторыхъ только родахъ для умноженія игривости и сладкогласія. Древніе Греки не употребляли въ стихахъ сей игры созвучностей, потому вѣроятно, что не имѣли въ оной нужды, услаждаясь и безъ того предовольно многоразличною и богатою мѣрою своихъ стопъ: но мы при нашемъ стопосложеніи еще не такъ богаты, чтобъ могли, подобно имъ, совершенно обойтись безъ сей побочной прикрасы въ нашихъ стихахъ, по правильнымъ стопамъ слагаемыхъ. Другое дѣло въ стихахъ *народныхъ Русскихъ*, которые точно также какъ и Греческіе стихи, совсѣмъ нетребуютъ рифмъ.,,

Рифма, по нашему мнѣнію, можетъ имѣть слѣдующія достоинства: *во первыхъ*, она производитъ пріятность для слуха, пріобыкшаго чувствовать оную; *во вторыхъ*, она облегчаетъ память, подавая отличительнѣйшіе знаки для отысканія стези мыслей, т. е. иной стихъ былъ бы совершенно забытъ, если бы окончательный звукъ другаго стиха не возобновилъ

его въ памяти; *въ третьихъ*, она производитъ иногда нечаянныя, разительныя мысли, которыя автору не могли даже представиться при расположеніи его сочиненія.—Въ семъ можно удостовѣриться, разсматривая стихотворенія лучшихъ писателей. Сверхъ того всякой согласится, что рифма составляетъ немалую трудность; но когда трудность сія бываетъ побѣждаема съ легкостію — не можетъ ли сіе произвести особеннаго удовольствія?

Рифма особенно принадлежитъ къ Ямбическимъ и Хореическимъ стихамъ; прочіе же размѣры, болѣе приближающіяся къ Греческому и Латинскому стопосложенію, могутъ безъ нее обойтись. Екзаметръ совершенно ее не терпитъ.

*

Италіанское слово Rima, Французское Rime, Англійское Rime, Rhyme, Нѣмецкое Reim, происходятъ безъ сомнѣнія, такъ какъ и наша рифма, отъ Rhythmus, ῥυθμὸς, означавшаго у древнихъ *согласіе*, *ладъ* въ пляскѣ и въ мѣрной рѣчи. Но въ варварской Латыни среднихъ вѣковъ названіе сіе присвоено созвучнымъ окончаніямъ, и стихи съ такими окончаніями названы

Рифмическими, т. е. согласными, складными. Rythmicos versus vocarunt scriptores aevi inferioris, quos alii leoninos seu ὁμοιοτελεύτους, (Ducange glossar. T. III. Sub voce rythmici versus), т. е. Рифмическими стихами называютъ писатели послѣднихъ вѣковъ стихи извѣстные подъ названіемъ Леонинскихъ, или подобокончаемыхъ.

Слова *рифма* и *стихъ* брались не рѣдко одно за другое, особливо въ тѣхъ языкахъ, въ коихъ вся гармонія стиха состоитъ почти въ одной рифмѣ, и въ коихъ народъ привыкъ соединять въ понятіи оба сіи слова *стихъ* и *рифма*. Такъ въ Италіанскомъ языкѣ Rima значитъ и теперь еще не только рифму, но также стихъ *); тѣ же два значенія имѣетъ въ Нѣмецкомъ Reim, а въ Польскомъ *Rym* (вѣроятно съ Италіанскаго). Въ Русскомъ языкѣ на оборотъ слова *вирша* и *стихъ* принимаются иногда за рифму. Первое изъ сихъ словъ, нынѣ обветшалое, съ Польскаго Wiersz (versus, стихъ) употреблено въ значеніи рифмы у Аполлоса въ правилахъ Піитическихъ (изд. 1790.), а нынѣ въ просторѣчіи подъ словомъ стихи разумѣ-

---

*) На пр: Le Rime di Fr. Petrarca и пр.

ются нерѣдко также однѣ только рифмы, на пр. *говорить стихами* или *на стихахъ* значить говорить рифмами. Но самое слово *рифма* или *рифмъ* въ муж. р. какъ въ старину правильнѣе писали , значило у Русскихъ первоначально *стихотвореніе*, стихъ. Еще въ 1744 году Іеромонахъ Михаилъ Козачинскій въ Панигирикѣ, сочиненномъ имъ на Русскомъ, Латинскомъ и Польскомъ языкахъ въ честь Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ на случай прибытія ея въ Кіевъ, употребляетъ слово *рифмъ*, Rhythmus, Rythm, въ сказанномъ здѣсь значеніи, хотя уже въ 1739 у Ломоносова (въ письмѣ о стихотв.) слово *рифма* въ женскомъ родѣ и въ употребительномъ нынѣ значеніи является. Съ котораго времени измѣнило слово сіе родъ и значеніе , неизвѣстно , равно какъ и то , кѣмъ введено оно въ Русской языкъ ; но уже Симеонъ Полоцкій называетъ стихи свои рифмами , себя Рифмотворцемъ , собраніе стихотвореній своихъ Рифмологіономъ и пр. изъ чего видно, что онъ подъ словомъ *рифмъ* разумѣлъ собственно стихъ, а не созвучное окончаніе онаго , коему у него есть особенное названіе *краесогласіе*. Русскіе , какъ думать должно , перенесли

въ свой языкъ слово рифмъ или рифму непосредственно съ Латинскаго Rhythmus. Въ другихъ языкахъ слово сіе (Rime, Reim и пр.) столь мало сохранило сходства съ первообразнымъ Латинскимъ словомъ, что нѣкоторые авторы не могли угадать настоящаго происхожденія онаго, и производили Rime и пр. отъ Скандинавскихъ *руновъ!*—Матвей Крамеръ въ своемъ Италіано-Нѣмецкомъ Лексиконѣ превратно производитъ Итал. Rima отъ Нѣм. Reim! кромѣ Русскихъ только Богемцы и Англичане отчасти сохранили правописаніе сего слова, происходящаго отъ Rhythmus: въ Богемскомъ Rythm, въ Англ. Rhyme. — *Оп. о Р. ст.*

Стихи безъ рифмъ называются *бѣлыми*.—О семъ см. въ статьѣ *Бѣлые стихи*.

Рифмѣ съ трудомъ пріисканной и притомъ непроизводящей ни острой, ни пріятной мысли, даютъ имя *натянутой*.

РОМАНИЧЕСКІЙ, или РОМАНТИЧЕСКІЙ.—Поэма *Романическая* есть стихотворческое повѣствованіе о какомъ либо происшествіи *Рыцарскомъ*, составляющемъ смѣсь любви, храбрости, благочестія и основанномъ на дѣйствіяхъ чудесныхъ.

Отъ Героической поэмы различествуетъ какъ по содержанію своему, такъ и по самой формѣ; ибо содержаніе въ ней бываетъ всегда *забавное*, а форма требуемая Героическою поэмою, какъ то вразсужденіи приступа, раздѣленія, и даже самаго рода стиховъ, измѣняется по волѣ автора, между тѣмъ какъ въ Героической требуется непремѣнное послѣдованіе принятымъ правиламъ. Отъ *Герои-Комической* же поэмы отличается тѣмъ, что оная описываетъ происшествіе, хотя также забавное, но не *Рыцарское*, и по большей части принадлежащее къ настоящему времени, то есть, къ тому, въ которое пишетъ авторъ.

Лица, производящія въ Романической поэмѣ *чудесное*, суть: духи, волшебники, волшебницы, гномы, исполины и т. п. Аллегорическія лица, какъ то раздоръ, брань, истина и пр. почти никогда не зводятся; а верховное божество не должно быть представляемо ни въ какомъ случаѣ: сіе также составляетъ отличительной характеръ сей поэмы отъ другихъ.

Что касается до *единства* мѣста, происшествія и времени, столь строго соблюдаемаго въ поэмахъ Героическихъ, то мож-

но сказать, что *Романическій* авторъ совершенно пользуется такою же свободою, какъ авторъ оперы между другими драматическими писателями: онъ можетъ иногда нарушать сіи правила; отъ него требуется только точное исполненіе главнѣйшей его обязанности, состоящей въ увеселеніи читателей. Разумѣется, что онъ долженъ сохранять законы благопристойности, которымъ подвержено всякое сочиненіе, какого бы рода оно ни было.

Въ *Романической* поэмѣ всякой размѣръ употребленъ быть можетъ; но, кажется, приличнѣйшими слѣдуетъ почесть стихи Ямбическіе четырехстопные и даже вольные.

На Русскомъ языкѣ въ *Романическомъ* вкусѣ мы имѣемъ написанную Г. Пушкинымъ поэму *Людмила* и *Русланъ*. *Душенька*, Богдановичемъ написанная, по содержанію своему принадлежитъ къ поэмамъ Героическимъ: забавный *разсказъ* ея не составляетъ описываемаго здѣсь рода поэмы.

Отрывки изъ поэмы *Людмила и Русланъ*: — Г. Пушкинъ начинаетъ свое сочиненіе слѣдующими двумя стихами:

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!

Въ сихъ строкахъ заключается и *предложеніе* и *обращеніе*, употребляемыя въ другихъ поэмахъ. Послѣ сего слѣдуетъ *изложеніе* или *повѣствованіе:*

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За Князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.
. . . .

Начало *завязки:*

Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ

Сидятъ три витязя младые,
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашны непріятны имъ.
Не слышатъ вѣщаго Баяна,
Потупили смущенный взглядъ;
То три соперника Руслана —
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ—Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ расширившій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей;
Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой Хазарской Ханъ, Ратмиръ;
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Окончаніе *Завязки* и начало *Чудеснаго*: Гости разъѣхались, Великій Князь благословилъ Людмилу; она уже въ комнатѣ своего супруга . . . . . .

. . . . . . Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,

Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ....
Все смолкло! въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странной,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной.....
И снова теремъ пустъ и тихъ;
Встаетъ испуганный женихъ,
Съ лица катится потъ остылой;
Трепещетъ.... хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой.....
О горе! нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмилы нѣтъ во тмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой!

Великій Князь, узнавъ о семъ происшествіи, ужасно разсердился—даже на самаго Руслана, который, по словамъ его,

Не могъ сберечь жены своей!

--и вызываетъ желающихъ отыскать Людмилу; скажите, говоритъ онъ рыцарямъ,

Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?

Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому (терзайся, плачь, злодѣй)
. . . .
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.

Рыцари и Русланъ отправились, и разъѣхались въ разныя стороны. Русланъ находитъ пещеру, и въ ней старца, который объявляетъ ему, что похитилъ Людмилу волшебникъ *Черноморъ*.—Между тѣмъ разсказываетъ приключенія свои съ Наиною, служащія *Епизодомъ* поэмѣ.—Русланъ отправляется далѣе въ путь. Но теперь покажемъ, что увидѣла Людмила, проснувшись въ чертогахъ ея похитителя:

. . . .
Предъ изумленною Княжной
Три дѣвы, красоты чудесной,
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Явились, молча подошли,
И поклонились до земли.
Тогда—неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,

И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приближилась другая;
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ,
Покрылись кудри золотыя,
И грудь и плечи молодыя
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ, незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.....

Слѣдующее за симъ прекрасное описаніе сада, въ который вышла Людмила для разгнанія своей скуки, помѣщено въ статьѣ *Топографія*.—См. ч. II. стр. 299.

Вотъ сраженіе Руслана съ Рогдаемъ:

При свѣтѣ трепетномъ луны,
Сразились витязи жестоко;

Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены,
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски разбиты.....
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются,
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Объяты молча, костенѣютъ,
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ,
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ колеблются, слабѣютъ—
Кому то пасть!.... вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой,
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой
И въ волны съ берега бросаетъ.
Погибни! грозно возклицаетъ:
Умри, завистникъ злобный мой!

Выпишемъ еще разсказъ о сраженіи Руслана съ Черноморомъ, у котораго (должно

замѣтить), вся сила волшебства заключалась въ длинной бородѣ:

......Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ!—Онъ, местью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужь витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ, какъ буря, воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мочнымъ роетъ.
Князь Карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подъемлетъ смутный взоръ,
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ Карло Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака;
На мигъ изчезъ—и съ высока
Шумя летитъ на Князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,

И въ снѣгъ съ розмаха роковова
Колдунъ упалъ—да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ,
Волшебникъ силится, кряхтитъ:
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ.....
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
И силѣ Русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвитъ: слушай, Князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь—но только съ уговоромъ....
—Молчи, коварный чародѣй!

Прервалъ нашъ витязь, съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора.
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!—
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой
Напрасно длинной бородой
Усталый Карло потрясаетъ:
Русланъ ее не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дни колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады проситъ,
„О рыцарь! сжалься надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ,
Скажи—спущусь куда велишь..."
—Теперь ты нашъ! ага! дрожишь!
Смирись, покорствуй Русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ.—*и пр.*

Поэма Г. Пушкина состоитъ изъ шести пѣсней.

Происхожденіе слова *Романическій* относятъ къ тому времени, какъ распрост-

ранившіяся по Галліи войска Цезаря, начали вводить въ оной Римскій языкъ: изъ смѣшенія двухъ языковъ, произошло нарѣчіе названное *Romanus*, *Романическимъ*. Первыя книги въ Галліи писаны симъ нарѣчіемъ, и отъ того получили имя *Романовъ*; а какъ въ нихъ ничего не могло быть, кромѣ описанія происшествій военныхъ, любовныхъ или волшебныхъ, то и по сіе время таковыя сочиненія—въ стихахъ, называются поэмами *Романическими*, а въ прозѣ, просто *Романами*; небольшимъ же стихотвореніямъ, описывающимъ часть какого либо происшествія, дано имя *Романсовъ*.—См. ниже.

РОМАНСЪ. Родъ *Пѣсни*, или *Баллады*, слѣдовательно принадлежитъ къ Лирической поэзіи.

Содержаніе *Романса* бываетъ любовное, героическое, или волшебное.

Главное отличіе *Романса* отъ простой пѣсни состоитъ въ томъ, что авторъ описываетъ въ немъ не свои собственныя чувствованія, или приключенія, а другаго лица, которое иногда выражаетъ оныя *пѣснію*; съ Балладою же различествуетъ одною своею краткостію, ибо Бал-

лада (новая, см. сіе слово) можетъ заключать происшествіе продолжительное, а въ Романсѣ излагается только самая разительная часть онаго.

Первый *Романсъ*, говоритъ Беркенъ, пѣли воины Карломана, идучи на сраженіе.—Такое свидѣтельство ясно показываетъ свойство *Романса* тогдашняго времени, то есть, что будучи произведеніемъ народа, такъ сказать, дышавшаго войною, онъ былъ сначала *пѣснію* военною.

Когда же горделивые замки владѣльцовъ, имѣвшіе видъ крѣпостей, получили въ послѣдствіи образованіе блестящихъ дворовъ, и когда установленіе рыцарства ввело самую утонченную вѣжливость, тогда *Романсъ* принужденъ былъ укротить свой воинственный характеръ, принужденъ былъ принять тонъ любви и нѣжности, воцарившійся во всѣхъ обществахъ. Трубадуры разнесли его по всѣмъ Европейскимъ Дворамъ, и онъ сдѣлался любимѣйшимъ ихъ увеселеніемъ. Любовныя приключенія рыцарей, ихъ богатырство на поединкахъ и на сраженіяхъ, и защищеніе прекраснаго пола, доставляли *Романсу* средства къ разнообразнымъ и привлекательнѣйшимъ повѣствованіямъ. По-

эты *Романические*, путешествуя изъ одной страны въ другую подобно Аріонамъ, Орфеямъ и Симонидамъ были вездѣ принимаемы отличнѣйшимъ образомъ: имъ только однимъ позволяемо было воспѣвать храбрость и красоту. Наконецъ всѣ начали упражняться въ семъ родѣ стихотворства—и *Романсы* потеряли свое достоинство, а упадокъ рыцарства по смерти Баярда и совсѣмъ ихъ уничтожилъ, такъ что *Водевилю* стоило только показаться, чтобы нанести ему рѣшительный, смертельный ударъ, и можно сказать, что теперь воскресаетъ *Романсъ* не отъ чего другаго, какъ отъ скуки, которую начинаетъ уже производить и *Водевиль*. *)

Романсъ долженъ быть обработанъ съ великимъ тщаніемъ; онъ требуетъ слога, сообразнаго съ содержаніемъ, но ни въ какомъ случаѣ не терпитъ высокопарности. Ж. Ж. Руссо говоритъ, что пѣніе Роман-

---

*) Слово Водевиль получило названіе свое отъ слѣдующаго: суконщикъ Оливье Басселенъ, жившій въ 1450 году въ Нормандіи, близъ рѣки *Виры*, сочинилъ множество пѣсенъ, которыя пѣлъ обыкновенно на берегу, называемомъ *Les Vaux;* въ послѣдствіи времени, отъ берега и отъ рѣки, начали называть и пѣсни его *Vaux-de-Vire*, отъ чего наконецъ произошло и слово Водевиль, Vaudeville. — *(Ломеронъ)*. Примѣчаніе, принадлежащее къ статьѣ *Водевиль*.

са пріятнѣе бываетъ безъ пріигрыванія на инструментѣ (accompagnement), и что ему нуженъ одинъ только вѣрный и чистый голосъ, произносящій слова съ правильностію и простотою.

Въ помѣщаемыхъ здѣсь примѣрахъ можно видѣть разныя свойства *Романса* :

1. *Велисарій.*

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ—
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
,,Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велисарія питаетъ.

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готфовъ, Вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей—
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велисарія сокрылся.

Несчастный, за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,
Видалъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ;
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ.

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ твой, содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велисарью благодѣтель.

Мерзляковъ.

2. *Быль.*

Даруй мнѣ, Муза, тонъ, согласный
Съ уныніемъ души моей;
А ты, о добрый, иль несчастный!
Склони свой слухъ и пожалѣй.

Дамонъ недавно былъ душою,
Утѣхой въ дружескихъ пирахъ;

Рѣзовъ былъ, какъ Зефиръ весною,
Пригожъ, какъ роза на лугахъ.

Онъ взоромъ гналъ печаль и скуку,
Устами радость сообщалъ;
Друзьямъ своимъ давая руку,
Тогдажъ и сердце отдавалъ.

Вчера, при мѣсячномъ сіяньѣ,
Друзьямъ, прощаясь, говорилъ;
„Какъ грустно съ вами разставанье!„
И взоръ на нихъ остановилъ.

Бьетъ часъ, потомъ—и вѣсть несется,
Печальна вѣсть: Дамона нѣтъ!
Въ Дамонѣ сердце ужъ не бьется,
Изчезнулъ въ мигъ весенній цвѣтъ.

Тутъ въ первый разъ еще познали
Дамона къ Лизѣ жарку страсть:
Онъ таялъ, но увы! къ печали!
Душъ прямо нѣжныхъ это часть!

Ихъ слезы падаютъ на камень.
Дамонъ, не могши потушить
Снѣдавшій сердце лютый пламень;
Рѣшился—самъ себя убить.

Дмитріевъ.

3. *Плѣнный.*

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ;
Гдѣ миртъ душистый разцвѣтаетъ
Склонясь къ ея водамъ;
Гдѣ на горахъ роскошно зрѣетъ
Янтарный виноградъ,
Златый лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ.

Въ часы вечернія прохлады
Любуяся рѣкой,
Стоялъ, склоня на Рону взгляды
Съ глубокою тоской,
Добыча брани, Русской плѣнный,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ.

„Шуми, онъ пѣлъ, волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плескомъ волнъ—роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
Я въ праздности теряю время,
Душою въ людствѣ сиръ;
Мнѣ жизнь не жизнь, безъ славы—бремя,
И пустъ прекрасный міръ!

„Весна вокругъ живитъ природу,
Яснѣетъ солнца свѣтъ;
Все славитъ счастье и свободу,
Но мнѣ свободы нѣтъ!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мнѣ воспоминай
На берегахъ роднаго Дона
Отчизны милый край!

„Здѣсь прелесть—Сельскія дѣвицы!
Ихъ взоръ огнемъ горитъ,
И сквозь потупленны рѣсницы
Мнѣ радости сулитъ.
Какія радости въ чужбинѣ?
Онѣ въ родныхъ краяхъ;
Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
И въ дебряхъ и въ снѣгахъ.

„Отдайтежъ мнѣ мою свободу!
Отдайте край отцовъ!
Отчизны вьюги, непогоду!
На родинѣ мой кровъ,
Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
Ахъ! дайте мнѣ коня;
Туда помчитъ онъ быстрымъ бѣгомъ
И день и ночь меня.

„На родину, въ сей теремъ древній,
Гдѣ ждетъ меня краса,
И подъ окномъ, въ часы вечерни,
Глядитъ на небеса;
О другѣ тайно помышляетъ....
Иль робкою рукой
Коня ретиваго ласкаетъ,
Тебя, соратникъ мой!

„Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плескомъ волнъ—роднаго Дона
Мнѣ шумъ напоминай!
О вѣтры, съ полночи летите
Отъ родины моей;
Вы, звѣзды сѣвера, горите
Изгнаннику свѣтлѣй!„—

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
Въ виду Ліонскихъ стѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
Назначенъ долгій плѣнъ.
Онъ пѣлъ—у ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяцъ трепеталъ,
И на златыхъ верхахъ Ліона
Лучъ солнца догаралъ.

Батюшковъ.

4. *Пѣснь Гаральда смѣлаго.*

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко!
На сушѣ, на морѣ, мы бились жестоко;
И море и суша покорствуютъ намъ!
О други! какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой
Вкругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!...
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

О други! я младость не праздно провелъ!
Съ сынами Дронтгейма вы помните сѣчу?
Какъ вихорь предъ вами я мчался на встрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣлъ.
Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ, упали
И всадникъ и пѣшій; владыка, и ты!....
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Насъ было лишь трое на легкомъ челнѣ;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная въ полдень нависла громами,
И Гела зіяла въ соленой волнѣ.
Но волны напрасно яряся, хлестали:

Я черпалъ ихъ шлемомъ; работалъ весломъ:
Съ Гаральдомъ, о други, вы страха не знали,
И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ!
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Вы, други, видали меня на конѣ?
Вы зрѣли, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
Сквозь пепелъ и вьюгу въ пожарномъ огнѣ?
Желѣзомъ я ноги мои окриляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь отважный по морю иду....
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ;
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы—
Лукъ грозный и лыжи; и въ шумныя битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуютъ намъ!
А дѣва Русская Гаральда презираетъ.

РОНДО. *Рондо* есть стихотворенiе, изобрѣтенное въ позднѣйшiя времена, и упопательно Французами—что показываетъ самое сiе слово *Rondeau*, произходящее отъ *rond*, круглый: и дѣйствительно, отличный признакъ сего сочиненiя есть *круглость*, или *округленiе*, ибо для составленiя *Рондо*, непремѣнно надлежитъ чрезъ извѣстное число стиховъ возвращаться къ тѣмъ словамъ, съ которыхъ оно начинается.

Французы назначили для сего сочиненiя довольно трудную форму: оно состоитъ у нихъ обыкновенно изъ 13 стиховъ или строкъ; раздѣляется на три неравныя строфы, и имѣетъ двѣ только рифмы, то есть, 8 мужескихъ и 5 женскихъ, или 8 женскихъ и 5 мужескихъ одного окончанiя; при томъ два или три первыхъ слова (иногда и одно) перваго стиха первой строфы служатъ какъ бы припѣвомъ, и должны находиться на концѣ двухъ послѣднихъ строфъ, съ разнымъ примѣненiемъ къ содержанiю. — Первая строфа имѣетъ пять стиховъ; вторая три стиха, и припѣвъ или повторенiе первыхъ словъ, которое стихомъ не почитается; третья строфа числомъ сло-

говъ должна быть равна первой, и также имѣть одинаковое расположеніе рифмъ.

Для показанія , какимъ образомъ составляется такое *Рондо*, помѣщаемъ здѣсь написанное Вуатюромъ: въ немъ видны и самыя правила:

Ma foi, *c'est fait* de moi; car Isabeau
M'a commandé de lui faire un Rondeau:
Cela me met en une peine éxtrême.
Quoi! treize vers, huit en *eau*, cinq en *ême!*
Je lui ferais aussitôt un bateau.

En voila cinq pourtant en un monceau:
Fesons en huit en invoquant Brodeau ;
Et puis mettons par quelque stratagême ,
Ma foi, *c'est fait*.

Si je pouvais encor de mon cerveau
Tirer cinq vers, l'ouvrage serait beau.
Mais cependant me voila dans l'onzième,
Et si je crois que je fais le douzième,
En voila treize ajustés au niveau:
Ma foi, *c'est fait*.

Въ слѣдующемъ также сохранена форма, назначенная Французами:

,,*Капризы* не бѣда, твердитъ философъ Сава;
Кто надъ Миленою имѣть всѣ будетъ права,

Тотъ можетъ видѣть ихъ сквозь пальцы,
сквозь лорнетъ,
Тому они, ей, ей, не слишкомъ въ дальній вредъ.
О красотѣ ея гремитъ по свѣту слава.„

„А денегъ! счету нѣтъ.... ужель при нихъ до
нрава?
Онѣ лицу, душѣ и разуму приправа,
Запью Шампанскимъ я и въ ужинъ и въ обѣдъ
Капризы.„

„Червонцы намъ въ бѣдахъ пристанище, за-
бава„—
И вотъ уже онъ рабъ супружеска устава;
И вотъ живетъ уже съ Миленою пять лѣтъ;
И вотъ Шампанскаго, красотъ, червонцевъ
нѣтъ.....
Но чтожъ осталося?—спокойствія отрава
Капризы.

Бунина.

Содержаніе *Рондо* можетъ быть и важное, и шуточное. Слогъ долженъ быть легкой, или, лучше сказать, сообразный содержанію.—Русскіе стихотворцы пользуются бо́льшею противъ Французовъ свободою въ семъ сочиненіи, наблюдая только *круглость* онаго, то есть повтореніе

начальныхъ словъ. Вотъ нѣкоторые образцы различныхъ видовъ:

1.) *Я счастливъ былъ* во дни невинности безпечной,
Когда мнѣ богъ любви и въ мысль не приходилъ.
О возрастъ дѣтскихъ лѣтъ! почто ты былъ не вѣчной?
Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни волшебствъ, очарованій,
Когда любовью свѣтъ и красенъ лишь и милъ:
Дождуся ли опять толь сладостныхъ мечтаній?
Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни надежды, увѣренья,
Когда Клarисы взглядъ меня животворилъ:
Одни желанія ужь были наслажденья!
Я счастливъ былъ.

Я счастливъ былъ во дни восторговъ непрерывныхъ
И сердцу милыхъ бурь! какъ я тогда любилъ!
Увы! тогда не пѣлъ я въ пѣсняхъ заунывныхъ:
Я счастливъ былъ.

Дмитріевъ.

2.) *Время любить!* спѣши насладиться,
Чашу блаженства съ другомъ испить!
Быстро летитъ, на вѣки умчится
Время любить!

Время любить! есть голосъ природы:
Смертный Ерота долженъ почтить!
Царство его—цвѣтущіе годы:
Время любить.

Время любить! оставь заблужденье:
Сына Киприды страшно гнѣвить!
Строго казнитъ онъ хладно презрѣнье!
Время любить.

Время любить! пока не увяли
Лиліи персей, розы ланитъ!
Подъ вечеръ дней, подъ игомъ печали,
Поздно любить.

Нечаевъ.

Въ стихотвореніяхъ Николева, находимъ нѣсколько строфъ, начинающихся и окончивающихся одинакимъ стихомъ, на пр:

Прости, моя любезна лира,
На коей двадцать лѣтъ игралъ,
И никогда не похвалялъ
Гордыни .... подлости кумира.

Какъ въ честь гремѣли ей трубы,
А въ славу били барабаны,
Я пѣлъ, я пѣлъ: то все обманы,
Не славятъ, трусятъ лишь рабы,
Страшася своего кумира.—
Прости, *моя любезна лира*, и т. п.

Рондо можетъ имѣть и такую форму:

Тому такъ должно быть и будетъ непреложно,
Чего намъ избѣжать на свѣтѣ семъ не можно;
Старайся и того равно не позабыть:
Что съ нами сдѣлалось; *тому такъ должно быть.*

Тому такъ должно быть, такіе нынѣ нравы:
Душами всѣ кривятъ, а думаютъ быть правы!
Ты это чувствуешь—страшись глаза открыть,
Не умничай, молчи; *тому такъ должно быть.*
и пр.

Французы имѣютъ еще Рондо *сложное*, или *двойное*, redoublé. Оно составляется изъ нѣкотораго количества равныхъ между собою строфъ, коихъ число зависитъ отъ числа стиховъ, содержащихся въ первой строфѣ, потому что каждая изъ строфъ послѣдующихъ за первою, должна

оканчиваться по порядку однимъ стихомъ изъ первой строфы. Сверхъ того прибавляется еще одна строфа, на концѣ которой находятся въ видѣ *припѣва* или *повторенія* два или три первыхъ слова, коими Рондо начинается. Изъ сего видно, что число строфъ въ семъ Рондо превосходитъ всегда двумя число стиховъ первой строфы, и что во всемъ сочиненіи должны быть двѣ только рифмы.—Слѣдующее *сложное* Рондо показываетъ и правила и примѣръ:

1. *Si l'on en trouve*, on n'en trouvera guère
2. De ces Rondeaux qu'on nomme *redoublés*,
3. Beaux et tournés d'une fine maniére,
4. Si qu'à bon droit la plupart sont sifflés.

A six quatrains les vers en sont reglés
Sur double rime et d'éspèce contraire;
Rime où soient douze mots accouplés,
1. Si l'on en trouve, on n'en trouvera guère.

Doit au surplus fermer son quaternaire
Chacun des vers au premier assemblés,
Pour varier toujours l'Intercalaire
2. De ces Rondeaux qu'on nomme redoublês.

Puis par un tour, tour des plus endiablés,
Veut à pieds joints sautant la pièce entière

Les premiers mots, qu'au bout vous enfilez
3. Beaux et tournés d'une fine manière

Dame Paresse, à parler sans mystère,
Tient nos rimeurs de sa cape affublés;
Tout ce qui gêne est sûr de leur deplaire,
4. Si qu'à bon droit la plus part sont sifflés.

Ceux qui de gloire étaient jadis comblés,
Par beau labeur en gagnaient le salaire.
Ces forts ésprits, aujourd'hui cherchez-les;
Signes de croix on aura lieu de faire
Si l'on en trouve.

По неимѣнію на Русскомъ языкѣ лучшихъ образцевъ *сложнаго Рондо*, помѣщаемъ слѣдующее, которое, по крайней мѣрѣ сохраняетъ надлежащую форму:

1. *Давно уже прошло* то времечко счастливо,
2. Какъ тотъ, кто разбиралъ букварь свой по складамъ,
3. Могъ думать о себѣ, и очень справедливо,
4. Что онъ равняется великимъ мудрецамъ.

Теперь—все выучи: скорѣй причтутъ къ глупцамъ!
Ученый сталъ смѣшонъ, а ужъ совсѣмъ не диво,

Какъ было въ старину. Чтожъ дѣлать! по грѣхамъ
1. Давно уже прошло то времечко счастливо.

И что ученье свѣтъ, то стало нынѣ лживо.
Велитъ и безъ наукъ Французская мадамъ,
Чтобъ всякой о себѣ такъ думалъ горделиво,
2. Какъ тотъ, кто разбиралъ букварь свой по складамъ.

Къ томужъ отецъ ведетъ сынка скорѣй къ чинамъ,
Чтобъ онъ въ невѣжествѣ шелъ выше нестыдливо,
И чтобъ подобно всѣмъ высокимъ господамъ
3. Могъ думать о себѣ—и очень справедливо.

Невѣжда завсегда ведетъ себя спѣсиво,
За тѣмъ, что слѣдуетъ онъ глупымъ образцамъ;
Невѣждѣ кажется за правду, очень живо,
4. Что онъ равняется великимъ мудрецамъ.

Не позавидуемъ, друзья, такимъ слѣпцамъ!
Пускай ихъ множество; но мы небоязливо
Ихъ можемъ презирать. Дадимъ покой сердцамъ!

У насъ *желаніе, жить также суетливо,*
Давно уже прошло.

Помѣщаемыя ниже сего два *сложныя Рондо,* хотя и не имѣютъ предписываемой Французами формы, но по достоинству своему сами могутъ служить образцами:

Богатство, слава, *честь* безумцамъ драгоцѣнны!
Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ!
Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны:
Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ.

Толпы искателей, мечтами ослѣпленны,
За счастіемъ бѣгутъ, но счастья нѣтъ для нихъ!
Блаженнѣе стократъ я въ горестяхъ моихъ.
Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны.

Мнѣ тихой уголъ мой отъ бурь и бѣдъ покровъ!
Мірскія радости, какъ тѣни, пролетаютъ,
Намъ счастья не даютъ, но горе оставляютъ!
Страшусь ихъ прелестей, блистающихъ оковъ.

Дѣлить съ тобою жизнь, Ельвира, другъ безцѣнный!
Любовь, судьбу мою въ глазахъ твоихъ читать,
Бывъ счастливымъ вчера, на утро счастья ждать:
Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны.

Какъ чистый ручеекъ, сокрытый межъ цвѣ-
товъ,
Такъ жизнь моя пускай безвѣстно протекаетъ!
Чего желать тому, кто вами обладаетъ,
Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ?

Жуковскій.

Величье, вредная отрава,
Могуль тобой прельщенъ я быть?
Мое все счастіе, вся слава,
Темиру милую любить.

Въ комъ сердце чисто, совѣсть права,
Кто счастье зритъ въ самомъ себѣ:
Не можетъ тотъ служить тебѣ,
Величье, вредная отрава.

Когдажъ умѣю и любить,
Коль покоряюсь нѣжной власти,
Чистѣйшей, непорочной страсти;
Могуль тобой прельщенъ я быть.

Такъ, если жду себѣ устава
У ногъ возлюбленной своей;
Тогда я чувствую, что въ ней
Мое все счастіе, вся слава.

А еслибъ могъ ей милымъ быть,
Тогдабъ въ моей счастливой долѣ,
Я сталъ еще стократно болѣ
Темиру милую любить.

Межаковъ.

РОПАЛИЧЕСКІЙ. Имя сіе придавали древніе такому стиху, который начинался односложнымъ словомъ и продолжался словами увеличивающимися, такъ что второе длиннѣе было перваго, третье длиннѣе втораго, и такъ далѣе до послѣдняго. Таковъ сей Гомеровъ стихъ:

Ὦ μάκαρ Ἀτρείδη μοιρηγενὲς ὀλβιοδαίμιον

И слѣдующій Авзоніевъ:

Spes, Deus, aeternae stationis conciliator.

Слово сіе взято отъ *ῥόπαλον*, палица, дубина—потому что стихъ Ропалическій похожъ на палицу, будучи съ одного конца какъ будто тонѣе, а съ другаго толще.

РУНИЧЕСКІЙ. Такъ называются древнія буквы, находимыя въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ Европейскихъ странахъ (какъ то, въ Даніи, Швеціи, Норвегіи) вырѣзанными на камняхъ.

Слово сіе, какъ увѣряютъ, произошло отъ *Runo* или *Runor*, что на древнемъ

Готфскомъ языкѣ значитъ *высѣкать* или *вырѣзывать*.

Въ Шведской провинціи *Блекингіи* есть дорога, проведенная между утесовъ, на которой видны различныя *руническія* буквы, вырѣзанныя по приказанію Короля *Гаральда Гильдетанда*, жившаго въ седьмомъ вѣкѣ.

Древніе сѣверные народы имѣли большую вѣру къ симъ буквамъ: у нихъ были Руны *горькія*, т. е. буквы, могущія начертаніемъ своимъ произвести всякое зло; руны *добрыя* или *помощницы* отвращали непріятные случаи; руны *побѣдоносныя* доставляли употреблявшимъ ихъ побѣду; руны *врачебныя* изцѣляли отъ болѣзней и были писаны на древесныхъ листьяхъ; наконецъ были руны, способствующія къ избѣжанію кораблекрушенія, къ облегченію родильницъ, къ предохраненію отъ дѣйствій яда, къ смягченію жестокой красавицы.—Буквы сіи употребляемы также были для Епитафій и прочихъ надписей.— Составленныя изъ нихъ слова писаны были по большей части съ верху въ низъ, улитковою линіею, треугольникомъ или кругомъ. —*См. Введеніе въ Исторію Даніи Г. Маллета.*

Олай Вормій въ прибавленіи къ книгѣ *О Рунической Словесности* (De Litteratura Runica) пишетъ, что Руническая поэзія не имѣла рифмы, но наблюдалось въ ней сходство въ буквахъ и слогахъ, и что всякая строфа состояла изъ равнаго числа строкъ или стиховъ, изъ которыхъ каждый заключалъ шесть слоговъ. Отъ стихотворца требовалось, чтобъ въ каждомъ двустишіи три слова начинались одинаковою буквою; два изъ таковыхъ словъ должны находиться въ первой строкѣ, а третье во второй; также надлежало наблюдать, чтобъ въ каждой строкѣ было по два слога (изключая послѣдній) состоящихъ изъ одинакихъ гласныхъ либо согласныхъ. Олай приводитъ два Латинскихъ стиха, сложенныхъ имъ нарочно по правиламъ Рунической поэзіи:

Christus caput nostrum
Coronet te bonis.

Начальныя буквы словъ *christus*, *caput*, *coronet*, заключаютъ три соотвѣтствующія буквы въ двустишіи. Въ первой строкѣ первые слоги словъ *christus* и *nostrum*, во второй *on* въ *coronet* и въ *bonis* дѣлаютъ надлежащее соотвѣтствіе въ слогахъ.

Онъ же пишетъ, что Скальды или Скальдеры, стихотворцы древнихъ Скандинавовъ, въ пѣсняхъ своихъ или визахъ (Vyses), употребляли до 136 различныхъ мѣръ, но различіе сіе состояло не въ размѣрѣ или стопахъ, а въ числѣ слоговъ, и въ расположеніи буквъ.

РУНА или РУНЫ.—См. *Руническій.*

С.

САТИРА. *О происхожденіи Сатиры у Грековъ.*—Сатира въ началѣ своемъ имѣла цѣлію одно только увеселеніе, однѣ сельскія забавы людей, собиравшихся послѣ жатвы или снятія винограда. Въ сихъ играхъ грубыя насмѣшки и стихи, наскоро сочиняемые и пѣтые во время пляски, произвели тотъ родъ поэзіи, которому Аристотель даетъ названіе *плясоваго* и *насмѣшливаго.* Отъ сихъ-то забавъ родилась Трагедія, которая не только одно происхожденіе имѣла съ Сатирою, но долгое время заключала въ себѣ болѣе шуточнаго, нежели важнаго. Когда же Трагедія

начала изображать одни предметы величественные, тогда перешли на театръ и сатирическія увеселенія, какъ будто для смягченія суровости ея.—И какъ сіи позорища производимы были въ честь Бахуса, бога веселости, то почли за приличное ввести въ оныя Сатировъ, товарищей его шалостей, и придать имъ всѣ свойства, могущія наиболѣе смѣшить зрителей.—Отъ сего-то Горацій называетъ Сатиры *agrestes satiros* по происхожденію, и *risores satiros* по цѣли.—Вообще можно сказать, что Греческая Сатира, какъ представленіе театральное, составляла средину между Трагедіи и древней Комедіи.

О Сатирѣ у Римлянъ. Сатиру перенесли въ Римъ Тосканцы. Она была тогда въ видѣ пѣсеннаго разговора, и все достоинство ея заключалось въ силѣ и живости возраженій. Сіи сочиненія писаны были безъ всякаго порядка и безъ правилъ — и потому нѣкоторые писатели слово Сатира производятъ отъ *Satura*, (большая чаша, тазъ, блюдо) сосудъ, въ которомъ приносили богамъ въ жертву безъ разбора всякіе плоды.

Примѣч. Муравьевъ-Апостолъ, въ примѣчаніи на переведенную имъ Гораціеву

Сатиру, говоритъ: „Сатира, Satira, на Латинскомъ языкѣ имѣетъ значенiе весьма схожее на то, что по Французски называется *Pol-pourri*, смѣсь всякой всячины. Въ такомъ смыслѣ и Ювеналъ опредѣляетъ ее, называя книгу свою *Farrago*, т. е. сѣмена разнаго хлѣба, смѣшанныя вмѣстѣ:

Quidquid agunt homines, votum, timor, ira, voluptas,
Gaudia, discursus, nostri est farrago libelli.

т. е. все, что ни бываетъ съ людьми, надежда ихъ и страхъ, любовь и ненависть, веселья, беспокойства, какъ смѣсь разныхъ сѣмянъ, найдутся въ моей книжкѣ.

Названiе Сатиры, продолжаетъ означенный писатель, происходитъ безъ всякаго сомнѣнiя отъ слова *Satur*, сытый, насыщенный; отъ него, блюдо наполненное разными плодами, приносимое на олтари Вакха и Цереры, называлось *Laux Satura*, а въ переносномъ смыслѣ и родъ сочиненiя, въ коемъ всякая всячина могла находиться: — *Satura* или *Satira*, поелику буква *u* часто на Латинскомъ языкѣ измѣнялась на *i*, что мы видимъ въ правописанiи Цицерона, Саллюстiя и пр. которые, кажется, съ умысломъ сохраняли Археизмъ въ нѣкоторыхъ словахъ, на пр:

Pessumus, optumus, maxumus etc вмѣсто *pessimus, optimus, maximus*, или Purrus, Sulla, Phruges вм. *Pyrrus, Sylla, Phryges.*„

Начало Сатиры Латинской можно назначить съ Ливія Андроника, родомъ Грека. Онъ своими правильными театральными представленіями послужилъ къ перемѣнѣ формы Сатиры, которая у него приняла видъ нѣсколько похожій на драматическій, и показывалась прежде или послѣ главнаго представленія, иногда и между актами. Въ первомъ случаѣ называли ее *jsode* (εἰσόδον), представленіе при входѣ, при началѣ; во второмъ *exode* (εξιόδον), представленіе при выходѣ, или при окончаніи, а въ третьемъ, то есть между актами: *embolon*, (ἐμβόλον).

Она возвратила прежнее свое свойство и прежнее имя при Енніи и Пакувіи, показавшихся чрезъ нѣсколько времени послѣ Андроника—по причинѣ различныхъ или смѣшанныхъ видовъ, даваемыхъ ей наиболѣе Енніемъ, ибо онъ употреблялъ въ ней безъ разбора и безъ всякаго порядка разные роды стиховъ.

Теренцій Варронъ еще смѣлѣе былъ Еннія въ Сатирѣ, названной имъ *Менипнея*, по сходству съ Сатирою Мениппа,

Греческаго Циника. Онъ смѣшивалъ стихи съ прозою, и слѣдовательно болѣе другихъ имѣлъ право назвать свои творенія Сатирами, по данной имъ формѣ.

Наконецъ явился *Луцилій*; онъ установилъ видъ Сатиры, какой находится у Горація, Персія и Ювенала, и даже у новѣйшихъ народовъ. Тогда значеніе слова *Сатира* перемѣнилось; его стали придавать смѣшенію предметовъ, а не формъ, ибо дѣйствительно въ сихъ сочиненіяхъ находится *осмѣяніе* и самихъ людей, и различныхъ странностей ихъ и пороковъ. —Кайй *Луцилій* (Caius Lucilius), Римскій всадникъ, родился въ Италійскомъ городѣ Аврунціи за 147 лѣтъ до Р. Х. Бывши поведенія совершенно строгаго, онъ объявилъ себя врагомъ пороковъ и прилѣпился къ Сатирѣ. Онъ написалъ болѣе тридцати книгъ Сатиръ, изъ которыхъ осталось только нѣсколько отрывковъ; но сія потеря, по словамъ Горація, не заслуживаетъ большаго сожалѣнія: слогъ его грубъ и стихи слабы.

Горацій (Horatius Flaccus) былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, ибо родился въ самое цвѣтущее время Латинской словесности; онъ довелъ Сатиру до возможнаго совершенства — и

употреблялъ въ ней строгости къ порокамъ не болѣе того, сколько нужно для содѣланія злыхъ и глупцовъ людьми презрительными. Въ Сатирахъ его видѣнъ философъ чувствительный, смотрящій съ прискорбіемъ на человѣческія погрѣшности, и только изрѣдка позволяющій себѣ надъ оными посмѣяться. Онъ назвалъ свои Сатиры и Сатирическія посланія *Sermones* (рѣчи, разговоры, разсужденія)—и сіе одно достаточно объясняетъ ихъ характеръ. Горацій родился въ 689 году отъ построенія Рима. Августъ и Меценатъ удостоивали его особенной благосклонности. Онъ умеръ 57 лѣтъ.

Персій (Aulus Persius Flaccus) родился въ Етрурскомъ городѣ Волатеррѣ въ 34 году Христіанскаго лѣтосчисленія; умеръ тридцати лѣтъ, въ осмое лѣто царствованія Нерона. Въ Сатирахъ его видны чувства возвышенныя. Слогъ его силенъ, но теменъ отъ частыхъ Аллегорій и Метафоръ. Хотя старался онъ подражать Горацію, но совершенно отъ него отличенъ: не имѣетъ столько пріятности, и вообще въ Сатирахъ его видна какая-то злоба противъ тѣхъ, которыхъ осмѣиваетъ.

Ювеналъ (Decimus Junius Juvenalis) родился въ Неаполитанскомъ городѣ Аквино около половины перваго столѣтія, и жилъ въ Римѣ при концѣ царствованія Домиціана. Получивши всеобщее одобреніе за сочиненную имъ Сатиру на какого-то Париса, онъ совершенно предался сему роду; но Сатирики и въ старину любимы не были: его опредѣлили въ военную службу, и подъ видомъ отличія или милости, послали въ Египетъ. Тамъ, снѣдаемый скукою, возсталъ онъ противъ несправедливостей фортуны и противъ людей знатныхъ, употреблявшихъ во зло свое могущество. Слогъ Ювенала силенъ; Иперболa есть любимѣйшая его фигура. Юлій Скалигеръ называетъ его царемъ Сатирическихъ поэтовъ, и говоритъ, что онъ *ardet*, *instat*, *jugulat*, воспламеняется, наступаетъ, поражаетъ.

О новѣйшихъ Сатирикахъ. Изчислять новѣйшихъ Сатирическихъ писателей было бы излишне: у каждаго народа было и есть ихъ множество. И потому упомянемъ здѣсь объ одномъ — единственномъ въ семъ родѣ Буало Депрео, который столь удачно подражалъ древнимъ, и особенно Горацію, что самъ почитается образцемъ

неподражаемымъ. Онъ родился близъ Парижа въ 1636 году, умеръ въ 1711, Марта 11 дня. Людовикъ XIV былъ ему покровителемъ. — Сверхъ Сатирическихъ творенiй, Буало извѣстенъ *Наукою Стихотворства* и поэмою подъ названiемъ *Налой*.

Буало, говоритъ Аббатъ Батте, въ выраженiяхъ кратокъ, пристоенъ, точенъ, не терпитъ ничего безполезнаго и темнаго. Цѣль его Сатиры состояла въ охужденiи пороковъ вообще, и худыхъ писателей въ особенности. Онъ не называетъ злодѣя, но именуетъ худаго автора, ему не нравящагося, и выказываетъ его другимъ для поддержанiя здраваго смысла и хорошаго вкуса.—Чтобы судить о достоинствѣ Буало, продолжаетъ Батте, надобно только взглянуть на его творенiя. Его *Наука Стихотворства* есть соединенiе ума, вкуса, воображенiя, гармонiи. Всѣ стихи его суть изрѣченiя, пословицы, выраженныя со всею ясностiю и всевозможною силою.—*Налой* есть совершенное произведенiя Генiя, зданiе, построенное, по словамъ Ламуаньона, на острiѣ иглы; это воздушный замокъ, поддерживаемый однимъ искуствомъ и силою зодчаго. — Его Сатиры и

посланія исполнены колкости, живости и смѣлыхъ изображеній.

О Русской Сатирѣ. На нашемъ языкѣ первый сталъ писать въ Сатирическомъ родѣ Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, родившійся въ 1709 году, и скончавшійся въ Парижѣ 34 лѣтъ. — Мы имѣемъ въ Кантемирѣ, говоритъ Жуковскій, нашего Ювенала и Горація. Сатиры его чрезвычайно пріятны, не смотря на то, что онѣ писаны *слогами*, также какъ и Псалмы Симеона Полоцкаго и почти всѣ старинныя Русскія пѣсни, и что языкъ стихотворца уже нѣсколько устарѣлъ: въ нихъ видѣнъ не токмо остроумный философъ, знающій человѣческое сердце и свѣтъ, но вмѣстѣ и стихотворецъ искусный, умѣющій владѣть языкомъ своимъ, и живонисецъ, вѣрно изображающій для нашего вообраденія тѣ предметы, которые самаго его поражали.

Кантемиръ оставилъ намъ восемь Сатиръ, которыя можно раздѣлить на два класса: на *Философическія* и на *живописныя*; въ однѣхъ, именно въ VI и VII Сатирикъ представляется намъ философомъ Моралистомъ, а въ другихъ, какъ то, въ I, II, III, IV, искуснымъ живописцемъ людей

порочныхъ. Мысли свои, почерпнутыя изъ общежитія, выражаетъ онъ сильно и кратко, и почти всегда оживляетъ ихъ или картинами или сравненіями.

Князь Кантемиръ былъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Полномочнымъ Посломъ при Французскомъ дворѣ. Изъ книжки же Тредіаковскаго *Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ* видно, что онъ отправлялъ таковуюже должность и при Англинскомъ Дворѣ, а упоминаетъ о семъ Тредіаковскій по слѣдующей причинѣ: онъ перемѣнилъ первый стихъ Кантемировой Сатиры къ *Уму своему*

Уме слабый, плодъ трудовъ не долгой науки! *)

Такимъ образомъ:

Умъ толь слабый, плодъ трудовъ краткія науки!

и послѣ объяснялся сими словами:

„За сіе дерзновеніе у остроумнаго, и глубоко мною всегда почитаемаго автора, покорно прошу прощенія..... При томъ

---

*) Должно полагать, что стихъ сей былъ въ такомъ видѣ въ первыхъ изданіяхъ; въ послѣдующихъ онъ такъ напечатанъ:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!

же и сіе мнѣ къ тому дало поводъ, то есть, дабы чрезъ сію перемѣну объявить оному благородному, и никогда между нашими, нынѣшними и будущими, піитами въ памяти умереть не имѣющему автору, что коль чрезъ малую перемѣну и легкій способъ, можно изъ старыхъ нашихъ стиховъ новые сдѣлать, буде онъ благоволяетъ еще когда забаву имѣть, для препровожденія своего времени, въ сложеніи стиховъ, и буде высокія, къ томужъ и важныя упражненія и дѣла, (которыя острой его прозорливости и доброму попеченію при Дворѣ Великобританскомъ въ характерѣ Полномочнаго Министра нынѣ ввѣрены) къ тому его допускаютъ.,,

Послѣ Кантемира слѣдуетъ по теченію времени упомянуть о А. П. Сумароковѣ. Онъ также между прочими родами стихотвореній упражнялся и въ Сатирѣ. —Онъ оставилъ сверхъ Сатирическихъ Епистолъ, десять Сатиръ, подъ слѣдующими названіями: *Піитъ и другъ его, кривой толкъ, о благородствѣ, о худыхъ Рифмотворцахъ, о худыхъ судьяхъ, о Французскомъ языкѣ, о честности, о злословіи, наставленіе сыну,* и *ода отъ лица лжи.*—О до-

стоинствѣ ихъ можно судить по примѣрамъ, ниже сего приводимымъ.

Изъ нынѣшнихъ писателей съ успѣхомъ упражнялись въ Сатирическомъ родѣ: Капнистъ, Дмитріевъ, Воейковъ, К. Вяземскій, Милоновъ, Кн: Шаховскій и пр. Въ *Посланіяхъ* Графа Хвостова также много находится *Сатирическаго,* удачно выраженнаго.

Правила и свойства Сатиры.

Сатира есть рѣчь въ стихахъ, или поэма, въ которой *открыто* возстаютъ на человѣческіе пороки, заблужденія и странности. Здѣсь сказано *открыто* потому, что Басня и Комедія также имѣютъ предметомъ осмѣяніе или исправленіе пороковъ, заблужденій, странностей; но онѣ нападаютъ, такъ сказать, стороною, либо подъ видомъ Аллегоріи, либо въ изображеніи такихъ характеровъ, кои не имѣютъ въ природѣ настоящаго образца; а въ Сатирѣ, какъ выражается одинъ Литтераторъ, кошку называютъ прямо кошкою и Нерона тираномъ.

Сатира, собственно такъ называемая, (говоритъ Жуковскій въ сочиненіи о *Сатирѣ и Сатирахъ Кантемира*) отлична

отъ всѣхъ другихъ Сатирическихъ произведеній—и въ прозѣ и въ стихахъ—своею дидактическою формою. Вольтеровъ *Кандидъ*, Сервантовъ *Донъ Кишотъ*, Эразмова *Похвала дурачеству*, Свифтовъ *Гулливеръ*, Ботлеровъ *Гудибрасъ*, Мольеровъ *Тартюфъ*, имѣютъ предметомъ—какъ Сатира-осмѣяніе пороковъ и глупостей; но *Кандидъ*, *Гулливеръ* и *Донъ Кишотъ*, романы, *Гудибрасъ* поэма, *Тартюфъ* Комедія! Сатира должна быть Сатирою, слѣдовательно, имѣть собственную, ей одной принадлежащую форму. Сатирикъ, можно сказать, заимствуетъ эту форму у философа; но онъ заимствуетъ какъ стихотворецъ, и сверхъ того пользуется нѣкоторыми особенными способами. Избравши предметъ свой, онъ примѣняется къ нему тономъ, слогомъ и расположеніемъ; на примѣръ: нападая на странности, онъ вооружается легкою и колкою шуткою, смѣшитъ и изцѣляетъ пріятнымъ лѣкарствомъ смѣха; напротивъ, имѣя въ виду какой нибудь вредный, заразительный порокъ, онъ возвышаетъ тонъ, выражается съ жаромъ, и тогда самая насмѣшка его принимаетъ на себя наружность негодованія. — Разность сію можно видѣть между Сатирами Горація

и Ювенала.—Что касается до предметовъ, которыми приличнѣе заниматься Сатирику, то онъ долженъ изъ безчисленнаго множества пороковъ, странностей и заблужденій, выбирать только такіе, которыхъ вліяніе и общее и самое обширное: частныя заблужденія и пороки, будучи мало замѣтны, потому именно и не могутъ быть заразительны, ибо они произходятъ по большей части отъ нѣкоторыхъ особенныхъ недостатковъ ума и характера, которые надлежитъ почитать изключеніями. Личность есть тоже, что низкое мщеніе; она уничтожаетъ нашу довѣренность къ Сатирику, который въ глазахъ нашихъ долженъ быть проповѣдникомъ истины и добрыхъ нравовъ. Одинъ человѣкъ не можетъ быть образцемъ для другихъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ: стихотворецъ изображаетъ намъ только то, что свойственно всему человѣчеству, соблюдая однако всѣ тѣ отличія, которыя человѣческая натура заимствуетъ отъ нравовъ и обычаевъ его вѣка: слѣдовательно, будучи наблюдателемъ тонкимъ, онъ долженъ изображать человѣка вообще, то есть, представлять намъ въ добродѣтеляхъ и въ порокахъ идеалъ цѣлаго, соста-

вленный изъ множества мѣлкихъ, въ разное время замѣченныхъ имъ частей: таковы должны быть нравственныя картины Сатирика. Личная Сатира только что оскорбляетъ; а оскорбленіе почти никогда не можетъ быть дѣйствительнымъ лѣкарствомъ. Не думаю также, чтобы въ Сатирахъ было полезно нападать на пороки, слишкомъ отвратительные, и потому именно выходящіе изъ порядка натуры: такія картины только возмущаютъ чувство; но польза ихъ весьма ограничена, ибо нѣтъ никому нужды остерегаться отъ того, что необходимо должно казаться неестественнымъ и производитъ отвращеніе.

Ешенбургъ раздѣляетъ Сатиры на *важныя* и *веселыя*. Въ первыхъ стихотворецъ сражается только съ такими пороками, которые гибельны для общества: слогъ его долженъ быть силенъ, *негодованіе* должно быть его геніемъ. Въ Сатирахъ веселыхъ стихотворецъ имѣетъ передъ глазами однѣ забавныя странности, одни пороки смѣшные, и слогъ его долженъ быть легкой, исполненный того остроумія, которое Цицеронъ называетъ солью. Важная Сатира можетъ въ иныя минуты

заимствовать легкость у веселой, а веселая заимствовать силу у важной: разнообразіе почитается одною изъ главныхъ прелестей слога. Замѣтимъ здѣсь, что важная Сатира вообще легче для стихотворца, нежели веселая, именно потому, что въ первой изображаетъ онъ такіе предметы, которыхъ характеръ разительный, слѣдовательно и болѣе замѣтный; а въ послѣдней занимается мѣлкими, слѣдовательно требующими особенной остроты зрѣнія и занимательности предметами.„

Когда же Сатирическій стихотворецъ разбираетъ въ видѣ критика какія либо произведенія, относящіяся до наукъ и художествъ, то, строго соблюдая всѣ правила здравой критики, обязанъ избѣгать пристрастія и язвительности, обязанъ говорить съ хладнокровіемъ философа—объ однѣхъ только произведеніяхъ, не именуя самаго автора. Къ сожалѣнію, Буало погрѣшалъ противъ сего правила.

Форма Сатиры сама по себѣ не заслуживаетъ большаго вниманія; иногда, какъ видно изъ приводимыхъ разсужденій, бываетъ она Епическою, иногда Драматическою, иногда имѣетъ названіе рѣчи, Епи-

столы, и пр.—Также всякой размѣръ, всякіе стихи въ ней употреблены быть могутъ; но разумѣется, что для важныхъ Сатиръ приличнѣе стихъ шестистопный, а для шуточныхъ сверхъ шестистопныхъ, могутъ быть приличны стихи четырехстопные и даже вольные.

Примѣры.

1. *Отрывки изъ Сатиръ Кантемира.*— Выписывая нѣкоторыя мѣста изъ произведеній перваго нашего Сатирика, мы воспользуемся разсужденіями объ оныхъ Г. Жуковскаго.

„Первая Сатира къ *Уму* написана была противу тѣхъ, которые своею привязанностію къ стариннымъ предразсудкамъ противились распространенію наукъ, введенныхъ въ предѣлы Россіи ПЕТРОМЪ Великимъ. Сатирикъ, желая осмѣять безразсудныхъ хулителей просвѣщенія, вмѣсто того, чтобы доказывать намъ логически пользу его, притворно беретъ сторону глупцовъ и невѣждъ, объявившихъ ему войну, выводитъ ихъ на сцену и каждаго заставляетъ говорить языкомъ, приличнымъ его характеру.„—Вотъ начало Сатиры:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно и славу достать, хоть творцемъ не слыти;
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тотъ, что босы проклали
Девять сестръ. Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору чужится,
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣчена марморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.

Правда, въ нашемъ молодомъ Монархѣ *) надежда
Всходитъ Музамъ не мала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлонъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ; чтяща свою свиту

*) ПЕТРЪ II.

Видѣлъ его самаго, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ
сильно:
Но та бѣда! многіе въ Царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.

„Расколы и Ереси науки суть дѣти;
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти;
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ!
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и
вздыхаетъ
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между
нами:
„Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не
знали....

. . . . . .

Сильванъ другую вину наукамъ находитъ.
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежь сего, не зная Латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ;
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;

Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде въ ней нѣтъ чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину?
Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ то есть
дѣло;
Знатнымъ полно подтверждать, иль отри-
цать смѣло.

. . . . . .

Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стать за однимъ ночь пятномъ не спать
цѣлу?
За любопытствомъ однимъ лишиться покою,
Ища, солнцель движется, или мы съ землею;
Въ Часовникѣ можно честь на всякой день года
Число мѣсяца и часъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида
смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ Алгебры счи-
слимъ.

Послѣ корыстолюбиваго богача Сильвана, является предавшійся всѣмъ развратамъ *румяный* Лука, и *подпѣваетъ*:

Наука содружество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.

Что же пользы иному; когда я запрусь
Въ чуланъ, для мертвыхъ друзей живущихъ
лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она не долга, на что коротати,
Крушиться надъ книгою и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?

За сими стихами Лука, или, лучше сказать нашъ стихотворецъ, дѣлаетъ такое опредѣленіе вина:

Вино, даръ божественный, много въ немъ провору!
Дружитъ людей, подаетъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердца, угрюмость отводитъ.....

. . . . . .

Медоръ тужитъ, что чрезъ чуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ
Что не во что завертѣть завитыя кудри;

Не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй
пудры;
Предъ Егоромъ *) двухъ денегъ Виргилій не
стоитъ;
Рексу, не Цицерону похвала достоитъ.

Послѣ сего обращается авторъ къ *уму* и совѣтуетъ воздержаться отъ разсужденій и упрековъ, показывая между тѣмъ предубѣжденіе противъ наукъ людей разнаго званія, увѣренныхъ, что и безъ просвѣщенія обойтись можно; на пр:

Хочешь ли судьею стать? надѣнь парикъ съ
узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками;
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ.
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Естьлижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански
уставы
Иль естественный законъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу, скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подъячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.

---

*) Славный сапожникъ въ Москвѣ, умершій въ 1729, а Рексъ славный портной, Нѣмецъ.

Теперь покажемъ собственное разсужденіе автора:

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златый вѣкъ до нашего не достигнулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло;....
.... Наука ободрана, въ лоскуткахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита;
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ, хоть голова полна, пусты руки. и пр.

И заключеніе:

Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,

Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать
хулу злую.

„Мы предложимъ нашимъ читателямъ нѣсколько примѣровъ изъ другихъ Сатиръ, чтобы дать имъ яснѣйшее понятіе о искуствѣ Кантемира въ выраженіяхъ *мыслей*, въ *описаніяхъ* и *сравненіяхъ* стихотворныхъ, въ изображеніи *характеровъ*.

Въ пятой Сатирѣ стихотворецъ уступаетъ свою ролю лѣсному Сатиру, одѣтому въ модное платье и присланному отъ бога Пана въ городъ для того, чтобы наглядѣвшись на людей и возвратившись въ лѣсъ, забавлять его въ скучные часы разсказами о ихъ дурачествахъ. Сатиръ, описавши Періергу нѣкоторую часть того, что видѣлъ и слышалъ между людьми, заключаетъ:

А вы, что мнитесь ума одаренны свѣтомъ,
Въ темнотѣ вѣкъ бродите; не въ время прилѣжни,
Въ ненужномъ потѣете, а въ потребномъ лежни,
Коротокъ жизни предѣлъ, велики затѣи,
Своей сами тишинѣ глупые злодѣи,

Состояніемъ своимъ всегда недовольны.
Купецъ, у кого анбаръ и сундуки полны
Богатствъ всякихъ, и можетъ жить себѣ въ покоѣ
И въ довольствѣ, вотъ не спитъ и мыслитъ иное,
Думая, какъ бы ему сдѣлаться судьею;
Куды де хорошо быть въ людяхъ головою:
И чтятъ тебя, и даютъ, постою не знаешь;
Много ль, мало ль, для себя всегда собираешь.
Ставъ судьею, ужъ купцу не мало завидитъ,
Когда по несчастію пусто въ мѣшкѣ видитъ,
И слыша просителей у дверей вздыхати,
Долженъ встать не выспавшись съ теплыя кровати?

. . . . . .

Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что де меня творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье, да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для менябъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣбъ молоко, мнѣбъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, Княгинѣ,

Понеси въ поклонъ, и самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришелъ поборъ, пахаря вписали въ солдаты:
Не однажды дымные вспомнитъ ужъ палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупа-
нѣ .... и пр.

Въ Сатирѣ *VII*, писанной къ Князю *Никитѣ Юрьевичу Трубецкому*, находятся прекраснѣйшія мысли о *воспитаніи*.„ Вы увидите, говоритъ Г. Жуковскій, что Кантемиръ имѣлъ самыя основательныя понятія о семъ важномъ предметѣ, и нѣкоторыя мысли его должны быть аксіомами для всякаго воспитателя.„ — Если придетъ мнѣ въ голову увѣрять ханжу, пишетъ Сатирикъ, что онъ однимъ постомъ и молитвою не войдешъ въ рай, то онъ

Вспылавъ, ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ.
И дѣло онъ говоритъ. Еще и тридцатый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ,
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять дo-
влѣетъ

Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами,
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и, какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?

„И въ самомъ дѣлѣ, какъ не быть тому совершенно умнымъ, кто *едва три зуба сберегъ за губами?* люди упрямы, продолжаетъ Сатирикъ: они увѣрены, что всякой, считающій себѣ за шестьдесятъ лѣтъ, *потянетъ умомъ трехъ молодыхъ*, хотя извѣстно, что разсудокъ не всегда ждетъ старости. Но мало ли подобныхъ заблужденій? одинъ любитъ въ поступкахъ своихъ слѣдовать предписаніямъ здраваго ума; другой на противъ не замѣчаетъ своихъ ошибокъ; а третій, и замѣчая ихъ, не умѣетъ бороться съ *упрямою силою*, и всякой въ оправданіе свое говоритъ, что природы одолѣть не возможно.„

„Всего болѣе надлежитъ быть осторожнымъ въ выборѣ наставниковъ, и опасаться, чтобы дѣти не были окружены такими людьми, которые могутъ имъ повредить своимъ образомъ мыслей и пр. но сами родители въ особенности должны

имѣть чистую нравственность, чтобы дѣти ихъ не были испорчены:

.....Родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Естьлибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть и языкъ свой въ уздѣ держали.
Правдой и неправдою мнѣ копится куча
Денегъ, и степень достать высоку, жизнь муча,
Нужусь; полвѣка во снѣ, въ пирахъ провождаю,
Въ сластяхъ всякихъ по уши себя погружаю;
Однихъ счастливыми я зову лишь обильныхъ,
И сотью то въ часъ твердя, завидую сильныхъ
Своевольству и людей, и дружбу ихъ тщуся
Всячески снискать себѣ, убогимъ смѣюся:
А однакожъ требую, чтобъ сынъ мой доволенъ
Былъ малымъ, чтобъ смиренъ былъ и собою воленъ
Зналъ обуздать похоти, и съ одними знался
Благонравными, и тѣмъ подражать лишь тщался. и пр.

,,Представленные примѣры показываютъ въ Кантемирѣ превосходнаго философа-моралиста: мысли его ясны; онъ выражаетъ ихъ сильно и съ живостію сти-

хотворца. — Покажемъ теперь искуство его въ *описаніяхъ* и въ изображеніи *характеровъ*. Вотъ противоположность смѣшнаго образа жизни молодаго суетнаго человѣка великимъ дѣламъ его предковъ:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верьхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнешь, разтворишь глаза, выспишься до воли,
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься, сжидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая;
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ;
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечь завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину,
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станутъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя

Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя, нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится .... и пр.

„Слѣдующее описаніе безразсудной заботливости нѣкоторыхъ стариковъ весьма забавно:

Видѣлъ я столѣтняго старика въ постели,
Въ которомъ лѣта весь видъ человѣка съѣли,
И на трупъ больше похожъ; на бороду плюетъ,
Однакожъ дряхлой рукой и въ очкахъ рисуетъ.
Что такое? вѣдь не гробъ, чтобы ему кстати;
Съ огородомъ пышный домъ, гдѣбъ въ лѣто гуляти ....

Окончимъ описаніями характеровъ злословнаго *Зосима* и льстеца *Трофима*:

....

Ни возрастъ, ни чинъ, ни другъ, ни самъ ближній кровный
Языкъ Созимовъ унять не могутъ злословный.
Я несчастливымъ тотъ день себѣ быть считаю,
Когда случится мнѣ съ нимъ сойтись; ибо знаю,

Что какъ скоро съ глазъ его сойду, ужъ готово
Столь злобноежъ обо мнѣ будетъ ему слово.
Сообществу язва онъ; но больше ужасенъ
Трофимъ съ сладкимъ языкомъ, и больше опá-
сенъ. . . . .
Трофимъ надсажаясь все хвалитъ безъ разбору,
И множитъ число глупцовъ. Вѣру даемъ скору
Похваламъ мы о себѣ, и въ сердце вскользая
Изтребятъ до корени, буде въ немъ какая
Крылась къдобродѣтели ревность многотрудна.
Самолюбіемъ душа ни одна не скудна . . . . и пр.

О сравненіи Кантемира съ другими Сатириками см. ниже.

2. *Отрывки изъ Сатиръ Сумарокова.*

Хотя Сумароковъ жилъ въ такое время, когда языкъ нашъ и самое стихосложеніе были уже болѣе обработаны; но въ Сатирахъ онъ долженъ занимать низшее въ сравненіи съ Кантемиромъ мѣсто. Сумароковъ хотѣлъ, кажется, подобно современнику своему Вольтеру, отличиться во всѣхъ родахъ поэзіи; а потому писалъ и Сатиры. Въ немъ вообще видна какая-то принужденность; самыя рифмы увлекали его иногда нетолько отъ того, что мы называемъ вкусомъ, но даже отъ здраваго

разсудка; какъ на примѣръ въ первой Сатирѣ подъ названіемъ *Піитъ и другъ его*, Піитъ, рѣшившійся сочинять Сатиры, говоритъ:

Невѣжи, какъ хотятъ, пускай бранятъ меня;
Ихъ тѣсто никогда въ Сатиру не закиснетъ.

Что означаетъ послѣдній стихъ? для чего написанъ? Безъ сомнѣнія, для одной рифмы, которою оканчивается извѣстная Русская пословица:

А брань ни у кого на воротѣ не виснетъ.

Такихъ выраженій встрѣчается у Сумарокова очень много. — Мы ограничиваемъ себя краткими выписками изъ разныхъ Сатиръ сего стихотворца, помѣщаемыми единственно для показанія слога его:

Льстецъ мыслитъ ли когда, что онъ безмѣрно гнусенъ?
Онъ мыслитъ то, что онъ, какъ жить съ людьми искусенъ:
Коль нужда въ комарѣ, зоветъ его слономъ;
Когда къ боярину придетъ съ поклономъ въ домъ,
Сертитъ предъ мухою боярской безъ препоны,
И отъ жены своей *ей* дѣлаетъ поклоны.

Скупой съ усмѣшкою надежно говоритъ:
Желудку что ни дай, онъ все равно варитъ,
Вина не любитъ онъ, здоровѣе де пиво;
Пить вины фряжскія, то очень прихотливо;
Отецъ *де мой весь вѣкъ все медъ да* пиво пилъ,
Однако онъ всегда здоровъ и крѣпокъ былъ.
Безумецъ, не о томъ мы рѣчь теперь имѣемъ,
Что мы о здра*віи и* крѣпости жалѣемъ.
Сокровище свое ты заперъ въ сундуки:
И опираяся безноженъ на клюки,
Забывъ здоровъ *ли* ты теперь, или ты боленъ,
Кончая дряхлый вѣкъ совсѣмъ *бы былъ* доволенъ,
Когда бы чаялъ ты, какъ станешь умирать,
Что льзя съ собой во гробъ богатство все забрать.
Здоровье *ли* въ *умѣ? мѣ*шки ты въ мысли числишь,
Не спишь, ни ѣшь, ни пьешь, о деньгахъ только мыслишь,
Въ которыхъ, коль ты ихъ не тратишь, нужды нѣтъ,
Ты мнительно богатъ; *такъ мысли твой весь свѣтъ.*

Сат. кривой толкъ.

А ты въ комъ нѣтъ ума, безмозглый дворянинъ,

Хотя ты Княжеской, хотя господской сынъ,
Какъ будто женщина дурная не жеманься
И что тебѣ къ стыду, предъ нами тѣмъ не чванься!
Отъ Августа пускай влеченъ твой знатный родъ;
Когда прекрасна мать, а дочь ея уродъ,
Полюбишь ли ты дочь, узришь ли въ ней заразы,
Хотя ты по уши зарой ее въ алмазы?
Коль только для себя ты въ обществѣ живешь,
И въ потѣ несвоемъ ты съ масломъ кашу ѣшь,
И не собой еще ты сверхъ того гордишься,
Не дивно ли, что ты, дружечикъ мой, *не рдишься?*

Сат. о благородствѣ.

Слѣдующій отрывокъ, по мнѣнію нашему, есть лучшій изъ всѣхъ Сатирическихъ произведеній Сумарокова: — онъ взятъ изъ Сатиры *о худыхъ рифмотворцахъ.*

Одно ли дурно то на свѣтѣ, что грѣшно?
И то не хорошо, что глупостью смѣшно.
Піитъ, который насъ стихомъ не утѣшаетъ,
Презрѣнный человѣкъ, хотя не согрѣшаетъ.
Но кто отъ скорби сей насъ можетъ изцѣлить,
Коль насъ безчестіе стремится веселить?

Когдабъ учились мы, изчезлибъ пухлы оды,
И не ломали бы языка переводы;
Невѣжѣ никогда не льзя переводить:
Кто хочетъ поплясать, сперьва учись ходить.
Всему положены и счетъ, и вѣсъ, и мѣра:
Сапожникъ, кажется, поменѣе Гомера;
Сапожникъ учится, какъ дѣлать сапоги,
Пирожникъ учится, какъ дѣлать пироги:
А поваръ иногда, коль стряпать онъ умѣетъ,
Доходу болѣе Профессора имѣетъ;
Въ поэзіи ль одной уставы таковы,
Что къ нимъ не надобно ученой головы?
Въ другихъ позναніяхъ текли бы мысли дружно,
А во поэзіи еще и сердце нужно.
Въ иной наукѣ вкусъ не стоитъ ничего,
А во поэзіи не можно безъ него.
Не всѣ къ наукѣ сей рожденны человѣки:
Расинъ и Моліеръ во всѣ ль бываютъ вѣки?....

и проч.

Теперь приступимъ къ выпискамъ изъ такихъ произведеній, которыя, по заключающимся въ нихъ красотамъ и по слогу, могутъ служить надлежащими въ Сатирическомъ родѣ образцами; примѣняясь же къ раздѣленію Ешенбурга, покажемъ преж-

де Сатиры *важныя*, а потомъ *веселыя* или *шуточныя*.

3.) *Отрывки изъ Сатиры Воейкова* о истинномъ благородствѣ.—

Сатира сія какъ и многія другія, ниже сего помѣщаемыя, имѣетъ видъ *Посланія*. Вотъ начало:

Эмилій, другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты, славно побѣдивъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость.
Ты свой возвысилъ родъ; твой гербъ, твои чины,
И слава—собственно тобой сотворены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ потомки
Любовь къ отечеству, не титлы только громки.—
Однако же нельзя дворянство вздоромъ счесть,
Когда, съ заслугами соединяя честь,
Почтенный дворянинъ, блистая орденами,
Быть хочетъ, такъ какъ ты, полезенъ намъ дѣлами.
Дворянство помнитъ онъ лишь только для того,
Чтобы достойнымъ быть отличія сего;
Заслуги праотцовъ своими умножаетъ—
И честь ихъ имени еще свѣтлѣй сіяетъ!

Напротивъ, не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный Французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался,
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцовъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай Монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль, предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ по-
ревнованья;
Когда безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупой ихъ въ презрѣнной нѣгѣ
спитъ;
А между тѣмъ сей Князь, бояринъ этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ по-
дарилъ,
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
Какъ будто съ Минихомъ дѣлилъ труды и славу,
Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву.
Не ужъ ли вѣчно мнѣ глупца сего щадить?

. . . .

За симъ приводитъ Авторъ *дворянскому сынку* на память многихъ соотечественниковъ, прославившихъ себя разными знаменитыми подвигами и безсмертными твореніями. Стихъ, сказанный по сему случаю о Державинѣ, можно почесть прекраснѣйшею *Надписью къ портрету* сего великаго поэта:

Онъ нѣженъ какъ любовь и звученъ какъ перуны.

И потомъ продолжаетъ:

Наслѣдникъ бабушкинъ и маминькинъ сынокъ,
Не на однихъ словахъ, будь бариномъ самымъ дѣломъ;
Великихъ сихъ мужей поставь себѣ примѣромъ;
Будь честенъ, какъ они—и Княжествомъ хвались;
Полезенъ обществу—и предками гордись и пр.

4.)—Изъ сокращеннаго перевода Ювеналовой Сатиры *о благородствѣ*.

Скажи мнѣ, Понтикусъ, какая польза въ томъ,
Что ты, обиженный и сердцемъ и умомъ,
Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ образами,
Прославившихъ себя великими дѣлами?
Что видимъ ихъ вездѣ во храминѣ твоей?

Здѣсь Галба безъ носу, Корванусъ безъ ушей;
А тамъ, въ торжественной Эмилій колесницѣ,
Съ лавровой вѣтвію и копіемъ въ десницѣ;
Иль Куріи въ пыли, въ лоскутьяхъ на стѣнѣ?
Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ иль хлыстикомъ на ветхіе портреты,
Которы у тебя коппятся многи лѣты,
Надувшись, говоришь:,, смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ Римскихъ войскъ—великій былъ герой!
А это прадѣдъ мой, разумный былъ Диктаторъ!
А это дѣдушка, вотъ прямо былъ Сенаторъ!,,
А самъ ты внучекъ что? герои на стѣнахъ,
А ты предъ ними ночь всю пьянствуешь въ пирахъ;
А ты ложишься спать тогда, какъ тѣ вставали
И къ бою со врагомъ знамена развивали.
Возможно ль Фабію гордиться только тѣмъ,
Что предъ Иракловымъ *) взлелѣянъ олтаремъ,

---

*) Эвандръ въ честь Геркулесу воздвигнулъ храмъ, препоруча смотрѣніе надъ нимъ Фабіанову роду, который почиталъ себя происходящимъ отъ сего полубога.

И съ жизнью получилъ названье Альборога,
Когда сей правнучекъ законный полубога
Честолюбивъ и гордъ лишь славой праотца,
А самъ вялѣе, чѣмъ Падуйская овца?
Когда онъ дряблостью прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ,
Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?
Надменный! пышла, родъ—пустое превосходство!
Но духъ, великій духъ—вотъ наше благородство! *и пр.*

. . . .

Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы,—оно падетъ,
А скромный плющъ растетъ безъ страха, и не гнется,
Хотя и срубишь вязъ, вкругъ коего онъ вьется.

. . . .

По мнѣ, такъ лучше будь потомкомъ ты Тѣрсита *),
Но съ мужествомъ, съ душей Ахилла именита.

Дмитріевъ.

*) Безобразный и малодушный Князь, упоминаемый въ Иліадѣ.

5.)—*Изъ подражанія*, (написаннаго Г. Мариным) *второй Сатиръ Буало.*

. . . .

Да будетъ проклятъ тотъ, кто впервые рѣшился,
Чтобъ умъ его въ стихѣ размѣрномъ заключился;
Кто выдумалъ словамъ границы положить,
И съ рифмой захотѣлъ разсудокъ согласить!
Безъ ремесла сего я жизньюбъ наслаждался,
Ни зависти людей, ни злобы не боялся;
Смѣялся, пилъ и ѣлъ и веселилсябъ я,
Какъ взятокъ нахватавъ безсовѣстный судья;
Ночь спалъ быг хорошо, а въ день не зналъ работы,
И сердце бы мое, безъ страсти, безъ заботы,
Умѣло положить для гордости конецъ:
Я знатныхъ бѣгалъ бы, не зналъ бы гдѣ дворецъ,
И словомъ, былъ бы всѣхъ счастливѣе межъ вами!.....
Но заразясь къ бѣдамъ проклятыми стихами,
Въ писатели попалъ. Съ того печальна дня
Спокойствіе мое оставило меня,
Враждующій мнѣ духъ прельстилъ меня желаньемъ,
Что бы прославиться *мнѣ* правильнымъ писаньемъ!

Съ тѣхъ поръ съ перомъ моимъ минуты провожу,
И за бумагою прикованный сижу;
Самъ у себя весь вѣкъ я находясь въ неволѣ,
Завидую твоей, о Патрекѣичъ! *) долѣ.
А ты, что на потопъ поэму сочинилъ,
И цѣлый книжный рядъ стихами затопилъ!
Ты дару твоему препоны не встрѣчаешь,
И мѣсяцъ каждый намъ по тому выставляешь;
Счастливымъ чту тебя! хоть въ томахъ чепуха,
Но рифма на концѣ есть каждаго стиха!
Чтожъ нужды, что твои творенья осуждаютъ:
Ихъ Глазуновъ продастъ—а глупые читаютъ!
Ты пишешь весело, не мыслишь никогда,
И очищать стихи не дашь себѣ труда;
Бывъ новой пораженъ въ писаньи красотою,
Дивишься въ немъ себѣ, доволенъ ты собою.
Но какъ несчастливъ тотъ, кто хочетъ сочинять,
И строгимъ правиламъ свой разумъ подчинять!

---

*) Имя невымышленное. Патрекѣичъ умеръ недавно; онъ писалъ много, но болѣе извѣстенъ сочиненіемъ: *Скворецъ съ курантами, Драма, въ трехъ дѣйствіяхъ съ осмушкой.*

Умъ пылкой, не терпя ни въ чемъ себѣ ра-
венства,
Стремится достигать до цѣли совершенства;
Но не смотря на то, что нравится онъ всѣмъ,
Ошибки видитъ всѣ въ твореніи своемъ,
И часто тотъ, кого свѣтъ цѣлый прославляетъ,
Что былъ писатель онъ, забыть на вѣкъ же-
лаетъ. *и проч.*

6.)—*Изъ посланія Англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту.*

. . . .

Мнѣ часто говорятъ: ужъ быть бѣдѣ съ тобою!
Не тронь ты тѣхъ и тѣхъ, не схватывайся
съ тою!—
Какая нужда мнѣ до глупости людей?
Пусть хвастаетъ оселъ длиной своихъ ушей,
Что можетъ сдѣлать онъ?—что можетъ онъ?
лягаться!
Таковъ-то и глупецъ. — Я колокъ, можетъ
статься;
Но можно ль говорить о глупости слегка?
Покрайней мѣрѣ мнѣ все сноснѣй дурака.
Неустрашимый Кодръ! гдѣ есть тебѣ при-
мѣры?
Весь свѣтъ противъ тебя: и ложи и партеры!

Со всѣхъ сторонъ бранятъ, зѣваютъ и свистятъ,
И шляпы на тебя и яблоки летятъ.
Ни съ мѣста! ты сидишь! честь Кодру исполину!
Съ какимъ трудомъ паукъ мотаетъ паутину!
Смети ее, паукъ опять начнетъ мотать:
Равно и рифмача не думай обращать!
Брани его, стыди; а онъ, доколѣ дышетъ,
Пока чернила есть, перо, все пишетъ, пишетъ,
И гордъ своимъ тканьемъ—нѣтъ нужды, что оно,
Дохни, такъ улетитъ — враль мыслитъ: мудрено!

. . . .

За критику моихъ стиховъ я не сержуся:
Надъ вздорною смѣюсь, отъ правильной учуся;
Но кто нашъ Аристархъ? кто важные судьи,
Которыхъ трепетать должны стихи мои?
Обильные творцы безплодныхъ примѣчаній,
Уставщики кавыкъ, всѣхъ строчныхъ препинаній.
Терпѣньемъ, памятью, они богаты всѣмъ,
Окромѣ разума и вкуса;—между тѣмъ
И мертвымъ и живымъ судъ грозный изрекаютъ,

Сіяніемъ чужимъ свой мракъ разсѣяваютъ,
И съединеніемъ безвѣстныхъ сихъ именъ
Съ славнѣйшими, дойдутъ до будущихъ временъ.

. . . .

Какъ Фебъ средь чистыхъ дѣвъ сіяетъ съ двухъ холмовъ,
Дебелый Меценатъ сидитъ въ кругу льстецовъ,
И услаждается куренія ихъ паромъ;
Святилище его, украшенно Пиндаромъ
Съ отбитой головой, отверзто лишь тому,
Кто пишетъ вопреки и сердцу и уму,
И каждый враль въ него вступаетъ безъ препоны;
Отъ вкуса Бардуса тамъ все берутъ законы;
И чтобы разъ хотя попасть къ его столу,
Иной по мѣсяцу поетъ ему хвалу....

. . . .

Вельможи! славьтеся хвалами рифмачей;
Дарите щедро тѣхъ, кто васъ еще тупѣй....

. . . .

Въ слѣдующихъ стихахъ прекрасно описаны свойства истиннаго поэта:

Но кто по чувствіямъ сердечнымъ говоритъ,
Привѣтливъ, а не подлъ, не гордъ, а сановитъ,
И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?

Поэтъ: онъ ни за что не будетъ другъ разврата;
Всегда великъ душей и мыслями высокъ,
Ласкать самимъ царямъ считаетъ за порокъ;
Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ:
Стыдится быть врагомъ совмѣстниковъ своихъ,
Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ;
Съ презрѣніемъ глядитъ на ненависть безсильну,
На мщенье критики, на злость, вредомъ обильну,
На промахъ иногда коварства и хулы,
На ложную пріязнь и глупыя хвалы.
Пускай сто разъ его ругаютъ и поносятъ,
И глупости другихъ на счетъ его относятъ;
Пусть безобразитъ кто, въ глаза его не знавъ,
Въ эстампѣ видъ его, иль въ сочиненьи нравъ,
И если не стихи, порочитъ ихъ уроки;
Пускай не престаютъ сплетать хулы жестоки
На прахъ его отца, на изгнанныхъ друзей;
Пусть даже, наконецъ, доводятъ до ушей
И самаго царя шишикалы придворны
И толки злыхъ объ немъ и небылицы вздорны;

Пусть ввѣкъ томятъ его въ плачевнѣйшей
судьбѣ,
О добродѣтель! онъ не измѣнитъ тебѣ:
Онъ страждетъ за тебя, тобой и утѣшаемъ.—
Но знатный мной бранимъ, но бѣдный пре-
зираемъ!
Да! подлый человѣкъ, ктобъ ни былъ онъ такой,
Есть подлъ въ моихъ глазахъ и ненавидимъ
мной:
Копейкуль онъ укралъ, иль близко милліона;
Наемный ли писецъ, иль продавецъ закона,
Подъ митрою ли онъ, иль просто въ клабукѣ,
За краснымъ ли сукномъ сидитъ, иль въ ши-
шакѣ,
На колесницѣ ли торжественной гордится,
Иль по икру въ грязи по мостовой тащится,
Предъ трономъ, иль съ доской на площади
стоитъ. *и пр.*

Дмитріевъ.

7.)—Изъ посланія Графа Хвостова къ И. И. Дмитріеву.

. . . .

Не ставя въ рядъ себя къ пѣвцамъ вѣнчан-
нымъ славой,
Довольно, что стихи считаю я забавой.

Хвала правительству! — на рифмы пошлинъ нѣтъ!
Ни чей отъ нихъ меня не отвратитъ совѣтъ.

Какъ можетъ Бабочкинъ, съ поблеклыми власами,
Клименѣ докучать свиданія часами?
Съ подагрой, кашлемъ онъ къ Амуру подлетя,
Пугаетъ, иль смѣшитъ коварное дитя.

Бичевъ, въ Петрополѣ, явясь отъ края свѣта,
Сіяетъ на бѣгу, какъ новая планета.
Онъ носится какъ вихрь, ристанья чинъ храня,
Онъ, выю извернувъ неистова коня,
Мечтаетъ, что ему завидуютъ всѣ боги,
Коль бѣгуна его резвѣе прочихъ ноги.

Обжоркинъ каждый день для всѣхъ твердитъ одно,
Что сытный былъ обѣдъ и вкусное вино;
Изволитъ завтракать бифстексомъ и росбифомъ;
Потомъ въ Милютины *), не справяся съ тарифомъ,

---

*) Лавки.—

Отколѣ и когда приходятъ корабли,
За кажду устрицу бросаетъ два рубли.
Готовясь пировать на свадебномъ обѣдѣ,
Успѣетъ завернуть пить шоколадъ къ Ларедѣ *).
Онъ счастливъ, внѣ себя за лакомымъ столомъ;
Онъ любитъ perигю, онъ съ стерлядьми знакомъ;
Глазами жадными всѣ блюды пожираетъ:
На гуся цѣлитъ, ѣстъ пирогъ, форель глотаетъ,
Котлетовъ требуетъ, или заводитъ рѣчь,
Чѣмъ сдобришь винегретъ, какъ вафли должно печь;
А послѣ кинется на виноградъ и сливы,
На дули, яблоки, на сочныя оливы.
Тамъ время полдничать, тамъ ужинать пора;
Онъ упражненъ ѣдой до полночи съ утра.
Обжоркину жена, и совѣсть, и разсудокъ,
Дары и почести—одинъ его желудокъ. и пр.

8.) *Сатира. Соч. Кн. Шаховскаго.*

Мольеръ! твой даръ ни съ чьимъ на свѣтѣ несравненный

---

*) Конфетной мастеръ и продавецъ.

Въ отчаянье меня приводитъ всякой разъ,
Какъ, страстью сочинять къ несчастью ослѣп-
ленный,
Я за тобой хочу взобраться на Парнассъ.
Комедію пишу, тружусь, соображаю,
По правиламъ твоимъ мой планъ располагаю;
Характеръ, драмы ходъ, развязку, разговоръ,
Все, все обдумаю и самъ собой доволенъ;
Мнѣ кажется мой слогъ пріятенъ, чистъ и
воленъ,
Смѣшнаго множество, прелестныхъ шутокъ
сборъ,
И словомъ, все въ моей комедіи мнѣ мило.
Но на столѣ моемъ, какъ будто на бѣду,
Нечаянно твои творенія найду,
Невольно разверну, прочту, вздохну уныло,
Новорожденное дитя мое беру,
Бѣшусь, кляну его, и въ лоскутки деру!

Такъ, ты одинъ, Мольеръ, безъ злобы и
безъ шутства,
Смѣялся надъ людьми, умѣлъ людей смѣшить!
Твой быстрый взглядъ проникъ въ умы, въ
сердца и въ чувства,
Чтобъ забавляя насъ, насъ разуму учить.

Твой даръ божественный далъ душу, жизнь и
силу
Искуству Таліи; ты тайны въ немъ открылъ,
Которыхъ до тебя никто не находилъ:
Но тыжъ, къ бѣдѣ моей, ихъ взялъ съ собой
въ могилу!

Проснись, Мольеръ! возстань и умъ мой
просвѣти;
Скажи, какъ мнѣ писать? мой духъ горитъ
желаньемъ
Полезнымъ сдѣлаться порока осмѣяньемъ:
Хочу я чудаковъ на разумъ навести.
Что дѣлать?—не могу я видѣть безъ досады
Пороки, слабости и странности людей!
Одни довольны всемъ, всему на свѣтѣ рады;
Несчастіе гнѣтетъ ихъ ближнихъ и друзей,
Бѣды со всѣхъ сторонъ, родные ихъ въ обидѣ,
Въ гоненьи, въ гибели: да имъ въ томъ нуж-
ды нѣтъ;
Не трогай ихъ однихъ, гори огнемъ весь
свѣтъ;
Имъ это фейерверкъ, въ большомъ лишь толь-
ко видѣ.

Другіе все бранятъ; все въ свѣтѣ не по нихъ;

Что хочешь дѣлай ты, ничто имъ не въ угоду;
Сердиты на морозъ, на жаркую погоду;
Изволятъ гнѣваться на малыхъ, на большихъ;
Нѣтъ спуску никому; друзья и супостаты,
И мертвой и живой, и умной и глупецъ,
Коль къ рѣчи имъ придутъ, разруганы въ ко-
нецъ;
И словомъ, безъ вины у нихъ всѣ виноваты.
Мнѣ скажутъ:,, пусть ихъ врутъ, какая въ
томъ бѣда?
Всѣ знаютъ, что они за то на свѣтъ озлились,
Что сами ни къ чему на свѣтѣ не годились.,,—
Согласенъ: не былобъ въ ихъ болтовнѣ вреда,
Когда бы люди всѣ о всемъ судили сами,
И не лѣнились бы своими жить умами,
Иль еслибъ родились глупцы безъ языка;
А то къ несчастію, что зависть вымышляетъ,
То лѣность слушаетъ, а глупость разглашаетъ.

Увидѣвъ вѣстовщикъ меня изъ-далека,
Спѣшитъ, бѣжитъ ко мнѣ и машетъ мнѣ
руками;
Кричитъ, толкаетъ всѣхъ, боится опоздать.
Бѣднякъ! задохся онъ, потъ льетъ съ него ру-
чьями!
А для чего?—чтобъ ложь чужую перелгать.

Онъ по три четверни перемѣняетъ въ сутки,
Чтобъ побывать вездѣ, наслушаться вѣстей,
И къ вечеру собравъ чужіе толки, шутки,
Ихъ выдать за свои между своихъ гостей.
Имѣя пылкой умъ, разсказа онъ чужова,
Какъ эхо, какъ скворецъ, не любитъ повторять,
Услышитъ слова два, прибавитъ къ нимъ три слова,
А въ добрый часъ и сплошь изволитъ сочинять.

Вотъ мой сосѣдъ идетъ. Съ готовою улыбкой
Для всѣхъ, кто встрѣтится немного познатнѣй,
Какъ кланяется имъ, какой хребетъ прегибкой!
Спина его совсѣмъ какъ будто безъ костей!
Онъ знатнымъ радъ служить и честью и душою,
Все хвалитъ, такаетъ, лишь толькобъ угодить
Тому, кто иногда изволитъ брать съ собою
Его, по улицамъ отъ скуки походить
И на вечеръ въ свой домъ изрѣдка приглашаетъ.
А въ немъ весь свѣтъ большой за картами сидитъ,
Или подъ музыку охотничью зѣваетъ,
Иль въ вальсѣ бѣшеномъ себя какъ вихрь кружитъ.

Хоть картъ нашъ такальщикъ не бралъ ни
разу въ руки,
Не любитъ музыки, для танцовъ не рожденъ,
Но радуясь, что въ домъ презнатный пригла-
шенъ,
Онъ нюхаетъ табакъ, чтобъ не уснуть отъ
скуки.....
И счастливъ!—но едваль не счастливѣй его,
Тамъ шпорами бренча, хватъ такту бьетъ
ногою!
Затянутъ, вытянутъ, любуяся собою,
Кобенясь, ни во что не ставитъ никого;
Лишь дай здоровье Богъ его четверкѣ чалой,
Тарасу кучеру, да пристяжной удалой,
А впрочемъ дѣла нѣтъ ему ни до кого.

Близь хвата франтъ сидитъ съ премод-
нымъ воспитаньемъ,
Съ ухваткой дамскою, съ сорочьимъ щебе-
таньемъ,
Головку изкривя, такъ нѣженъ, такъ унылъ,
И молча говоритъ:,, смотрите, какъ я милъ!,,
Какъ милымъ и не быть! легколи! три Аббата
На разныхъ языкахъ учили молодца,
И выпуская въ свѣтъ, увѣрили отца,

Что рѣдкость сынъ его, что въ немъ ума палата.
И правда! затвердилъ онъ имена всѣхъ книгъ,
Парижскій дворъ, театръ, онъ вамъ опишетъ вмигъ,
Хотя не вѣдаетъ, кто былъ Ермакъ, Пожарской,
Олегъ и Ярославъ. Да и не хочетъ знать;
Ихъ шутки никакой нельзя пересказать;
Они же Русскіе, а онъ—сынокъ боярской.

Кто можетъ описать всѣхъ нашихъ чудаковъ!
Чья Муза отъ труда такого не устанетъ?
И какъ ни плодовитъ, какъ ни живущъ Вралевъ,
А даже и его на это не достанетъ.
Ихъ столько развелось—за наши всѣ грѣхи—
Заморскихъ и своихъ, что тѣсно жить приходитъ;
И всякъ изъ нихъ на свой обычай колобродитъ.
Одинъ ударился писать на все стихи,
И душитъ ими всѣхъ, хоть грамоты не знаетъ.
Другой политикъ сталъ: мудритъ и разсуждаетъ,
Въ очкахъ, нахмуря бровь, надъ картою сидитъ,

И будто какъ на смѣхъ въ попадъ не скажетъ
слова.
Тотъ захозяйничалъ и въ деревняхъ мудритъ:
Изъ иностранныхъ книгъ и съ образца чужова,
Безъ толку, безъ пути, онъ сѣетъ Русской
хлѣбъ;
Да на чужой манеръ хлѣбъ Русской не родится.
Иной, забывъ, что онъ и старъ и чуть не слѣпъ,
Задумалъ всѣхъ плѣнять и въ щегольство пу-
ститься.
А этотъ выдаетъ себя за мудреца:
Всклокатилъ голову, въ чернилахъ замарался,
Хоть много книгъ прочелъ, ума не начитался.

Всѣмъ странностямъ людскимъ, нѣтъ счету,
ни конца!
И я смотря на нихъ сержусь, бѣшусь всечасно;
Хочу исправить всѣхъ, пороки осмѣять;
Начну комедію, но ахъ! тружусь напрасно:
Умѣю чувствовать, но не могу писать!
Почто, Мольеръ, почто въ нашъ вѣкъ ты не
родился,
Здѣсь твоему перу труда довольно есть,
Или когдабъ со мной умомъ ты подѣлился,
Ябъ пользу сдѣлалъ всѣмъ — себѣ безсмертну
честь.

9.)—Изъ Сатиры Дмитріева *Чужой толкъ.* Сатира сія имѣетъ форму Драматическую. Дѣйствующими лицами въ ней: авторъ и двое спорющихъ, изъ которыхъ одного назовемъ мы старикомъ, а другаго Аристархомъ, ибо другихъ именъ имъ не дано. Дѣйствіе начинается удивленіемъ и вопросомъ *старика:* отъ чего въ наше время нѣтъ хорошихъ лирическихъ произведеній, когда мы гораздо прилѣжнѣе и терпѣливѣе древнихъ писателей; они, по словамъ его, рѣзвясь писали, а наши иногда по цѣлому году сидятъ надъ одною одою, и сохраняютъ при томъ всѣ принадлежащія сему роду правила

.....Сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье.—

Потомъ *старикъ* дѣлаетъ изчисленіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ одъ такимъ образомъ:

„Возьму ли, на примѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда,—короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно! ..... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую разкрываю,

На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чегобъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: *зари багряны персты,*
И райскій кринъ, и Фебъ, и небеса отверсты!
Такъ громко, высоко!....а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ.,,

Авторъ говоритъ о себѣ, что онъ при такомъ вопросѣ смутился и не зналъ, какъ отвѣчать *старику;* но къ счастію

Какой-то *Аристархъ* съ нимъ началъ разговоръ.

Сей Аристархъ (или неизвѣстный, названный по имени древняго критика) взялся отвѣчать на вопросъ строгаго *старика:*

,,На это, онъ сказалъ, есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь, въ Москвѣ, толкался я бывало
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—Леибгвардіи капралъ,
Ассесоръ, Офицеръ, какой нибудь подъячій,
Иль изъ Кунштскамеры антикъ, въ пыли ходячій,

Уродовъ стражъ—народъ все нужной, должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни рифму лишь прибрать едва успѣетъ,
За тѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону *),
А тутъ и ночь . . . когдажъ заѣхать къ Аполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ—ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ. . . . куда же? въ модный свѣтъ,
Гдѣ Лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю **);
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!

---

*) Содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскарадовъ.

**) Модный портной.

„Къ томужъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, на примѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? о! онъ—онъ бралъ не съ высока,
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ Миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Не рѣдко сто рублей, иль дружество съ Князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякой листъ быть кажется святымъ:

Аристархъ послѣ сего разсказываетъ, какъ одинъ поэтъ принимался писать *оду* :

Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *ода!*
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: *такого дня и года!*

„Тутъ какъ?... *пою!*.... иль нѣтъ, ужъ это
старина!
„Не лучше ль: *даждь мнѣ, Фебъ?*... иль такъ:
не ты одна
„*Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта?*
„Но что же мнѣ прибрать къ ней въ рифму,
кромѣ чорта?
„Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
„И воздухомъ себя открытымъ освѣжу.„
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуж-
даетъ:
„Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
Что хочешь, то мели! вотъ штука, какъ
хвалить
Героя-то придетъ! не знаю, съ кѣмъ срав-
нить?
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ
Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а
съ новымъ—
Не ловко что-то все.—Да просто напишу:
Ликуй, герой! ликуй! герой ты! возглашу.
Изрядно! тутъ же что! тутъ надобенъ вос-
торгъ!
Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?*

Я вижу молній блескъ! я слышу съ горня свѣта
И то, и то.... А тамъ?... извѣстно: *много лѣта!*
Брависсимо! и планъ и мысли, все ужъ есть!
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть,
Да только написать, да и печатать смѣло!„
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ!
и проч.

Въ послѣдующихъ стихахъ опять показывается авторъ. Онъ иронически принимаетъ сторону обиженныхъ насмѣшливымъ *Аристархомъ* дурныхъ писателей, и говоритъ имъ:

Товарищи, къ столу, за перья! отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную Сатиру,
И оправдаемъ тѣмъ Россійску громку лиру.

10.)—*Изъ Сатиры Капниста, названной первая и послѣдняя.*

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться;
Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ не ужиться,

Вездѣ продерзостный безпутство кажетъ видъ;
Безчестіе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.
Почти съ кѣмъ ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни начинаю,
Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю.
Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ льстецъ;
И словомъ въ свѣтѣ семъ такъ рѣдки Аристиды,
Какъ гладкіе стихи въ творцѣ Тилемахиды.
. . . .
Чтожъ дѣлать? искони таковъ уже сей свѣтъ:
Не глупость, такъ порокъ въ немъ первенство беретъ.
Надутовъ въ знать вошелъ, такъ всѣхъ пренебрегаетъ;
Завистовъ чиномъ малъ, такъ знатныхъ презираетъ,
И хочетъ — предпріявъ ни чьихъ заслугъ не чтить,
Иль всѣмъ равнять себя, иль всѣхъ съ собой сравнить.
Казну обворовавъ, обворовавъ сосѣдовъ,
И воромъ на судѣ изобличенный *Вредовъ*,

По милости людей, которыхъ обокралъ,
Избавился столба и ссылки миновалъ;
Теперь боярамъ братъ, деревни покупаетъ
И тѣхъ каретою своею въ грязь толкаетъ,
Которыхъ по міру таскаться онъ пустилъ.—
А я, чтобъ я такихъ уродовъ не журилъ?
Чтобъ видя глупости однихъ, другихъ пороки,
Я сталъ молчать? нѣтъ, нѣтъ, скорѣй отсроча сроки,
Не станетъ ростовщикъ на росты росты драть,
Скорѣй подъячіе не станутъ взятки брать,
Скорѣй полюдски жить и мыслить *Чудновъ* станетъ,
Чѣмъ правдой мой языкъ ихъ уличать устанетъ.

....

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ;
А *Драчъ* такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ.
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, не знавъ его, боялся;
Соперникъ мой, его и зналъ и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, позвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону:

Драгъ правдой покривить умѣлъ и по закону.

....

Законъ преграда злымъ, спокойство утверждаетъ,
Отъ сильнаго руки безсильныхъ защищаетъ,
Злодѣйство можетъ онъ карать, искоренить;
Но глупостей людскихъ не въ силахъ истребить.

....

Когдажъ духовные и свѣтскіе законы,
Не могутъ правами власть глупости унять,
Такъ чтожъ осталося?—ей зеркало казать,
Въ которое взглянувъ себя бы устыдилась.
Сатира, кажется, на то лишь и родилась,
Чтобъ въ лицахъ съ глупостью порокъ изображать,
И корень ихъ и власть во нравахъ истреблять,
Колючей шуткой умъ и сердце исправляя.—

Примѣч. Нѣсколько Сатирическихъ отрывковъ можно еще видѣть въ статьѣ *Епистола.*

*

Свойства нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ Сатирическихъ писателей.

Гораций.

Квинтиліанъ хвалитъ Горація наиболѣе за совершенное познаніе человѣческихъ

нравовъ. И дѣйствительно, никто не осмѣиваетъ пороковъ съ бо́льшею остротою, никто не выхваляетъ добродѣтелей съ большею тонкостію, какъ Горацій. Въ его нравоученіи нѣтъ ничего принужденнаго, ничего строгаго. Горацій не проповѣдуетъ истины, но заставляетъ оную чувствовать; не принуждаетъ наблюдать правила мудрости, но уговариваетъ любить ее. Не можно обвинять его и въ суровости, ибо описывая ошибки, начинаетъ признаваться въ своихъ собственныхъ, и съ великою пріятностію извиняется въ оныхъ; онъ отвращаетъ скуку, необходимую почти въ нравоучительныхъ наставленіяхъ, неизтощимымъ разнообразіемъ оборотовъ, вводными повѣствованіями разнаго рода, разговорами, вымыслами, баснями, изображеніями нравовъ и самымъ искуснымъ употребленіемъ рода *Драматическаго*. Сверхъ сего всѣ почти имена въ Сатирахъ его вымышлены, а ежели и встрѣчаются истинныя, то всѣ уже совершенно обезславленныя. Словомъ, Горацій не былъ ни золъ, ни мизантропъ: онъ почиталъ людей болѣе достойными сожалѣнія или насмѣшки, нежели ненависти.

Персій.

Важный слогъ, строгая нравственность, чрезмѣрная краткость и сильныя мысли — вотъ существенныя и отличительныя достоинства Персія. Но такое излишество хорошихъ качествъ заставляетъ его весьма часто впадать въ погрѣшности. — Стоическая важность Персія обращается въ сухость; неумѣренная строгость приводитъ читателя въ уныніе и страхъ; а чрезвычайная краткость дѣлаетъ его темнымъ и почти невразумительнымъ. Но при всемъ томъ Квинтиліанъ говоритъ, что Персій заслужилъ великую и притомъ истинную славу—безъ сомнѣнія за то, что у него вездѣ находится превосходнѣйшая нравственность и разсужденія основательныя; красоты совершенно свойственныя Сатирическому роду; и даже многіе изъ стиховъ его обратились въ пословицы. Въ оправданіе же темноты его говорятъ, что онъ желая осмѣять поступки Нерона, и боясь худыхъ отъ того послѣдствій, умышленно писалъ темно и невнятно; но сіе оправданіе неудовлетворительно. Оно можетъ относиться къ небольшему числу тѣхъ сти-

ховъ, коими, какъ съ довольною вѣроятностію заключаютъ, хотѣлъ онъ изобразить тирана—Нерона, при которомъ жилъ онъ; но темнота въ сочиненіяхъ Персіевыхъ вездѣ одинакова. Впрочемъ она происходитъ наиболѣе не отъ запутанности мыслей, но отъ разнаго рода выпущеній какъ словъ, такъ и посредствующихъ понятій, отъ множества троповъ, никѣмъ кромѣ его неупотребляемыхъ, и особенно отъ весьма часто прерываемыхъ *разговоровъ*, которыми Сатиры его наполнены.— Лагарпъ утверждаетъ, что употребляемый трудъ для точнаго уразумѣнія Персіевыхъ сочиненій напрасно не пропадаетъ. —Замѣчанія достойно, что Персій былъ ревностный почитатель Горація; даже часто заимствовалъ у него мысли. Сей примѣръ согласія между толь несходными писателями есть, можетъ быть, единственный въ исторіи словесности. — Персій умеръ весьма молодъ: при жизни онъ не выпускалъ въ свѣтъ своихъ сочиненій. Изданіемъ оныхъ обязаны мы Цезію Буссу, Лирическому стихотворцу, которому Персій посвятилъ одну изъ своихъ Сатиръ.

Петроній.

Отрывки, собранные въ различныя времена подъ именемъ Сатиръ Петронія (Petronii Satyricon), приводятъ на память и подтверждаютъ, что въ древности называли Сатирою родъ сочиненія весьма неправильнаго, состоящаго изъ смѣси разныхъ предметовъ, о которыхъ можно было писать и не стихами; ибо всѣ почти оставшіяся послѣ Петронія сочиненія писаны прозою вмѣстѣ со стихами различныхъ мѣръ.—Петроній былъ Консуломъ въ царствованіе Нерона, у котораго онъ былъ ближайшимъ человѣкомъ и, можно сказать, любимцемъ, и который напослѣдокъ казнилъ его смертію. — Петроній предъ кончиною своею сдѣлалъ подробное описаніе, въ какихъ распутствахъ провождалъ Неронъ цѣлыя ночи, замѣнивъ имя сего тирана другими вымышленными именами, и сіе описаніе запечатавъ, отослалъ къ нему. Сіе сочиненіе, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно было одному только Нерону, а многіе приняли за оное ту изкаженную во многихъ мѣстахъ Сатиру, которая дошла до насъ подъ именемъ Сатиры Петронія.—Юстій Липсій, Блаю, Воль-

теръ и Лагарпъ не приписываютъ сего сочиненія Петронію.

Ювеналъ.

Ювеналъ самъ говоритъ, что стихи его внушены ему были *негодованіемъ;* если же прибавимъ къ сему *и злобою*—то покажемъ отличительнѣйшее свойство Сатирическихъ его произведеній. Не только Горацій, даже Персій, въ сравненіи съ Ювеналомъ—совершенно холоденъ. Злобная наклонность его увеличилась еще болѣе съ того времени, какъ изгнали его, подъ видомъ назначенія должности, въ самую средину Египта: тамъ онъ предался совершенно страсти своей къ Сатирѣ, и самая любовь его къ истинѣ возрасла до чрезмѣрности.— Ювеналъ также съ неумѣренною жестокостію нападалъ на современныхъ ему стихотворцевъ, чему доказательствомъ можетъ служить первая Сатира его, начинающаяся сими словами: Semper ego auditor tantum? Уже ли мнѣ всегда только слушать? уже ли не отдохнуть отъ сего охриплаго Кодра, мучащаго меня своею Тезеидою? не мстить за то, что одинъ читаетъ мнѣ всѣ свои Елегіи, другой всѣ Комедіи? . . . Безразсуд-

но щадить бумагу при такомъ множествѣ стихомарателей! и пр. — Ювеналъ родился при Императорѣ Калигулѣ, но Сатиры свои писалъ при Траянѣ или Адріанѣ, слѣдовательно въ глубокой старости, и бывши уже свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ Клавдіева, Неронова и Домиціанова царствованій: вотъ еще одна изъ главнѣйшихъ причинъ родившагося въ немъ *негодованія.*

Буало.

Начиная говорить о Буало, надлежитъ упомянуть о предшественникѣ его Ренье, жившемъ за шестьдесятъ лѣтъ. Слогъ Ренье плавенъ, но онъ часто описывалъ низкія предметы, употреблялъ площадныя выраженія, и не сохранялъ правилъ благопристойности.—Онъ умеръ въ Роэнѣ въ 1613 году, 40 лѣтъ.

Хотя Буало былъ сынъ, братъ, дядя, шуринъ такихъ людей, которые принадлежали къ роду и ремеслу приказному, и хотя родители назначали его также къ служенію судебному; но Музы отвлекли его отъ онаго: онъ сдѣлался поэтомъ, и поэтомъ Сатирическимъ.—Его Сатиры и посланія исполнены соли, живости и смѣ-

лыхъ изображеній. Однакожъ основательно осуждаютъ Буало за то, что онъ нападалъ иногда на людей, не заслуживающихъ осмѣянія: онъ не щадилъ не только Кино, даже Тасса и Корнеля.

*

Дѣлая сравненіе между выше приведенными Сатириками, находимъ, что Горацій и Буало болѣе старались о пріятности въ своихъ Сатирахъ, и болѣе имѣли гибкости въ умѣ, нежели Ювеналъ, который, при пылкомъ своемъ воображеніи, весьма часто показываетъ *излишнее* рвеніе къ защитѣ истины.

Горацій и Буало шутили тихо, слегка; снимали съ людей только половину личины, и сіе производили, такъ сказать, съ учтивостію, съ улыбкою: Ювеналъ срываетъ ее съ гнѣвомъ.

Между Гораціемъ и Буало есть разность въ однѣхъ только *оттѣнкахъ*. У Горація видно болѣе воображенія, у Буало больше ясности. Горацій осторожнѣе Ювенала, Буало осторожнѣе Горація. Въ Гораціи болѣе находилось природныхъ дарованій; у Буало болѣе труда, а можетъ быть, и искусства.

Персій имѣетъ свой собственный характеръ. Онъ вольнѣе Горація и скромнѣе Ювенала. По запутанности же мыслей и вообще по темнотѣ всѣхъ своихъ Сатирическихъ произведеній—не вдругъ показываетъ свое достоинство, какъ прежде уже нами замѣчено.

Кантемиръ *)

Кантемиръ можетъ занимать средину между Гораціемъ и Ювеналомъ. Онъ не имѣетъ той живости, того пріятнаго остроумія, той колкой, и при томъ не-оскорбительной насмѣшливости, какую мы замѣчаемъ въ Гораціѣ; но онъ имѣетъ его философію, и съ такимъ же чувствомъ говоритъ о простотѣ, умѣренности и тѣхъ веселыхъ досугахъ, которые мы, не будучи обремѣняемы посторонними заботами, посвящаемъ удовольствію и размышленію — и въ самыхъ обстоятельствахъ жизни имѣетъ онъ нѣкоторое сходство съ Гораціемъ: и тотъ и другой жили у двора; но Горацій, какъ простой зритель, а Кантемиръ, какъ зритель и дѣйствующій. Горація удерживала при дворѣ благодар-

*) О Сатирахъ Кантемира.—Соч. Жуковскаго.

ность къ Меценату, а Кантемира важнѣйшія дѣла Государственныя. Для перваго стихотворство было занятіемъ главнымъ, для послѣдчяго было оно отдохновеніемъ. Горацій думалъ единственно о томъ, какъ наслаждаться жизнію: разнообразіе удовольствій оживляло и самое воображеніе стихотворца; Кантемиръ, будучи обремененъ обязанностію Государственнаго человѣка, наслаждался болѣе одною мыслію. Философія перваго живѣе, и мысли болѣе согрѣты пламенемъ чувства: говоря о природѣ онъ восхищаетъ васъ прелестными описаніями природы; онъ увлекаетъ васъ за собою въ сельское свое уединеніе; вы видите рощи его, слушаете вмѣстѣ съ нимъ пѣніе птицъ и журчаніе источника. Философія послѣдняго не такъ трогательна: онъ разсуждаетъ о тѣхъ же предметахъ, но съ важностію мыслящаго человѣка, онъ говоритъ о посредственности, спокойствіи, беззаботности, какъ добрый Философъ, истинно чувствующій всю ихъ цѣну, но пользующійся ими весьма рѣдко. Въ слогѣ имѣетъ онъ, если не ошибаюсь, болѣе сходства съ Ювеналомъ: и тотъ и другой богаты описаніями, и тотъ и другой иногда утомляютъ насъ

излишнимъ обиліемъ; но всѣ описанія Римскаго Сатирика носятъ на себѣ отпечатокъ его характера суроваго и гнѣвнаго: Ювеналъ съ намѣреніемъ увеличиваетъ то безобразіе, которое хочетъ сдѣлать для насъ отвратительнымъ; но тѣмъ самымъ, можетъ быть, уменьшаетъ и нашу къ себѣ довѣренность. Кантемиръ умѣреннѣе и безпристрастнѣе; онъ описываетъ то, что видитъ, и какъ видитъ; онъ смѣшитъ чаще, нежели Ювеналъ, и почти никогда не опечаливаетъ безполезнымъ изображеніемъ отвратительныхъ ужасовъ. И въ самыхъ планахъ Кантемиръ имѣетъ болѣе сходства съ Ювеналомъ, нежели съ Гораціемъ: характеръ послѣдняго есть непринужденность и разнообразіе; характеръ Ювенала порядокъ—такой же порядокъ находимъ и въ Кантемировыхъ планахъ: если, на примѣръ, Сатирикъ начинаетъ разсуждать, то уже во все продолженіе Сатиры не перемѣняетъ тона, и не переходитъ безъ великихъ скочковъ отъ одной мысли къ другой; начиная изображать характеры или описывать, онъ вводитъ насъ, такъ сказать, въ галлерею портретовъ, разставленныхъ въ порядкѣ, и показываетъ ихъ одинъ за другимъ: все это, вѣроятно, мо-

гло бы произвести нѣкоторое однообразіе, когда бы Сатирикъ не имѣлъ истинно стихотворнаго слога, не оживлялъ своихъ разсужденій картинами и не былъ живописецъ превосходный.

*

Между Англичанами отличаются въ Сатирическомъ родѣ: *Вильмотъ*, котораго всѣ Сатиры замысловаты и преисполнены нравственности, и *Попъ* (Pope), написавшій между прочимъ извѣстную Дунціаду, въ коей съ удивительнымъ искуствомъ осмѣиваетъ всѣхъ своихъ непріятелей. Попъ родился въ Лондонѣ, въ 1688 году.— У Италіанцевъ наиболѣе прославился кавалеръ *Дотти*, умершій около 1715 года. Нѣкоторыя мѣста Сатиръ его весьма удачно написаны, но вообще въ нихъ много грубаго и слишкомъ низкаго. — Нѣмцы имѣютъ *Галлера*, котораго первыя Сатирическія сочиненія показались въ 1732 году: онъ имѣетъ свойства, принадлежащія и Ювеналу и Буало; но при всемъ томъ предпочитается ему *Рабенеръ*, который, какъ нѣкоторые думаютъ, еще бы болѣе пріобрѣлъ славы, если бы писалъ меньше.

САТИРИЧЕСКІЙ. Имѣющій свойство Сатиры.—Сочиненіе Сатирическое, писатель Сатирическій и пр. *См. Сатира.*

САТУРНОВЪ стихъ или размѣръ. — Saturnius numerus.—Такъ назывались стихи, воспѣваемые при отправленіи празднествъ, именуемыхъ *Сатурналіями.*

САФИЧЕСКІЙ. Въ Греческой и Латинской поэзіи именуются *Сафическими* стихи особеннаго размѣра, изобрѣтеннаго Сафою. Стихъ *Сафическій* состоитъ изъ одиннадцати слоговъ, или изъ пяти стопъ, изъ коихъ первая есть Хорей (Трохей,) вторая Спондей или также Хорей, третья Дактиль, а въ двухъ послѣднихъ Хорей. Дактиль первымъ своимъ слогомъ дѣлаетъ пресѣченіе. Изъ трехъ такихъ стиховъ и одного *Адоническаго* (см. с. сл.) составляется строфа, именуемая *Сафическою.* — Горацій весьма много написалъ симъ размѣромъ. На пр:

Scandit |aera|tas|| viti|osa |naves
Cura, nec turmas equitum relinquit,
Ocyor cervis et agente nimbos
Ocyor Euro.

Иногда у Горація *пресѣченіе* заключается двумя слогами. Въ такомъ случаѣ послѣдняя гласная буква скрадывается или сливается съ предыдущею гласною и составляетъ одинъ слогъ:

Ode|rit cu|ra*re-et* a|marà| laeto.

Однакожъ можно писать Сафическіе стихи и безъ сказаннаго *пресѣченія*, какъ то сдѣлалъ Г. Востоковъ:

О Ха|риты! |нынѣ ко| мнѣ скло|нитесь!
Афродитинъ радостный тронъ оставивъ,
Вы къ Фаону милому понесите
Сафины вздохи.

или:

Майска тиха ночь разливала сумракъ,
Голосъ птицъ умолкъ, вѣтерокъ прохладный
Вѣялъ—златомъ звѣздъ испещрялось небо,
Рощи дремали.

САРКАЗМЪ. Особенный родъ Ироніи: насмѣшка, тѣмъ болѣе жесточайшая, что употребляется въ такомъ случаѣ, когда осмѣиваемое лице уже не въ состояніи бываетъ мстить за себя, или отъ униженія, въ которомъ находится оно, или отъ

того, что умираетъ, или наконецъ, что умерло.—Таковы, на примѣръ, сіи Турновы слова, обращенные къ убившому имъ Евменію:. Aen. L. XII.

En agros et quam bello, Trojane, petisti
Hesperiam metire jacens: haec praemia, qui me
Ferro ausi tentare, ferunt; sec maenia condunt....

„Такъ то, Троянинъ, на землѣ распростертый, измѣряешь ты поля Гесперіи, куда ты принесъ войну: вотъ награда, которую получаютъ осмѣливающіеся извлекать мечъ противъ меня! вотъ какъ созидаютъ они грады!.....„

Сарказмъ, по Гречески *σαρκασμὸσ*, происходитъ отъ глагола *σαρκαζειν*, *срывать мясо съ костей*, что собственно говорится о голодныхъ собакахъ.

СИМВОЛЪ. См. *Емблема*.

СИМПОСІАСТИЧЕСКІЙ. Стихи, прославляющіе великолѣпный пиръ, называются *Симпосіастическими*, или, что все равно, *Схолистическими*.—Аполлосъ.

СИНЕКДОХА. Synecdoche. Въ Риторикѣ тропъ реченій; состоитъ въ томъ, когда

реченіе переносится отъ большаго къ меньшему, или отъ меньшаго къ большему, что бываетъ: 1) когда *родъ* полагается вмѣсто *вида*, на пр: смертный вм. человѣка—тогда какъ все видимое нами есть смертно. 2) *Видъ* вм. *рода*; на пр: рѣка вм. воды, или у него есть хлѣбъ, вм. онъ достаточенъ. 3) Когда *цѣлое* полагается вмѣсто *части*, на пр. Египтяне Ниломъ жажду утоляютъ, вм. частію воды изъ рѣки Нила. 4) *Часть* вмѣсто *цѣлаго*, на пр: сколько головъ, столько умовъ, вм: сколько человѣкъ, столько умовъ. 5) *Множественное* число вмѣсто *Единственнаго*, на пр: гдѣ Цицероны? гдѣ Демосфены? 6) *Единственное* вмѣсто *Множественнаго*, на пр: Россіянинъ радуется о полученіи побѣды, вм. Россіяне. 7) Когда *извѣстное* число полагается вмѣсто *неизвѣстнаго*; на пр: тамъ тысящи валятся вдругъ, вм. множество валится; или: я говорилъ ему сто, тысячу, мильонъ разъ, вм: много разъ.

Греческое сіе слово *συνεκδοχη*, значитъ *уразумѣніе*, comprehensio, ибо чрезъ сей тропъ заставляютъ *разумѣть* болѣе или менѣе того, что означаетъ сказанное слово въ собственномъ своемъ смыслѣ.

СИНКОПЪ. См. *Аферезисъ.*

СИНОНИМА или СИНОНИМЪ. Synonima.—Слово сіе составлено изъ σὺν, съ, и ὄνομα, имя; отъ чего συνωνυμία значитъ соимянность, cognominatio.—Синонима заключается въ близкомъ одного слова къ другому значеніи. Таковы, на примѣръ, слова: нерадивый, лѣнивый, безпечный.

СИНХАРИСТИЧЕСКІЙ. *Аполлосъ* въ своихъ Піитическихъ правилахъ называетъ такъ стихи, содержащіе поздравленіе съ возвращеніемъ въ отечество, или вообще съ *прибытіемъ.* По сему Синхаристическими стихами можно почесть сочиненіе Державина *на возвращеніе Графа Зубова изъ Персіи*, или у Майкова *на возвратное прибытіе ЕКАТЕРИНЫ II изъ Казани въ Москву.*

СИСТЕМА. Въ Поэмахъ называется *Системою* то предположеніе, которое принято авторомъ, и котораго онъ оставлять не долженъ въ продолженіи всего сочиненія.

На примѣръ, ежели его твореніе основано на Мифологіи, онъ долженъ слѣдовать Системѣ баснословной, не примѣшивая ни-

какой идеи изъ Христіанства; и на оборотъ: описывая предметъ основанный на религіи Христіанской, не долженъ примѣшивать ничего изъ язычества.

СКАЗКА. Fabula; ficta, commentitia narratio. — Сказка есть повѣствованіе вымышленнаго происшествія. Она можетъ быть въ стихахъ и въ прозѣ.

Многіе доискивались, въ какой именно странѣ получила *сказка* свое начало. Одни утверждали, что въ Греціи, приводя въ доказательство *Аттическія ночи*; другіе почитали мѣстомъ ихъ происхожденія Аравію, подкрѣпляя мнѣніе свое *Сказками Арабскими*; иные же производили ихъ изъ Персіи, основываясь на *Тысячи и одной ночи*.

Но, оставляя всякое ученое изслѣдованіе, можно сказать, что *Сказки* раждались сами собою по всюду, гдѣ только были люди. Съ одной стороны любопытство, съ другой желаніе говорить, желаніе заставить себя слушать, производили, какъ во всѣхъ временахъ такъ и во всѣхъ мѣстахъ, Притчи, Басни, Повѣсти, *Сказки*, которыхъ занимательность зависѣла всегда отъ дарованій писателя или разкащи-

ка. Но Греки, любившіе страстно всѣ произведенія легкія, насмѣшливыя, замысловатыя—предпочитавшіе новое театральное произведеніе всякой побѣдѣ—Греки могутъ брать преимущество и въ семъ родѣ сочиненій. Знаменитый Лукіанъ прославился въ Афинахъ тою Аттическою остротою, которая можетъ всякаго развеселить: его сказки и разговоры исполнены оной. Сколько забавнаго въ разсказѣ его о любовныхъ приключеніяхъ Феомнеста! — Сказка объ *Ослѣ* также заслуживаетъ всеобщее удивленіе. Сверхъ того, хотя всѣ произведенія *Анакреона* почитаются одами, но нѣкоторыя принадлежатъ и къ роду сказочному, повѣствовательному, каковы на примѣръ: *мщеніе Амура, Амуръ бѣглецъ, восковой Амуръ* и пр.

Римляне также упражнялись въ *Сказкахъ*. Петроній, рыцарь или всадникъ Римскій (см. *Сатира*), Проконсулъ Вифиніи, Консулъ въ царствованіе Нерона, и сверхъ того любитель общества и весельчакъ, отличился въ семъ родѣ сочиненій. Онъ нашелъ средство пріобрѣсти хорошій вкусъ въ правленіе Клавдія, и благородную шутливость при дворѣ Мессалины. Его *Сатириконъ* показываетъ, что онъ имѣлъ глу-

бокое познаніе человѣческаго сердца; а *Приключенія Цирцеи* и *Ефесская красавица* свидѣтельствуютъ, что онъ совершенно зналъ женщинъ.

Что касается до новѣйшихъ народовъ, то у всѣхъ были сказочные сочинители. Однакожъ надлежитъ замѣтить между ними Лафонтена, Французскаго писателя, который довелъ бы сказку до совершенства, если бы наблюдалъ болѣе скромности и благопристойности.

Начиная говорить о Сказкахъ Русскихъ, мы ограничиваемъ себя тѣми единственно, которыя писаны стихами. При чемъ можно рѣшительно сказать, что до Дмитріева не имѣли мы хорошихъ сказокъ: Сумароковъ, Майковъ и другіе предшественники его, упражнявшіеся въ семъ родѣ, только возвышаютъ его славу. Въ характерныхъ сказкахъ никто у насъ не могъ съ нимъ сравниться.—Теперь приступимъ къ показанію свойствъ и правилъ сказки.

Сказка принадлежитъ къ роду повѣствовательному, то есть, Епическому; но съ поэмою Епическою различествуетъ въ томъ, что послѣдняя описываетъ дѣяніе знаменитое, а сказка имѣетъ предметомъ дѣла обыкновенныя, весьма часто случаю-

щіяся, или могущія случаться, между людьми — и еще въ томъ, что дѣйствіе поэмы Епической есть истинное, а въ сказкѣ оно не должно быть истиннымъ; ибо въ ней позволено только *подражать* дѣйствительно бывшимъ происшествіямъ, и то съ перемѣною именъ.

Сказку не должно также смѣшивать ни съ Романомъ, ни съ Притчею. Романъ есть связь нѣсколькихъ приключеній; сказка содержитъ одно происшествіе. Въ притчахъ дѣйствуютъ съ людьми животныя; сказка не имѣетъ въ предметѣ описанія происшествій между животными; когда же оныя и вводятся въ ней, то сіе бываетъ или *по превращенію* — какъ въ извѣстной всѣмъ изъ Дѣтскаго Училища сказкѣ *Красавица и звѣрь* — или въ лицахъ посторонних, не участвующихъ въ главномъ происшествіи, какъ на примѣръ въ сказкѣ Дмитріева *Модная жена*, гдѣ помѣщены попугай и собачка не потому, что они нужны были для хода дѣйствія, но единственно для разнообразія, для большей живости повѣствованія. Притчи же, въ которыхъ дѣйствуютъ одни люди, безъ животныхъ, могутъ быть причислены къ сказкамъ.

Вообще *Сказки*, по содержанію ихъ, можно раздѣлить на Волшебныя, Аллегорическія, Анакреонтическія, Епиграмматическія, Характерныя или Нравственныя и Философическія.

Волшебныя.—Извѣстно, что волшебниками и волшебницами почитались въ старину какія-то существа сверхъестественныя, имѣвшія вліяніе на участь людей. Сіи существа были двухъ родовъ: добрые и злые. Сказки или повѣствованія о ихъ дѣйствіяхъ названы *волшебными.* Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ къ одной только забавѣ, другія при забавѣ имѣютъ въ виду наставленіе. Къ послѣднимъ принадлежитъ *Причудница*, написанная Дмитріевымъ.

Аллегорическія.—Иногда въ Аллегорическихъ сказкахъ происшествіе, лица, самыя имена ихъ, бываютъ совершенно вымышлены; такова переведенная Г. Востоковымъ изъ Вольтера сказка *Телема и Макарб.* Иногда же въ нихъ разсказывается истинное происшествіе, но сокрытое подъ вымышленными именами и подъ другимъ дѣйствіемъ. Примѣромъ служить можетъ Арабская сказка о *Феируцѣ* и *Шемсениссѣ.*

Анакреонтическія. — О свойствѣ Анакреонтической поэзіи можно видѣть въ первой части сего Словаря, въ статьѣ, объясняющей слово *Анакреонтическій.* Въ приводимыхъ ниже сего примѣрахъ покажемъ образецъ сказки такого рода.

Епиграмматическія.—Епиграмматическою называется такая сказка, которой все достоинство состоитъ въ остромъ словѣ или въ смѣшномъ отвѣтѣ. Изъ сего очевидно, что такія сказки бываютъ кратки, слѣдовательно никакіе посторонніе разсказы и даже разсужденія не могутъ быть имъ приличны. Авторъ подобной сказки обязанъ сколь возможно скорѣе приступать къ заключенію, дабы избѣгнуть пустословія.

Нравственныя и Философическія.—Нравственныя или Характерныя сказки содержатъ вѣрное изображеніе нравовъ людей, живущихъ въ обществѣ. Описываемыя въ нихъ приключенія просты, обыкновенны. Нравоученіе извлекается само собою изъ соединенія и противоположности дѣйствій и причинъ. Слога требуютъ легкаго и даже шуточнаго. Философическая сказка бываетъ возвышеннѣе; цѣль ея—не увеселеніе, но поученіе.—Сочинитель нравст-

венной сказки представляетъ намъ картину добродѣтелей, пороковъ, странностей, замѣченныхъ имъ въ обществѣ; сочинитель Философической сказки разсуждаетъ о причинахъ добра и зла, и старается изкоренить невѣжество и предразсудки. Одинъ не иное что есть, какъ разкащикъ чужихъ приключенiй; другой — судья произносящiй приговоры.

Вообще форма сказки бываетъ трехъ родовъ: 1) когда поэтъ не показывается, а видны однѣ только дѣйствующiя лица. 2.) Когда поэтъ самъ разсказываетъ о приключенiи, и 3) когда поэтъ скрываетъ дѣйствующiя лица, а приводитъ только рѣчи ихъ, какъ бы дѣйствительно ими самими произносимыя. Но для избѣжанiя единообразiя, поэту позволяется смѣшивать сiи роды.—Въ случаѣ Драматическаго повѣствованiя, то есть, приводимаго разговора, надлежитъ всячески остерегаться, чтобы слова: *онъ сказалъ*, *онъ отвѣчалъ* и сему подобныя, не запутывали и не охлаждали разсказа. Для сего употребляется иногда знакъ раздѣленiя (—) и знаки вносные („), а иногда, какъ и въ Драматическихъ сочиненiяхъ, пишутся попере-

мѣнно въ заглавіи имена дѣйствующихъ лицъ.

Въ сказкахъ, имѣющихъ значительное пространство, требуется, по образцу поэмъ, вступленіе или *предложеніе*, въ которомъ бы кратко представлено было содержаніе сочиненія и цѣль автора, и *заключеніе*, въ которомъ бы содержалось какое-либо разсужденіе.

Сіи разсужденія и чувствованія можетъ авторъ также помѣщать между повѣствованіемъ; но все собственно ему принадлежащее должно быть естественно и замысловато. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что ежели такія отступленія будутъ встрѣчаться часто, и при томъ будутъ продолжительны, то скорѣе всего произведутъ скуку.

Въ сказкѣ не требуется такой простоты, какъ въ Баснѣ: она болѣе допускаетъ шутокъ, острыхъ словъ и даже колкости.

Слогъ сказки долженъ быть сообразенъ съ ея содержаніемъ. Что касается до размѣра, то, кажется, всякой употребленъ быть можетъ: мы видимъ весьма хорошія сказки, писанныя и Хореемъ и Ямбомъ, и одномѣрными и вольными стиха-

ми, и даже Екзаметромъ, который прежде всегда почитаемъ былъ принадлежностію одной Епопеи.

Примѣры.

Мы начинаемъ съ кратчайшихъ сказокъ.

1. Анакреонтическія.

Спящій Эротъ.

Ходя въ рощицѣ тѣнистой.
Видѣлъ тамъ Эрота я.
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ-прекрасное дитя!
Сквозь пріятный сонъ умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его,
Будто яблоки наливны
Рдѣлись щеки у него.
Почивая безоружнымъ
Снѣжной грудью онъ блестѣлъ,
По вѣтвямъ, надъ нимъ окружнымъ,
Лукъ спущенный, тулъ висѣлъ.
Пчелы вкругъ его летали,
Какъ на розъ шумящій кустъ,
Капли меду собирали
Съ благовонныхъ сладкихъ устъ.

Въ рощу Граціи вбѣжали,
И нашедъ Эрота въ ней,
Потихоньку привязали
Къ красотѣ его своей.
Разбудяжъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ:
Неразлучны съ тѣхъ поръ стали—
Гдѣ пріятность, тутъ любовь.

Державинъ.

Восковой Эротъ.

Недавно молодецъ
Эрота восковова
На рынкѣ продавалъ;
Къ нему я подошедши,
Спросилъ: что, другъ, возмешь
Ты за свою работу?
На что сказалъ онъ мнѣ
Дорійскимъ діалектомъ:
Возьми за что нибудь;
Но только это помни,
Что не художникъ я
Сей восковой работы;
А жить лишь не хочу
Съ Эротомъ прихотливымъ.
Такъ дай его сюда,

Дай мнѣ его за драхму;
Прекрасной для меня
Онъ будетъ сотоварищъ.
А ты, Эротъ, тотчасъ
Воспламени мнѣ сердце;
Иначе, будешь самъ
Ты въ пламени растопленъ.

Послѣдняя сказка переведена съ Греческаго подлинника Г. *Мартыновымъ*.

2. *Епиграмматическія.*

Діонисій и Министръ его.

Изволь пожалуй отвѣчать,
Да такъ, чтобъ не солгать
И правды не сказать.
О Діонисіи, я чаю, всякой знаетъ;
Извѣстно всѣмъ, каковъ онъ былъ!
Слухъ о дѣлахъ его и нынѣ ужасаетъ;
А каково жъ тому, кто при тиранѣ жилъ?
И я не радъ, что ужь объ немъ заговорилъ:
Не знаю, какъ бы поскорѣе
Сказавъ объ немъ, что понужнѣе
Оставить мнѣ его.

Разъ у Министра своего
Потребовалъ онъ мнѣнье,

Когда какое-то, не помню, сочиненье
Въ стихахъ дурныхъ онъ написалъ,
Да съ тѣмъ, чтобъ онъ ему всю истину сказалъ.
Министръ привыкъ всегда безъ лести изъясняться,
И самъ тиранъ его за правду почиталъ,
И часто за нее прощалъ.
Стихи (онъ отвѣчалъ тирану) не годятся.—
Но тутъ не могъ тиранъ отъ злости удержаться:
Подъ караулъ отдать Министра приказалъ;
Самъ передѣлалъ сочиненье.
Спустя дней нѣсколько Министра онъ призвалъ,
Чтобъ вновь его услышать мнѣнье.
Министръ ему не отвѣчалъ;
А къ караульному, который тутъ случился,
Оборотился,
И говоритъ ему: я долженъ отвѣчать;
Такъ поведи меня подъ караулъ опять.
Хемницеръ.

Крестьянинъ и работникъ.

Когда у насъ бѣда надъ головой;
То ради мы тому хотя молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же придетъ худо:

Всѣ въ запуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо.
Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ,
Домой въ деревню съ сѣнокосу;
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ крестьянина, вертитъ его, ломаетъ,
И гдѣбъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ;
Конецъ приходитъ старику.
Степанушка родной! не выдай милой!
Изъ подъ медвѣдя онъ взмолился батраку.
Вотъ новой Геркулесъ собравшись съ силой,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ;
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда, крестьянинъ всталъ
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшалъ бѣдной мой Степанъ.
Помилуй, говоритъ, за что?—за что! болванъ,
Чему обрадовался съ-дуру?—
Знай колетъ—всю испортилъ шкуру.

Крыловъ.

Слѣдующія двѣ сказки имѣютъ форму Драматическую:

Отчаяніе матери.

У Лизы дочка умерла;
Одна у ней въ пять лѣтъ замужства и была.
Какъ Лиза бѣдная рвалася!
Кричала, билася, и волосы рвала;
Ни ѣла, ни пила,
И чуть во слѣдъ за ней сама не убралася.
,,Слезами, душенька, нельзя уже помочь,
Супругъ ей говоритъ, намъ твердыми быть
должно.,,
—Тебѣ быть твердымъ очень можно,
Сказала Лизанька въ отвѣтъ неосторожно:
Ну, еслибъ у тебя, сударь, скончалась дочь?

А. Измайловъ.

Любопытный.

Пріятель дорогой, здорово, гдѣ ты былъ?—
Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ три
ходилъ,
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья,
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!

Куда на выдумки природа таровата:
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть право менѣе булавочной головки!—
А видѣлъ ли слона? каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ!—
Да развѣ тамъ онъ?—Тамъ.—Ну, братецъ ви-
новатъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.

Крыловъ.

3. *Аллегорическія:*

Вѣнчаніе Леля.

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ;
И Иванъ Великій громомъ
Въ полнощь, освѣщенъ, дрожалъ;
Я, пріятнымъ сномъ объятый
Макова въ тѣни вѣнца,
Видѣлъ: теремы, палаты,
Площадь краснаго крыльца
Роемъ мальчиковъ летучимъ

Облелѣяна кругомъ!
Лѣсомъ—шлемы ихъ дремучимъ,
Латы—златомъ и сребромъ,
Копья—сталію блистали
И чуть видѣлись сквозь мглы;
Стаями сверхъ ихъ летали
Молненосные Орлы.
Но лишь солнце появилось
И затеплились кресты,
Море зыблюще открылось
Разныхъ лицъ и пестроты!—
Шумъ съ высотъ ліясь рѣкою,
Всѣми *чувствы* овладѣлъ,
Своды храма предо мною
Я отверзстыми узрѣлъ.
Тамъ въ волнахъ толпы стѣсненной
Въ думѣ весь Синклитъ стоялъ,
Я въ душѣ моей смятенной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на тронѣ тамъ обширномъ
Во священной темнотѣ,
Вдругъ въ сіяніи порфирномъ
Усмотрѣлъ на высотѣ
Двухъ я Геніевъ небесныхъ;
Коль безчисленны красы!

Сколько нѣжностей прелестныхъ!
Златоструйчаты власы,
Блескъ сафира, розы ранни
Изъ устенъ, ланитъ, очесъ,
Улыбаясь брали дани
Съ восхищенныхъ *тьмы* сердецъ.
И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
Діадимою царей,
Ей четѣ своей касаясь
Удвоялся блескомъ въ ней.
Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ,
По сверкающимъ лучамъ,
Тѣни Самодержцевъ древнихъ,
Ниспустившися во храмъ,
Прежни лицы ихъ пріяли
И сквозь ликовъ торжества
Въ изумленьи вопрошали:
Кто такія божества,
Что облекшись въ младость смертныхъ,
Съ кротостію скиптръ берутъ,
На обширность странъ несмѣтныхъ
Цѣпь цвѣточную кладутъ,
И весь сѣверъ въ мигъ плѣнили
Именемъ однимъ царя?
Громы духъ мой пробудили:

Разглашалося *ура!*
Что такое сонъ сей значитъ?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуетъ, сердце скачетъ,
Отъ чего? я самъ не зналъ.
Кто на царство такъ вѣнчался?
Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я столько восхищался,
Сладостныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кто такъ свѣтомъ завладѣлъ:
Царь сердецъ, онѣ вѣщали,
Богъ любви, всесильный Лель.

Державинъ.

Стихи сіи сочинены 15 числа Сентября 1801 года—въ день коронованія нынѣ благополучно царствующаго Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА и Супруги его Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Телема и Макаръ,

или

Желаніе и блаженство.

Сказка Вольтерова.

Телема живостью и красотой блистаетъ,

*

Нетерпѣлива лишь она;
Собою никогда довольна не бываетъ,
Всегда какой нибудь мечтой ослѣплена.

Любовникъ есть у ней прекрасный,
Но нравомъ съ нею несогласный;
Въ глазахъ его, въ чертахъ румянаго лица,
Печать веселости, плѣняющей сердца;
Его движеньями спокойствіе владѣетъ,
Его поступками довѣренность, пріязнь;
Къ нему приближиться не смѣетъ
Снѣдающа печаль и смутная боязнь.
Отъ прихотей безумныхъ,
Отъ развлеченій шумныхъ,
Равно онъ удаленъ.
Ахъ, какъ его спокоенъ сонъ!
Ахъ, какъ пріятно пробужденье!
Всечасно новое вкушаетъ услажденье,
Зовется же *Макаромъ* онъ.

Нескромная его невѣста,
Когда-то, очень неумѣста,
Пастушку страстную задумала играть.
Заахала некстати и замлѣла,
Быть обожаемой хотѣла,
И ну въ холодности Макара упрекать;—

Что даже и ему нагнала скуку!
Онъ, смѣючись, ее оставилъ и ушелъ
Невѣдомо куда; но черезъ то навелъ
И пущую бѣдняжкѣ муку:
Быть въ неизвѣстности о миломъ, и разлуку
Переносить, легколь?—Пустилась въ слѣдъ за нимъ,
Искать невѣрнаго по всѣмъ краямъ земнымъ.

Вопервыхъ ко двору Телема прискакала,
И спрашиваетъ тамъ у царедворцевъ всѣхъ:
Не здѣсь ли мой Макаръ?—при имени Макара,
Телему бѣдную всѣ подняли на смѣхъ.
Толпа насмѣшниковъ вокругъ ея обстала:
Ха, ха! кого тебѣ, голубушка, скажи?
Примѣты своего Макара опиши!,,
Она насмѣшникамъ со вздохомъ отвѣчаетъ:
Макаръ есть образецъ, примѣръ для всѣхъ людей!
Онъ всякихъ лишнихъ чуждъ затѣй:
Всегда онъ здраво рузсуждаетъ,
Во всемъ себя умно ведетъ,
Отъ всѣхъ любовь пріобрѣтаетъ,
И вѣчно безъ заботъ живетъ.

На это не съ другова слова
Всѣ въ голосъ дали ей отвѣтъ:

„Здѣсь нѣтъ
Макара твоего драгова;
Кто слыхивалъ, чтобъ при дворѣ
Искали Феникса такова!
Ему и жить бы гдѣ—такъ жить въ монастырѣ."

Телема въ горести скорѣйшими шагами
Оттуда далѣе пошла,
И на дорогѣ монастырь нашла:
А что, не вправду ли за этими стѣнами
Скрывается любовникъ мой;
Здѣсь, сказываютъ, всѣ простились со стра-
стями:
Ну, если здѣсь живетъ моей души покой!—
Подумавъ такъ, она съ надеждою вступила
Въ обитель тихую затворниковъ сухихъ,
И о Макарѣ тамъ спросила:
„Мы сами (говорилъ въ отвѣтъ игуменъ ихъ)
Макара ожидаемъ;
Но здѣсь давно уже его мы не видаемъ!"
Тогда одинъ насупленный чернецъ
Вмѣшался въ рѣчь: „престань ты по свѣту
скитаться!
Нигдѣ тебѣ его, повѣрь, не доискаться;
Я слышалъ, будтобы скончался твой бѣглецъ."
Телема гнѣвомъ воспылала

От дерзкой рѣчи той.
Отецъ честной!
(Она вскричала)
Ты ошибаешься; въ живыхъ любовникъ мой:
Онъ для меня рожденъ на свѣтъ,—во мнѣ одной
Стихію лишь ему найти для жизни можно;
Я въ томъ увѣрена неложно;
А кто вамъ иначе натолковалъ,
Безстыдно тотъ солгалъ... —
Конечно онъ у Философовъ,
У умниковъ и остросло́вовъ,
Которы въ книгахъ такъ превознесли его,
И часто такъ о немъ твердили;
Они, какъ видно, заманили
Къ себѣ Макара моего! —
Но тѣ, на сдѣланный вопросъ ей отвѣчали:
„Макаръ намъ, право, незнакомъ,
И мы его своимъ перомъ
По слуху только описали,
Въ лицо его мы не видали.“ —
И пригорюнившись пошла она отъ нихъ.
Не занялся ли мой женихъ
Дѣлами сограждан въ Фемидиной палатѣ?—
Вошла, но посмотрѣвъ, послушавъ, вонъ бѣжать
Пустилась,—думая въ себѣ: нѣтъ, нѣтъ, не
кстати

Мнѣ было здѣсь его искать!
Вовѣкъ не будешъ въ Магистратѣ
Со скукой, съ ябедой Макаръ мой засѣдать!—
Искала нѣжная Телема
Невѣрнаго сего и тамъ,
Гдѣ Талія и Мельпомена,
Гдѣ Музыки и Пляски храмъ:
Но въ суетахъ театра, бала,
Макаръ не найденъ былъ отнюдь.
Она его не разъ и въ обществахъ искала,
Которы лучшими слывутъ.
Казалось, на него тамъ много-кто походитъ,
На первой взглядъ;
Но проницательну Телему не приводитъ
Въ обманъ блестящая наружность и нарядъ:
Хотя поступки ихъ и рѣчи изъявляютъ,
Что имъ хотѣлось бы принять Макаровъ видъ,
Но всѣ они ему напрасно подражаютъ,
Никто себя съ нимъ не сравнитъ.

Устала бѣдная скитаться по пустому.
Какъ быть?... вернуться ужъ домой!
Тихонько къ своему она подъѣхавъ дому,
Съ горюющей душой
Вступила въ горенку свою, и тамъ—кого же
Увидѣла она?—ахъ, самаго того,

Но комъ грустила такъ! Макара своего!
А онъ тамъ на ея уединенномъ ложѣ
Присѣвши, поджидалъ,
Чтобы нечаяннымъ явленьемъ
Обрадовать ее.—Живи! онъ ей сказалъ
Обнявши съ умиленьемъ,
Живи со мной отнынь
О милая, спокойно!
И всю печаль откинь!
А чтобъ тебѣ достойно
Вѣкъ мною обладать,
Такъ за мечтами не гоняйся,
И никогда не домогайся
Того, чего я самъ тебѣ невластенъ дать!

* * *

Теперь читатель пожелаетъ,
Чтобъ я разтолковалъ значенье сихъ именъ:
Кто Греческому обученъ,
Тотъ знаетъ;
Къ нему-то обратись, читатель дорогой;
Тебѣ онъ скажетъ, кто *Макаръ съ Телемой*,
И истолкуетъ онъ тебѣ подъ сей эмблемой,
Къ чему мы созданы судьбой —
Макаръ! тебя, тебя мы всѣ имѣть желаемъ,
Тебя мы ищемъ всѣ, находимъ и теряемъ.

Когда бы ты теперь и жилъ сомной въ ладу,
То я не сталъ бы тѣмъ хвалиться:
Съ нескромной похвальбой не можешь ты ужиться.
Ты любишь быть не на виду,
А тамъ, гдѣ можешь ты отъ зависти укрыться.

Востоковъ.

Сюдаже принадлежитъ и сказка Жуковскаго *Красный карбункулъ*, написанная Екзаметромъ. — Зеленый человѣкъ или бука развратилъ Фрица и наконецъ погубилъ его: Фрицъ не послушалъ бѣленькаго мальчика, подававшаго ему спасительные совѣты. Слѣдующій отрывокъ, служащій окончаніемъ сказки, подастъ надлежащее объясненіе:

Такъ разсказывалъ дѣдушка дѣткамъ. Чуть смѣя дыханье
Въ страхѣ отвесть, говоритъ ему бабушка, скороль ты кончишь?
Дѣвки боятся! на что ихъ стращать небывальщиной! полно!
Я докончилъ! старикъ отвѣчалъ: тамъ лежитъ онъ и съ перстнемъ
Въ дикой крапивѣ, гдѣ нѣтъ дроздовъ и не водятся пташки!—

Тутъ *Лиза* примолвила: „бабушка! кто же боится?
Или, думаешь, трудно до смысла сказки добраться?
Я добралася: бука есть *искушеніе* злое;
Развѣ не вводитъ оно насъ въ грѣхъ и въ напасти, когда мы
Бога не помнимъ, совѣтовъ не любимъ, не дѣлаемъ дѣла?
Мальчикъ въ окошечкѣ.... кто онъ? вѣрный учитель нашъ, *совѣсть!*
О! я дѣдушку знаю! я знаю и всѣ его мысли.

4. *Волшебныя:*

Выписки изъ сказки Дмитріева *Причудница.* — Авторъ подражалъ нѣсколько сказкѣ Вольтера, подъ названіемъ *La Begueule.*

Причудница начинается слѣдующимъ *вступленіемъ:*

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена
Прелестными была обильна и славна —
Не знаю подлинно, при коемъ Государѣ;
А только слышалъ я, что Русскіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,

Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но слѣдуя Нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Со другомъ дома, иль одна
И на качеляхъ быть въ день Свѣтла Воскресенья,
И въ кукольной театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ *Марьиной* подъ тѣнью отдохнуть—
Въ Москвѣ, я говорю, *Вѣтрана* процвѣтала....

Вѣтрана, молодая, прелестная, любимая дочь, обожаемая супруга, могла наслаждаться всѣми пріятностями жизни; но ей ничто не нравилось:

Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
„Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ *ужасть* не разлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вздыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ,
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива....

Всѣ оставили *Вѣтрану*. Она стала грустить, тосковать, плакать, и наконецъ послала гонца

За крестной матерью—а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки! —

Здѣсь авторъ прерываетъ свое повѣствованіе *обращеніемъ* къ Драгунскому Ротмистру Брамербасу, который

(Въ колетѣ вохреномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой)

разсказывалъ, какъ Вѣдьма оборотила его однажды въ *драгунскаго* коня, и ѣздила на немъ до полуночи. Авторъ говоритъ ему о себѣ, что при такомъ его разсказѣ онъ

Стоялъ какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь.... еще тому не вѣрилъ.

Но возвратимся къ Вѣтранѣ! она груститъ, и, думая о своей крестной матери, едва произнесла сіи слова:

,,Ахъ, если бы она хоть глазки показала!,,—
И съ этой мыслью вдругъ *Всевѣда* ей предстала.

Здорово, дитятко! *Вѣтранѣ* говоритъ:
Какъ поживаешь ты? . . . .

Въ слѣдующемъ разговорѣ Вѣтраны съ Всевѣдою принялъ авторъ форму Драматическую.—Матушка! отвѣчаетъ Вѣтрана.

„Я жизнь мою во скукѣ трачу;
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И все чего-то я ищу.„
Чего же, свѣтикъ мой? или ты не здорова?—
„О! нѣтъ, грѣшно сказать.„—Иль домъ вашъ не богатъ?—
„Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ палатъ.„
Иль мужъ обычая лихова?—
„Напротивъ, врядъ найти другова,
Который бы жену столь горячо любилъ.„
Иль онъ не нравится?—„нѣтъ, онъ довольно милъ.„
Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ не спокойна?—
„Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ достойна.„
Чего же, глупенька, тебѣ не достаетъ?—
„Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,

Чтобъ какъ нибудь попасть отсель
Хотя за *тридевять* земель;
Да только, чтобы все въ глазахъ моихъ бли-
стало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣбъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ быль, какъ небылицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!,,

Всевѣда, подумавъ нѣсколько, согласилась исполнить такое дерзкое и безразсудное желаніе.

И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса.
На лучезарной колесницѣ....

И очутились въ очаровательномъ замкѣ Всевѣды, которая, отдавъ *Причудницѣ* во власть подземныхъ и воздушныхъ духовъ, полетѣла въ разныя мѣста по другимъ дѣламъ.

А удивленная *Вѣтрана*,
Какъ новая Діана,
Осталась между Нимфъ, исполненныхъ заразъ:
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,

Помчали и за столъ роскошный посадили,
Какого *и видомъ не видано* у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты.... мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ она едва задумала вставать,
Вдругъ—дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише тише,
И вмѣстѣ, наконецъ съ Вѣтраною, уснулъ.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,

Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: „проснись, проснись, счастливая *Вѣ-
трана.*„
Она проснулася, и спальная ужъ садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса *Вѣтрана* обрѣтала;
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза раз-
цвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отли-
ваетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ:
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубыя
Со Эхомъ взапуски твердятъ:
„*Вѣтрана!* насыщай свой взглядъ!„
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина;
И съ сводомъ, сдѣланнымъ на образъ облаковъ

Изъ разныхъ въ хрустал̂ѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такоюжъ пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;
А подъ *Вѣтраной* очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать,
И пѣніе, какимъ гордилсябъ Амфіонъ,
Тѣхъ Нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
„По чести это рай! ну, если бы теперь,
Вѣтрана думаетъ, подкрался въ эту дверь..."
И слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула—
Сошла со трона и вздохнула.

Наконецъ *Вѣтранѣ* наскучили чудеса, а еще болѣе наскучило одиночество.

Все чудо изъ чудесъ (говоритъ она), куда ни поглядишь!
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь.

Безъ сомнѣнія, такое прекрасное изрѣченіе нашей Причудницы не полюбилось *Всевѣдѣ*, потому что лишь только *Вѣтрана* это вымолвить успѣла,

Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная *Вѣтрана*,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ—
И гдѣжъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда опомнившись узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна,
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали:
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь кустъ шумитъ
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка завываетъ.

Вѣтрана долго думаетъ, остаться ли на этомъ мѣстѣ, или идти; рѣшилась на послѣднее, но

.....*Лишь* ступитъ шагъ ногою,
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: *куку!*
Тамъ лѣшій выставилъ изъ-за-деревьевъ роги;
Тамъ слышится *ау*; то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конской топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испы-
талъ,
Когда мои стихи въ Журналы отдавалъ;
Не даромъ и *Вѣтрана* плачетъ!
Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми:
Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ, иль не-
волѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ....

Схватываетъ ее въ охапку, кладетъ поперегъ сѣдла, и летитъ

.....Какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ исполненный отваги,
Чрезъ холмы, горы и овраги;
И *Клязьмы* доскакавъ высокихъ береговъ,

Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ
словъ;
Вѣтрана жъ: ахъ! .... и пробудилась.

И такъ все несчастіе Вѣтраны происходило въ сновидѣніи. Она открыла глаза, увидѣла полную горницу людей —

И все собраніе *Вѣтраны* съ первымъ взоромъ:
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась!—и весь дворъ
Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!
Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь;
А въ эту самую тревогу
Вошла *Всевѣда* въ дверь
И бросилась къ *Вѣтранѣ*.
„Ахъ, бабушка! за чѣмъ явилась ты не ранѣ?
Вѣтрана говоритъ: гдѣ это я была?
И что я видѣла? .... страхъ ... ужасъ!„ —Ты
спала,
А видѣла лишь бредъ, *Всевѣда* отвѣчаетъ.
Прости, развеселясь старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
И для того, когда ты съ прозьбой приступила,

Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила,
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ, впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и счастлива.
и проч.

Прекрасный урокъ Причудницѣ!—Сказка сія по справедливости можетъ называться образцовою какъ вразсужденіи поэзіи, такъ и вразсужденіи нравственной цѣли.—Слѣдующая, написанная Г. Каменевымъ, изъ которой покажемъ здѣсь краткой отрывокъ, имѣетъ основаніемъ одно только чудесное или *волшебное*.

Выписка изъ сказки Громвалъ.

Содержаніе такое: Волшебникъ Зломаръ похитилъ у Рыцаря Громвала подругу его Рогнеду. Громвалъ ищетъ ее по всему бѣлому свѣту; пріѣзжаетъ наконецъ въ замокъ Зломара, но Зломаръ уже умеръ. Является волшебница Добрада, и сказы-

ваетъ ему, гдѣ заключена Рогнеда. Громвалъ отправляется туда, побѣждаетъ стрегущихъ Рогнеду Зилантовъ и Великана, и уводитъ ее. Вся сказка писана строфами изъ четырехъ стиховъ; два первые состоятъ изъ *дактиля*, а послѣдніе два изъ *анапеста*. — Вотъ описаніе сраженія Громвала съ Исполиномъ:

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнять;
Но огромная дверь разтворяется вдругъ,
И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ Исполинъ.

Грозныя взгляды—кометы во тьмѣ,
Мѣдь на немъ—панцырь, свинецъ—булава,
Сѣрой мохъ по болоту—брада у него,
Черной лѣсъ послѣ бури—власы на челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
Съ свистомъ въ Громвала пустилъ Исполинъ.
Поражаетъ его по буйной головѣ,
Содрогается Эхо по замку звуча.

Шлемъ зазвѣнѣвши дробится въ куски,
Сыплются искры изъ темныхъ очей.
Булава отъ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ какъ скала.

Мечь въ богатырской рукѣ заблисталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разитъ.
Разлетѣлась бы въ части и въ дребезги мѣдь,
Но скользитъ лезвее по волшебной брони.

Въ бѣшенствѣ лютомъ реветъ великанъ,
Адомъ зіяетъ, отъ злости дрожа;
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ рукахъ задушить.

Смерть неизбѣжна, погибель близка,
Страшныя длани касаются латъ:
Но Громвалъ ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потряхнувши повергъ, опрокинулъ его.

Башнѣ подобно громыхнулъ гигантъ,
Звукомъ ужаснымъ весь замокъ потрясъ,
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы,
Онъ упалъ и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло мо́гучей рукой,
Мечь ему въ челюсть вонзаетъ Громвалъ.
По булату зубами скрыпитъ великанъ,
Закричалъ, застоналъ и въ изгибы свился.

Желтая пѣна, багровая кровь,
Хлещетъ, клубится изъ синяго рта.

Стервенѣя отъ боли, со смертью борясь,
Роетъ землю ногами, трепещетъ, храпитъ.

Вмѣстѣ сливаясь журчащей струей,
Пучится, бродитъ Гигантова кровь,
Поднявшись облачкомъ легкой паръ отъ нее
Образуетъ Рогнеды прекрасной черты . . . . . .
и проч.

5.) *Нравственныя или характерныя и философическія.*

Къ первому роду можно причислить *Модную жену*, а ко второму *Филемона и Бавкиду*—двѣ сказки Дмитріева.

Первую сказку начинаетъ авторъ вступленіемъ, въ которомъ проситъ прощенія у *нѣжныхъ мужей подъ сѣдиною*, что много исписавъ на своемъ вѣку бумаги, *ни одною строчкою не потчивалъ ихъ*. Сіе-то и побудило его разсказать имъ сказку *про модную жену*.

Пролазъ въ теченіи полвѣка
Все ползъ да ползъ, да билъ челомъ,
И наконецъ такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,
То есть, сталъ съ именемъ—я говорю вѣдь такъ,

Какъ говоришся въ свѣшѣ:
То есть, сталъ ѣздить онъ шестеркою въ каретѣ;
Потомъ вступилъ онъ въ бракъ
Съ пригожей дѣвушкой, котора жить умѣла,
Была умна, ловка,
И старика
Вертѣла, какъ хотѣла;
А старикамъ такой законъ:
Что если кто изъ нихъ вскружитъ себя вертушкой,
То не она уже, а онъ
Быть долженъ наконецъ игрушкой;
Хоть радъ, хотя не радъ,
Но поступать съ женою въ ладъ
И рубль подъ часъ считать полушкой.
Пролазъ, хоть и Пролазъ, но мужъ какъ и другой,
И также, какъ и всѣ, цѣною дорогой
Платилъ женѣ за нѣжны ласки;
Узналъ и онъ, что блонды, каски,
Что крепъ, линобатистъ, тамбурна кисея.

Послѣ сего начинается самое повѣствованіе:

Однажды бывъ жена—вотъ тутъ бѣда моя!
Какъ лучше изъяснить, не приберу я слова—

Не такъ чтобы больна, не такъ чтобы здорова,
А такъ.... ни то, ни се.... какъ будто не своя,
Супругу говоритъ: „послушай, жизнь моя!
Мнѣ къ празднику нужна обнова:
Пожалуй у мадамъ *Бобри* купи шюрбанъ;
Да слушай, душенька: мнѣ хочется экранъ
Для моего камина;
А отъ нее вѣдь три шага
До Англійскаго магазина;
Да еслибъ тамъ еще .... нѣтъ, слишкомъ до-
рога!
А *ужасть* какъ мила!„ — да что, мой свѣтъ,
такое? —
„Нѣтъ, папинька, такъ, такъ, пустое....
По чести, мнѣ самой твоихъ расходовъ жаль.„
— Да что, скажи, откройся смѣло;
Расходы знать мое, а не твое ужъ дѣло. —
Меня.... стыжусь.... плѣнила *шаль;*
Послушай, ангелъ мой! она такая точно,
Какую, помнишь ты, выписывалъ нарочно
Князь для Княгини, какъ у Князя праздникъ
былъ.„
Съ послѣднимъ словомъ прыгъ на шею,
И чокъ два раза въ лобъ, примолвя: какъ ты
милъ! —

Изволь, изволь, я радъ со всей моей душею
Услуживать тебѣ, мой свѣтъ!
Былъ мужнинъ ей отвѣтъ.
Карету! . . . . .

И такъ, сѣдой Пролазъ, Ваничка, простясь съ молодою супругою — уѣхалъ для покупокъ. Здѣсь начинается новая картина, служащая основаніемъ всей сказки. Читатели, безъ сомнѣнія, замѣтятъ и натуральность разговора, и ловкость моднаго Селадона:

Но онъ лишь со двора, а гость къ нему на дворъ—
Угодникъ дамской, *Миловзоръ*,
Взлетѣлъ на лѣстницу и прямо порхъ къ уборной.
„Ахъ! я лишь думала! какъ милъ!„—слуга покорной.
„А я одна.„—однѣ? тѣмъ лучше! гдѣ же онъ?—
„Кто? мужъ?„—вашъ нѣжный Купидонъ.—
„Какой, по чести, ты ругатель!„—
По крайней мѣрѣ я всѣхъ *милыхъ* обожатель.—
„Однакожъ это вѣдь не ложь,
Что другъ мой на него хоть нѣсколько похожъ.

То есть, онъ также старъ, хотя не такъ прекрасенъ.„
Нѣтъ! я вамъ докажу.—„О! этотъ трудъ напрасенъ.„
Безъ шутокъ, слушайте: тотъ слѣпъ, а этотъ кривъ;
Не сходныли жъ они?—ахъ, какъ ты злорѣчивъ.„
Простите, перестану....
Да! покажите мнѣ диванну:
Вѣдь я еще ее въ отдѣлкѣ не видалъ;
Ужъ вѣрно это храмъ! храмъ вкуса.—„отгадалъ.„—
Конечно.... и любви?....„увы! еще не знаю.
Угодно поглядѣть?—отъ всей души желаю.

Покажемъ еще, какъ прелестно описываетъ авторъ возвращеніе *Пролаза*, смятеніе неожидавшихъ его *Премилы и Миловзора*, и наконецъ развязку произшествія.

Бичь хлопнулъ, и супругъ съ торжественнымъ лицомъ
Явился на коняхъ усталыхъ предъ крыльцомъ.
Ужъ онъ на лѣстницѣ, таща въ рукахъ покупку,
Торопится свою обрадовать голубку;

Ужъ онъ и въ комнатѣ, а вѣрная жена
Сидитъ, не думая объ немъ, и не одна.
Но вы, красавицы, одной съ *Премилой* масти,
Не ахайте объ ней и успокойте духъ!
Ея Пенаты съ ней, такъ ей ли ждать напасти?.
Фиделька рѣзвая, ея надежный другъ,
Которая лежала,
Свернувшися клубкомъ,
На солнышкѣ передъ окномъ,
Вдругъ встрепенулася, вскочила, побѣжала
Къ дверямъ, и, какъ разумный звѣрь,
Приставила ушко, потомъ толкъ лапой въ дверь,
Ушла, и возвратилась съ лаемъ.
Тогдажъ другой пенатъ, зовомый попугаемъ,
Три раза вѣстовой изъ клѣтки подалъ знакъ,
Вскричавши: *кто пришелъ? . . . дуракъ!* —
Премила вздрогнула и *Миловзоръ* подобно. . . .
И тотъ, и та—о время злобно!
О непредвидѣнна бѣда! —
Бросаяся туда, сюда,
Рѣшились такъ, чтобъ ей остаться,
А гостю спрятаться хотя позадь дверей.—
О женщины! могу признаться,
Что вы гораздо насъ хитрѣй!

Кто могъ бы отгадать, чѣмъ кончилась тревога?
Мужъ, въ двери выставя разцвѣтшіе два рога,
Вошелъ въ диванную, и видитъ, что жена
Въ полглаза на него глядитъ сквозь тонка сна;
Онъ ближе къ ней—она проснулась,
Зѣвнула, потянулась;
Потомъ
Простерши къ мужу руки:
„Какимъ же, говоритъ ему, я крѣпкимъ сномъ
Заснула безъ тебя отъ скуки!
И знаешь ли, что мнѣ
Привидѣлось во снѣ?
Ахъ, и теперь еще въ восторгѣ утопаю!
Послушай, миленькой! лишь только засыпаю,
Вдругъ вижу, будто ты ужъ болѣе не кривъ;
Ну, если этотъ сонъ не лживъ?
Позволь мнѣ испытать„.... и въ мигъ, не давъ супругу
Притти въ себя, одной рукой
Закрыла глазъ ему—здоровый, не кривой—
Другою же на дверь указывая другу,
Пролазу говоритъ: „что, видишь ли, мой свѣтъ?„
Мужъ отвѣчаетъ: нѣтъ!
„Ни крошечки?„—ни мало;

Такъ темно, какъ теперь, еще и не бывало.
„Ты шутишь?„—право, нѣтъ; да дай ты мнѣ
взглянуть.
„Прелестная мечта! Лукреція вскричала:
За чѣмъ польстила мнѣ, чтобъ послѣ обмануть!
Ахъ, другъ мой! какъ бы я желала,
Чтобы одинъ твой глазъ
Похожъ былъ на другой!—*Пролазъ*,
При нѣжности такой, не могъ стоять бол-
ваномъ;
Онъ самъ разнѣжился, и въ радости души
Супругу наградилъ и шалью и тюрбаномъ. —
Пролазъ! ты этотъ день во Святцахъ запиши
Примѣръ согласія! жена и мужъ съ обновой!
Но что записывать? примѣръ такой не новой.

Читатели видѣли, что въ сей сказкѣ — какъ просто нравственной, то есть описывающей нравы или характеры — не дѣлаетъ авторъ никакихъ наставленій, даже не сообщаетъ никакихъ разсужденій нравоучительныхъ; напротивъ того слѣдующая *Филемонъ и Бавкида*, исполнена философическихъ мыслей и назидательныхъ поученій.—Вотъ начало:

Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ:

Что въ нихъ, когда со мной заботы вѣкъ живутъ?
Когда духъ зависти, несчастнымъ овладѣя,
Терзаетъ грудь его, какъ вранъ у Промифея?
Ахъ, это сущій адъ! гдѣжъ счастье наконецъ?
Въ укромной хижинѣ: живущій въ ней мудрецъ
Укрытъ отъ грозъ и бурь, спокоенъ духомъ, воленъ,
Не алча лишняго, и тѣмъ, что есть, доволенъ;
Захочетъ ли за лугъ, за тѣнь своихъ лѣсовъ
Тѣнь только счастія купить временщиковъ?
Нѣтъ! суетный ихъ блескъ его не обольщаетъ:
Онъ ясно на челѣ страдальцевъ сихъ читаетъ,
Что даромъ не даетъ фортуна ничего.
Придетъ ли къ цѣли онъ теченья своего:
Смерть въ ужасъ и тоску души его не вводитъ;
То солнце послѣ дня прекраснаго заходитъ.

Содержаніе сказки извѣстно. Оно взято изъ Овидіевыхъ превращеній. — Развратъ людей принудилъ Юпитера сойти на землю съ сыномъ своимъ Меркуріемъ въ видѣ странниковъ.—Никто ихъ не принимаетъ; вездѣ слышатъ отказъ. Наконецъ

Надъ свѣтлымъ ручейкомъ, орѣшника въ тѣни,
Узрѣли хижину смиренную они,

И повернули къ ней. Меркурій постучался
Въ минуту на крыльцѣ хозяинъ показался.
„Добро пожаловать! „сказалъ имъ Филемонъ:
„Вы утрудилися, дорожнымъ нуженъ сонъ—
„Ночуйте у меня . . . . .

Онъ разговариваетъ съ богами, омываетъ ноги ихъ —

Бавкида между тѣмъ трапезой поспѣшаетъ,
Столъ ветхій черепкомъ сосуда подпираетъ,
Раскидываетъ платъ, кидаетъ горсть цвѣтовъ,
И ставитъ хлѣбъ, млеко и нѣсколько плодовъ;
Потомъ худой коверъ, который сберегала
На случай праздниковъ, по ложу разостлала
И проситъ на него возлечь своихъ гостей...

Хозяева узнаютъ своихъ божественныхъ посѣтителей. Юпитеръ объявляетъ, что хочетъ наказать смертныхъ:

„. . . . Пусть злые погибаютъ;
Ни хижинъ, ни сердецъ они не отверзаютъ.„
Безсмертный рекъ, и горъ къ хребту направилъ путь;
И вѣтръ, предвѣстникъ бурь, ужасно началъ дуть.
Бавкида, Филемонъ, на посохъ опираясь,

Подъ тяжкой древностью трясясь и задыхаясь,
Едва, едва идутъ, но съ помощью боговъ
И страха, взобрались на ближній изъ хребтовъ:
Вдругъ сонмы грозныхъ тучъ подъ ними раз-
разились,
И съ шумомъ рѣки водъ губительныхъ пус-
тились;
Валъ гонитъ валъ, и мчитъ все, что ни по-
падетъ
Скотъ, кущи и людей . . . . изчезли, слѣда нѣтъ.

Вдругъ новое чудо поражаетъ ихъ:

Явился пышный храмъ, гдѣ куща ихъ стояла;
Обмазка мраморомъ, солома златомъ стала,
И тяжкіе столпы по всѣмъ ея бокамъ
Въ минуту вознесли главы ко облакамъ!

. . . . . Филемонъ и Бавкида

Въ смятеньи, внѣ себя, на все кругомъ взи-
раютъ.
,,Богъ, велій въ благости, потомъ они вѣщаютъ:
Мы видимъ храмъ; но кто служители ему?
Кто будетъ возносить къ престолу твоему
Молитвы путниковъ? о если бы мы оба
Могли сподобиться въ семъ званьи быть до
гроба!

*

Ахъ! если бы притомъ и Генiй смерти насъ
Коснулся обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ,
Чтобъ мы другъ по другѣ тоски не испытали!,,
Да будетъ такъ, сказалъ имъ богъ, какъ вы
желали.
И было такъ.....

Чрезъ нѣсколько времени, въ одно мгновенiе, Филемонъ и Бавкида превращены были

Мужъ праведный сталъ дубъ, Бавкида липой
стала.

СКАЗОНЪ. Такъ назывался у древнихъ Ямбическiй стихъ, который вмѣсто того, чтобы, по принятому правилу, оканчиваться Спондеемъ и Ямбомъ, оканчивался, напротивъ того Ямбомъ и Спондеемъ. Отъ необыкновеннаго такого *хода* сего стиха, назвали его *хромымъ*—собственное значенiе слова *σκαζων*.

СЛОГЪ *или Стиль*. Stilus.—Слогомъ или стилемъ называется способъ выражать свои мысли.

Примѣч. Стилемъ называлась прежде скорописная трость, похожая на шило или иголку, которою древнiе писали на доскахъ навощенныхъ.

„Я разумѣю подъ именемъ *слога* — говоритъ Андре въ своемъ *разсужденіи о прекрасномъ въ твореніяхъ разума* *) — нѣкую цѣпь выраженій и оборотовъ, не прерывающуюся въ цѣломъ сочиненіи такъ, что всѣ части онаго должны казаться почеркомъ одной кисти; *или*, если примемъ сочиненіе въ родѣ естественной музыки, то *слогомъ* можно назвать расположеніе словъ, составляющихъ совокупность въ согласіяхъ (accords), изъ коихъ бы происходила для слуха пріятная гармонія.

Лучшій или *прекрасный* слогъ, продолжаетъ упомянутый авторъ, есть тотъ, въ которомъ находятся: явная постепенность содержаній въ мысляхъ и разсужденіяхъ, кои составляютъ основаніе сочиненія; точность въ оборотахъ и фигурахъ, которыя оное украшаютъ; родъ нѣкоторой гармоніи въ избраніи словъ, выражающихъ связь главнаго предмета, а паче всего нѣкоторый жаръ вездѣ разліянный, и не терпящій ни безполезныхъ разсужденій всегда холодныхъ, ни ложнаго блеска всегда скучнаго, ни лишнихъ словъ всегда оледеняющихъ сочиненіе."

---

*) Переводъ Графа Хвостова.

Риторы раздѣляютъ слогъ: на *простый*, на *средній* и на *высокій*: humilis, mediocris, sublimis; но постепенностей или оттѣнокъ онаго можетъ быть безчисленное множество.

Слогъ *простый* употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, въ письмахъ, въ басняхъ, въ комедіяхъ, въ ученыхъ трактатахъ. Главное достоинство сего слога состоитъ въ чистотѣ и ясности. Онъ подраздѣляется еще на *шуточный*.—*Высокій* слогъ требуетъ возвышенныхъ и отважныхъ мыслей, изображенія сильныхъ порывовъ страстей, восторга, со всѣми принадлежащими какъ прозѣ, такъ и стихамъ, украшеніями. Впрочемъ онъ совершенно отличенъ отъ того, что вообще мы называемъ *высокимъ*. (См. Высокое). — *Умѣренный* слогъ составляетъ средину между *простымъ* и *высокимъ*.

Въ продолжительномъ сочиненіи всѣ три *слога* употреблены быть могутъ, сообразно съ описываемымъ предметомъ.

Слогъ бываетъ еще *періодическій* и *отрывистый*. Въ періодическомъ, предложенія или фразы бываютъ продолжительны и связываются между собою посредствомъ *союзовъ*; а въ отрывистомъ, называемомъ

иначе *Лаконическимъ*, предложенія бываютъ раздѣляемы и союзами не связываются.

О погрѣшностяхъ въ слогѣ. Слогъ бываетъ, отъ несообразности съ принятыми правилами, *темнымъ*, *принужденнымъ*, *надутымъ*, *низкимъ*, *холоднымъ*, *однообразнымъ*.

Темнымъ бываетъ слогъ отъ неправильнаго соединенія словъ, отъ двусмысленныхъ реченій, отъ излишней краткости. Должно стараться, говоритъ Квинтиліанъ, чтобъ не только *можно было насъ понять*, но чтобъ *не можно было не понять*.

Принужденнымъ называется такой слогъ, въ которомъ сочинитель примѣтно старается обыкновенныя, простыя мысли дѣлать пріятнѣйшими, и для того *выискиваетъ* или странные обороты и выраженія, или неприличныя предмету его фигуры и прочія украшенія.

Надутый слогъ тогда бываетъ, когда сочинитель употребляетъ отборныя и громкія слова при несоотвѣтствующихъ онымъ изображеніяхъ. Отъ *принужденнаго* имѣетъ онъ только ту разность, что въ первомъ стараются о *красотѣ* и *пріятности*, а въ семъ о *важности* и *громкости*.

Низкій—состоитъ въ грубыхъ, или извѣстныхъ подъ названіемъ *площадныхъ*, словахъ и выраженіяхъ.

Холодный или *растянутый* слогъ происходитъ отъ повторенія безъ всякой нужды однѣхъ и тѣхъ же мыслей, или отъ выраженія многими словами того, чтобы могло быть предложено въ маломъ числѣ словъ.

Однообразный слогъ есть тотъ, въ которомъ часто употребляются одни и тѣ же фигуры и тропы, или въ которомъ періоды начинаются по большей части одинакимъ образомъ, на примѣръ съ дѣепричастія, съ глагола, и съ прочихъ частей рѣчи.

Чтобы пріучить себя къ хорошему слогу, надлежитъ *вопервыхъ* читать много и при томъ лучшихъ писателей; *во вторыхъ* самому сочинять и имѣть строгаго и образованнаго судію тѣхъ сочиненій; *въ третьихъ* подражать изящнѣйшимъ образцамъ и стараться имъ уподобиться.

*

СЛОГЪ, syllaba. — Слогомъ называется въ Грамматикѣ соединеніе одной или нѣсколькихъ буквъ согласныхъ съ одною гла-

сною; а по сему слогъ можетъ состоять и изъ одной гласной, ибо только ею образуется.

Въ Просодіи, слѣдственно въ стихосложеніи метрическомъ, строго наблюдается разность между слогами, относительно къ ихъ продолжительности; разность сія состоитъ въ длинѣ или возвышеніи, въ краткости или пониженіи голоса, употребляемаго для произношенія слога. Длина или возвышеніе голоса называется еще *удареніемъ*.

И такъ слогъ бываетъ или *длинный* (долгій), или *краткій*. Длинный слогъ есть тотъ, на которомъ бываетъ удареніе, а краткій ударенія не имѣетъ.

Въ стихотворствѣ для показанія разности въ слогахъ употребляются знаки:

Знакъ длиннаго слога: —

Знакъ краткаго слога:

На пр: въ словѣ *перо*, послѣдній слогъ мы произносимъ продолжительнѣе, нежели первый, слѣдовательно слогъ *ро* есть длинный, а *пе* краткій, и слово сіе можетъ изображено быть такимъ образомъ: пеˇро̄. —Въ словѣ *скука* на первомъ слогѣ слышно удареніе, а второй не имѣетъ онаго, слѣдовательно слогъ *ску* есть длинный, а

ка краткій: *скука*. — Въ нѣкоторыхъ словахъ находятся два краткихъ слога на пр. *Господи*, *человѣкъ*, *картина*, и потому слова сіи такъ изображаются: *Господи*, *человѣкъ*, *картина*. Въ расположеніи слоговъ заключается вся система стопъ.—*Примѣч*. знаки обыкновенно ставятся надъ гласными литерами.

Помѣщенныя здѣсь слова образуютъ слѣдующія стопы:

Перо—Ямбъ: ◡ —

Скука—Хорей: — ◡

Господи—Дактиль: — ◡ ◡

Человѣкъ—Анапестъ: ◡ ◡ —

Картина—Амфиврахій: ◡ — ◡

О семъ см. подробнѣе въ статьѣ *Стопа*.

СОВЕРШЕНІЕ. Въ произведеніяхъ Драматическихъ называется *совершеніемъ* или *окончаніемъ* заключеніе, которое слѣдуетъ за происшествіемъ, дѣлающимъ развязку. У Французовъ именуется оное *achevement*.

Ежели въ Трагедіи *окончаніе* бываетъ продолжительно, то требуется, чтобъ оно прибавляло къ развязкѣ еще болѣе ужаса или сострадані́я; а безъ того конецъ представленія будетъ холоденъ.

Въ *Фингалѣ*, трагедіи Озерова, развязка оканчивается смертію *Старна* и *Моины*; все же послѣдующее за симъ, какъ то: отчаяніе Фингала, его намѣреніе лишить себя жизни, слова Уллиновы, что дни царей принадлежатъ народамъ, и наконецъ прозьба Фингала увезти тѣло *Моины* — составляетъ *окончаніе* или *совершеніе*.

Комедія требуетъ *окончанія* скораго, замысловатаго, и заключающаго въ себѣ нравоученіе.

Поэмы Епическія, также какъ и Драматическія сочиненія, имѣютъ *совершеніе*, и могутъ быть безъ онаго.

Совершеніе Иліады слишкомъ продолжительно, не смотря на прекрасное изображеніе Пріама у ногъ Ахиллеса. Енеида *оканчивается* развязкою: смерть Турна рѣшила судьбу Троянцевъ. Въ Россіадѣ также развязка производитъ *окончаніе*.

СОГЛАСОВАНІЕ. Paronomasia.—Въ Риторикѣ, фигура реченій. Состоитъ въ томъ, когда полагающіяся одно близь другаго слова мало имѣютъ разности между собою по *звуку*, но по *знаменованію* бываютъ одно отъ другаго отличны. На пр: не всякъ то *смѣетъ*, что *умѣетъ*.

СОКРАЩЕНІЕ. Contractio. — Родъ Метапласма.—(См. с. сл.).—Состоитъ въ томъ когда изъ двухъ гласныхъ буквъ, одна изъемлется, для составленія, вмѣсто двухъ, одного слога; какъ на пр: въ словѣ *вображеніе* вм. воображеніе.

СОМНѢНІЕ. Dubitatio. Въ Риторикѣ фигура предложеній. Состоитъ въ ясномъ изображеніи нерѣшимости. — У Сумарокова удачно описано таковое положеніе *Димитрія*:

Не можетъ быть ничто жесточе сей судьбины!
Пойдемъ .... повержемъ .... стой .... ступай
.... будь здѣсь ... бѣги,
И мужествомъ число враговъ превозмоги!
Бѣгите! тщитеся Димитрія избавить!
Куда бѣжите вы? ......

Траг. Дим. Самозв.

СОНЕТЪ. *Сонетъ* есть стихотвореніе, состоящее изъ четырнадцати стиховъ, раздѣленныхъ на четыре строфы.

Двѣ первыя строфы имѣютъ по четыре стиха, а двѣ послѣднія по три.

Сонеты наиболѣе въ употребленіи у Французовъ и Италіанцевъ. Французы тре-

буютъ, чтобы въ *Сонетѣ* первыя двѣ строфы имѣли только двѣ рифмы, полагаемыя чрезъ стихъ; чтобы третья строфа начиналась двумя особенными рифмами, а третій стихъ соотвѣтствовалъ бы рифмою второму стиху послѣдней строфы; первый же и окончательный стихи последней строфы имѣли бы особливую рифму. Вотъ ихъ примѣръ, приводимый во всѣхъ піитикахъ, какъ совершенный въ семъ родѣ образецъ:

Grand Dieu! tes jugemens sont remplis d'équité:
Toujours tu prends plaisir à nous être propice;
Mais j'ai tant fait de mal, que jamais ta bonté
Ne me pardonnera sans blesser ta justice.

Oui, mon Dieu, la grandeur de mon impiété
Ne laisse à ton pouvoir que le choix du supplice:
Ton intérèt s'oppose à ma félicité,
Et ta clémence même attend que je périsse.

Contente ton désir, puisqu'il t'est glorieux:
Offense toi des pleurs qui coulent de mes yeux;
Tonne, frappe, il est temps; rends moi guerre pour guerre:

J'adore en périssant la raison qui t'aigrit;
Mais dessus quel endroit tombera ton tonnere,

Qui ne soit tout couvert du sang de Jesus-Christ?
Des Barreaux.

Италіанцы, которымъ обязанъ Сонетъ своимъ происхожденіемъ *), не столь строги въ расположеніи рифмъ: они позволяютъ, какъ въ первыхъ двухъ строфахъ, такъ и въ обѣихъ послѣднихъ, перемѣшивать рифмы по произволенію, съ тѣмъ только, чтобы въ первыхъ двухъ строфахъ непремѣнно были четыре рифмы на одно окончаніе, и четыре на другое; а послѣднія двѣ строфы имѣли бы особенныя рифмы. Сіи послѣднія пишутся у нихъ по бóльшей части такимъ образомъ, что первая имѣетъ три разныя рифмы, а вторая или окончательная, онымъ по порядку въ стихахъ соотвѣтствуетъ. —Таковъ, на примѣръ, первый Сонетъ Петрарки:

Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono
Di quei sospiri ond'io nudriva il core
In sul mio primo giovenile errore,
Quand'era in parte altr'uom da quel ch'i sono;

---

*) Бернардо Тассъ производитъ слово Сонетъ, sonetto, отъ sonare, что на Итал. языкѣ значитъ *звонить*, *звучать*, потому что въ семъ стихотвореніи всегда *звучатъ рифмы*, а другія пиитическія произведенія могутъ быть писаны безъ рифмъ.

Del vario stile, in ch'io piango, e ragiono
Fra le vane speranze, e'l van dolore;
Ove sia chi per prova intenda amore,
Spero trovar pietà, non che perdono.

Ma ben veggi'or, sì come al popol tutto
Favola fui gran tempo: onde sovente
Di me medesimo meco mi vergogno:

E del mio vaneggiar vergogna è'l frutto,
E'l pentirsi, e'l conoscer chiaramente,
Che quanto piace al mondo è breve sogno.

Надлежитъ наблюдать, чтобы въ Сонетѣ каждая строфа заключала смыслъ полный, отдѣльный отъ другихъ строфъ. — Торквато Тассъ *), разбирая одинъ Сонетъ Г. Делла Каза, допускаетъ только переносъ смысла *изъ стиха въ стихъ*, увѣряя, что сіе доставляетъ сочиненію величайшую важность (apportà grandissima gravità) по той причинѣ, что непрерываемое продолженіе мысли, удерживая скорое теченіе слова, производитъ нѣкую медленность, а медленность есть свойство важности. Но при такомъ разрѣшеніи великаго

---

*) См. delle opere di T. Tass. Vol. VI.

Тасса крайне должно остерегаться, чтобы стихи не сдѣлались *прозаическими*.

Что принадлежитъ до прочаго достоинства сего рода сочиненій, то требуется, чтобы мысли были въ немъ *обдуманы*, чтобы стихи имѣли совершенную плавность и сладкозвучіе, чтобы не было въ словахъ неумѣстнаго повторенія, чтобы рифмы были самыя богатыя; ибо слабая мысль, негладкой стихъ, неестественное выраженіе, натянутая рифма, и словомъ, самомалѣйшая погрѣшность, не имѣютъ въ Сонетѣ никакого извиненія. Сверхъ того надлежитъ оканчивать оный острою, или покрайней мѣрѣ, не ожидаемою мыслію. По сему-то сказалъ Буало:

Un sonnet sans défaut vaut seul un grand Poëme:
т. е. Сонетъ безъ погрѣшности стоитъ длинной поэмы.

На Русскомъ языкѣ первый Сонетъ написанъ Тредіаковскимъ—и помѣщенъ въ его правилахъ Піитическихъ, 1735 года. Сонетъ сей есть переводъ съ вышепоказаннаго Французскаго Сонета *Г. Де Барро*. Вотъ что говоритъ Тредіаковскій о подлинникѣ и о своемъ произведеніи:„ Въ немъ

коль матерія важная и благочестивая, толь и стиль есть красный и высокій. Нѣкоторые изъ Французовъ, предлагая правила о Реторикѣ, за наилучшую штуку, вразсужденіи краснорѣчія, сей въ примѣръ кладутъ. Я хотя переводнымъ и не могу равняться съ подлиннымъ, ибо и не мнѣ трудно то учинить; однако стихомъ нашимъ Героическимъ, какъ мнѣ возможно было, такъ хорошимъ написалъ.„

Думая, что читателямъ пріятно будетъ видѣть родоначальника нашихъ Сонетовъ, и сличить переводъ съ подлинникомъ, выписываемъ сіе произведеніе Тредіаковскаго, предваряя при томъ, что въ ономъ не только сохранена приличная форма, но даже и слогъ пріятнѣе многихъ другихъ сочиненій сего писателя:

Боже мой! Твои судьбы правости сутъ полны!
Изволяешь Ты всегда къ намъ щедротенъ быти:
Но я тако предъ Тобой человѣкъ золъ дольны,
Что ужъ правдѣ мя Твоей трудно есть простити.

Ей, мой Господи! грѣхи что мои довольны,
То не могутъ и Тобой всяко мукъ избыти:

Ты въ моемъ блаженствѣ Самъ будто бы не-
вольны,
Вся и милость мя Твоя хочетъ погубити.

Буди же по Твоему, то когда Ти славно;
Слезы на мои гнѣвись, очи льютъ что явно;
Инъ греми; рази, пора, противна Противный.

Чту причину что Тебя такъ ожесточаетъ;
Но по мѣсту поразишь каковому, дивный?
Мя всего Христова кровь щедро покрываетъ.

Примѣч: Можетъ быть, начинающіе учиться стихосложенію, пожелаютъ узнать, какой размѣръ употребилъ Тредіаковскій въ своемъ переводѣ.—Это шестистопный Хореическій стихъ, который, по правиламъ Тредіаковскаго, раздѣлялся на два полустишія; въ первомъ было три стопы и одинъ слогъ долгій, дѣлающій пресѣченіе; во второмъ ровно три стопы.

— ◡ — ◡ — ◡ — — ◡ — ◡ — ◡
Мя все|го Хри|стова| кровь|| щедро| покры|
— ◡
ваетъ.

О нынѣшнемъ шестистопномъ Хореическомъ стихѣ см. въ статьѣ *Хорей.*

Изъ новѣйшихъ Сонетовъ нашихъ слѣ-

дующіе два могутъ быть отличены отъ прочихъ:

На страждуща Христа взмахнула смерть косою,
Алкая жизнь Его разрушить, прекратить;
Увидя же не тварь, а Бога предъ собою,
Намѣренье свое хотѣла отвратить.

Но къ персямъ преклонясь Христосъ своей
главою,
Являетъ, что сію Самъ избралъ чашу пить,
Повелѣвая ей со властію святою
Носимую имъ плоть на время умертвить.

Едва изрекъ—она велѣнье выполняетъ....
Вострепеталъ весь міръ, и солнце померкаетъ,
Какъ будто своего достигнули конца.

При страшномъ видѣ семъ всѣ твари умили-
лись,
Лишь камнемъ сдѣлались у грѣшниковъ сердца,
А камни какъ бы жизнь пріявшіе смягчились.

N. N.

Надежда, всѣхъ сердецъ и всѣхъ умовъ магнитъ!
Заря счастливыхъ дней, въ несчастіяхъ отрада!
Въ трудахъ нашъ вѣрный другъ! терпѣнія
награда!

*

Волшебный голосъ твой къ себѣ насъ всѣхъ
манитъ.

Тобой обманутый тебя клянетъ, винитъ;
Но ты опять его унынію преграда;
Ты свѣтлый для него рай дѣлаешь изъ ада.—
И такъ, что въ слѣдъ тебѣ идти намъ воз-
бранитъ?

Не страшенъ намъ тогда злой смерти видъ
суровый,
Когда въ рукѣ твоей мы зримъ вѣнецъ лав-
ровый:
Ты въ полѣ страшный Марсъ, во градѣ силь-
ный Богъ.

Богъ, коимъ движется разумная природа!
Кто безъ тебя бы жить, сносить, трудить-
ся могъ?
Что солнце для планетъ, то ты для смерт-
ныхъ рода.

Рижскій.

Невсегда Сонеты заключаютъ въ себѣ матеріи важныя; иногда пишутся они въ видѣ Епиграммы съ колкостію, а иногда просто для шутки. — Приличнѣйшими на

нашемъ языкѣ стихами для Сонета могутъ быть почтены шестистопные Ямбическіе.

СООБЩЕНІЕ, communicatio. Фигура предложеній, употребительная наиболѣе въ рѣчахъ витійственныхъ; состоитъ въ томъ, когда Ораторъ у слушателей, или у самихъ соперниковъ требуетъ совѣта, и потомъ самъ за нихъ отвѣчаетъ. — Въ Риторикѣ Ломоносова приводится слѣдующій примѣръ, взятый изъ Цицеронова слова за Квинтія: что вы, судіи, о семъ дѣлѣ думаете? подлинно, сколько я ваше добронравіе и разумъ знаю, то, ежели у васъ попрошу совѣта, такой отвѣтъ, надѣюсь, дадите......

СОТЕРИЧЕСКІЙ или Сотирическій. Стихи, привѣтствующіе съ освобожденіемъ отъ тяжкой болѣзни, или прославляющіе за сіе въ благодарственной пѣсни Бога, назывались у древнихъ *Сотерическими*, Soterion.—Къ сему роду можно причислить сочиненіе Державина, подъ названіемъ *на выздоровленіе Мецената.*

СОЧЕТАНІЕ.—См. *Рифма.*

СПОНДЕИЧЕСКІЙ. — Екзаметръ, въ пятой стопѣ котораго вмѣсто Дактиля полагается Спондей, называется стихомъ *Спондеическимъ*. На пр. у Овидія

Nec bracchia longo
Margine terrarum porrexerat amphitrite

или у Виды:

Supremamque aurem, ponens caput, exspiravit.

См. *Екзаметръ*, *Спондей*. — Спондеическіе стихи весьма часто встрѣчаются у Гомера.

СПОНДЕЙ. — Стопа, состоящая изъ двухъ длинныхъ слоговъ; знакъ ея: — —

Стопа сія свойственна Греческому и Латинскому языкамъ; — Нѣмцы также ею пользуются; но находится ли она въ Русскомъ языкѣ? — По сіе время нѣтъ еще утвердительнаго положенія. — См. *Екзаметръ*.

СРАВНЕНІЕ. Comparatio, collatio. *Сравненіе* можно включить въ число *фигуръ предложеній*, хотя Ломоносовъ и почитаетъ оное неболѣе какъ *мѣстомъ Риторическимъ*.

Фигура сія состоитъ въ томъ, когда двухъ различныхъ предметовъ взаимно

сравниваются сходныя и несходныя соотношенія. добрыя качества и недостатки; отъ *подобія* или *уподобленія* тѣмъ только отличается, что въ ней продолжительнѣе дѣлаются сношенія, нежели въ *подобіи*.—На пр:

Какъ лютый мразъ весна прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ,
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь!
Такъ нынѣ милость и любовь;
И свѣтлый дщери взоръ Петровой,
Насъ жизнью оживляетъ новой.

Ломоносовъ.

И въ переводѣ Мерзлякова Идилліи Г-жи Дезульеръ:

Ручей! одну судьбу имѣемъ мы съ тобой;
Къ предмету одному стремимся съ быстротой:
Ты ищешь моря; мы — могилы. *и пр.*

СТАНСЪ. Совокупленіе извѣстнаго числа стиховъ, имѣющее полный смыслъ.

Стансы, означая то же, что строфы, куплеты, должны имѣть въ продолженіи всего сочиненія одинакое расположеніе и сочетаніе рифмъ.

Стансъ не можетъ заключать въ себѣ менѣе четырехъ, и болѣе двѣнадцати стиховъ.

Стансъ — слово Италіанское: *Stanza*, значитъ комната, покой, мѣсто успокоенія; вошло же въ стихосложеніе уповательно потому, что послѣ нѣкотораго числа стиховъ читающій останавливается, отдыхаетъ, успокоивается.

Примѣч. Двустишія не могутъ быть названы *Стансами*.

СТЕЧЕНІЕ. *Стеченіемъ* въ стихахъ и въ прозѣ называются слѣдующія погрѣшности слога: 1) когда полагаются многія согласныя буквы сряду, на пр: чу*вствъ встр*ѣчаемыхъ..... 2) когда полагаются сряду многія гласныя буквы, на пр: восшеств*іе ея я*ко солнечн*ое е*сть сіяніе. 3) Когда вмѣстѣ бываютъ или часто повторяются одинакіе слоги, на пр: ужъ *то-то, толки тутъ* пой*дутъ*; 4) когда сряду бываетъ нѣсколько односложныхъ реченій;

на пр: иной *со всѣхъ ногъ такъ тутъ о землю хватился .....*

СТИХОСЛОЖЕНІЕ.—Versificatio. *Стихосложеніе* обыкновенно раздѣляется на три главные разряда:

I. *Стихосложеніе Метрическое*, или стопосложеніе, въ которомъ стихи по стопамъ слагаются. Оно принадлежитъ собственно Грекамъ; отъ нихъ заимствовано Римлянами, а въ послѣдствіи также нѣкоторыми изъ новѣйшихъ Европейскихъ языковъ, кои нашлись способными къ стопосложенію.

II. *Стихосложеніе Силлабическое* или *слогочислительное*. Въ ономъ стихи по числу слоговъ сочиняются. Употребляется оно Италіанцами, Французами, Поляками и иными, коихъ языки за ограниченностію ихъ прозодіи мало, либо вовсе неспособны къ стопосложенію.

III. *Стихосложеніе Тоническое*, сочиняющееся по *удареніямъ*. Къ сему разряду принадлежатъ наши Русскія пѣсни, и можетъ быть также народныя пѣсни многихъ другихъ націй (Норманскихъ Скальдовъ, Нѣмецкихъ Миннезингеровъ и пр.)

Что касается до стихосложенія *Ме-*

трическаго, имѣющаго основаніемъ *стопы*, то объ ономъ можно подробно видѣть въ статьѣ сего Словаря *Стопа*, гдѣ показано названіе всѣхъ стопъ, а подробное ихъ описаніе заключается особенно подъ названіемъ каждой стопы. — И такъ здѣсь будемъ говорить о двухъ послѣднихъ и воспользуемся наиболѣе разсужденіями Г. Востокова, помѣщенными въ книгѣ его *Опытъ о Русскомъ стихосложеніи*.

О стихосложеніи Силлабическомъ.

Силлабическое стихосложеніе есть изобрѣтеніе позднихъ временъ и выдумано по нуждѣ для тѣхъ языковъ, коихъ прозодія ограничена неизмѣняемостію удареній на одномъ которомъ нибудь слогѣ; такъ на пр. въ Польскомъ и Италіанскомъ всегда или почти всегда на предпослѣднемъ, а во Французскомъ на послѣднемъ слогѣ удареніе. Сія ограниченность не позволяетъ имъ размѣрять стихи свои по стопамъ, хотя они и имѣютъ нѣкоторыя стопы совмѣстныя съ ихъ слогоудареніемъ. Французы имѣютъ Ямбы, Анапесты и даже Спондеи; а ежели считать полугласное *e*, то также Хореи и Амфиврахіи. Но какъ

они ихъ употребляютъ? возьмемъ начало Генріады:

Je chante ce Heros qui regna sur la France
Et par droit de conquête et par droit de naissance,
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les factions, sut vaincre et pardonner.

Здѣсь нѣтъ даже двухъ стиховъ сходныхъ между собою въ размѣрѣ *и* въ порядкѣ стопъ. Слухъ нашъ нескоро могъ бы догадаться, что это стихи, ежели бы не рифма ему о томъ напоминала: рифма и пресѣченіе на 6 слогѣ составляютъ всю складность подобныхъ стиховъ, а что они одинъ другому числомъ слоговъ равны, то сіе нисколько не дѣлаетъ ихъ равномѣрными для слуха. Польскіе же стихи ограниченнѣе еще Французскихъ тѣмъ, что окончаніе ихъ всегда *женское*, и нѣтъ *мужескихъ* рифмъ, нѣтъ разнообразнаго сочетанія стиховъ мужескихъ и женскихъ. И таковымъ однако бѣднымъ стихосложеніемъ довольствовались Русскіе во времена такъ называемаго *средняго стихотворства* почти чрезъ цѣлое столѣтіе! люди съ талантами, Феофанъ, Кантемиръ, Буслаевъ, коихъ произведенія достойны бы были въ лучшую одѣяны быть форму, порабощали

себя тѣснымъ правиламъ сего несроднаго имъ стихосложенія, подобно человѣку, который—по уподобленію Ломоносова—будучи обѣими ногами здоровъ, осужденъ бы однако былъ всегда скакать на одной.

Въ сей формѣ поэзіи были стихи о 13, объ 11, о 9 слогахъ и менѣе. Первая мѣра, каковою писаны Кантемировы Сатиры, соотвѣтствуетъ шестистопному нашему Ямбическому, вторая пятистопному, третья четырехстопному стиху, и т. д. —13ти и 11ти сложный стихи раздѣлялись на два полустишія пресѣченіемъ, первый на 7, второй на 5 слогѣ, но пресѣченія сіи несопряжены были непремѣнно съ удареніемъ, такъ какъ во Французскихъ стихахъ, а состояли только въ томъ, чтобы оканчивалось слово, каковъ бы ни былъ послѣдній онаго слогъ, долгій или краткій; девятисложный и другіе кратчайшіе стихи не раздѣлялись на полустишія. Во всѣхъ стихахъ, какъ въ большихъ такъ и въ малыхъ, позволялось переносить недоконченный смыслъ изъ одного стиха въ другой, по примѣру древнихъ. Ежели сія вольность переносовъ, вмѣстѣ съ неопредѣленностію удареній въ полустишіяхъ, давала стихотворцу большую свободу въ оборо-

тахъ и теченіи слова, какъ можно видѣть у Кантемира: то съ другой стороны еще болѣе растроивала она складность или гармонію стиха, которому безпрестанная *женская* рифма служила единственною, такъ сказать, подпорою.

Въ примѣръ 13ти сложныхъ *Силлабическихъ* стиховъ выпишемъ здѣсь начало Кантемировой Сатиры *О истинномъ счастіи*:

Тотъ въ жизни сей лишь блаженъ,| кто малымъ доволенъ
Въ тишинѣ знаетъ прожить,| отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ| и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели|, къ концу неизбѣжну.
Небольшой домъ на своемъ| построенный полѣ
Даетъ нужное моей| умѣренной волѣ,
Нескудной, нелишней кормъ| и среднюю забаву,
Гдѣбъ съ другомъ честнымъ я могъ| по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы| прогнать скуки бремя,
Гдѣбъ отъ шуму отдаленъ| прочее все время
Провождать межъ мертвыми| Греки и Латины,

Изслѣдуя всѣхъ вещей| дѣйства и причины,
И учась знать образцомъ| другихъ, что полезно
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ| гнусно,
иль любезно;
То одно желанія| мои составляетъ.

Примѣръ 11^ти сложныхъ въ сочетаніи съ короткими 6^ти сложными, изъ Лирическихъ пѣсней Кантемировыхъ:

Того вы мужа| что пріятна зрите
Лицемъ, что въ сладкихъ| словахъ, клянясь небомъ,
Дружбу сулитъ вамъ| вы, друзья, бѣгите,
Ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.
Естьли бы сердце| того видѣть можно,
Виднобъ сколь злобна| мысль, хоть мнятся
правы
Того поступки| и сколь осторожно
Свои таитъ нравы.

Читатель усмотритъ, что въ первыхъ семи 13^ти сложныхъ стихахъ послѣднія полустишія состоятъ сплошь изъ правильныхъ стопъ, именно изъ двухъ Амфиврахіевъ ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ. Благопріятствующее стопосложенію свойство языка Русскаго невольно внушило стихотворцу упо-

требленіе стопъ, о коемъ онъ вѣрно не думалъ: иначе бы и первыя полустишія уравнилъ мѣрою, или по крайней мѣрѣ продолжалъ бы чрезъ всю піесу принятый имъ въ первыхъ 7 стихахъ порядокъ окончаній двумя Амфибрахіями; но оный въ слѣдующихъ стихахъ нарушается. Въ Лирическихъ стихахъ своихъ употребилъ Кантемиръ перемежающуюся рифму (но только женскую), въ чемъ уже отступилъ отъ предшественниковъ своихъ, кои, по свидѣтельству Тредіаковскаго, употребляли непрерывную женскую рифму.

Въ Русскомъ языкѣ могли бы стихи *Силлабическіе* принимать и мужескую рифму, какъ во Французскомъ и Италіанскомъ, отъ чего бы они получили нѣсколько поболѣе разнообразія; но подражатели наши, не находя того въ образцахъ своихъ, въ Польскихъ стихахъ, не смѣли сею выгодою языка своего пользоваться. Обычай и предубѣжденіе заставляли ихъ напротивъ того почитать мужескія рифмы неблагородными и въ шуточныхъ только сочиненіяхъ для смѣху иногда позволительными, словомъ сказать, такими, какими новѣйшая поэзія наша почитаетъ *тригласныя* рифмы, на пр: обла*датели*, подра*жатели*,

укра*шаются*, совер*шаются* и пр. Надобно однако замѣтить, что первые вводители *Силлабическаго* стихосложенія не изключали изъ стиховъ своихъ мужескія и тригласныя рифмы, и слѣдовательно были вразсужденіи сего не такъ боязливы, или не такъ разборчивы, какъ позднѣйшіе слагатели таковыхъ стиховъ. Первые правильные Силлабическіе стихи, помѣщенные при служебникѣ *Петра Могилы*, сочиненные къ его гербу *Тарасіемъ Земкою* 1629 года, начинаются двумя мужескими, а *Симеонъ Полоцкій*, который познакомилъ Великороссіянъ съ симъ стихосложеніемъ, появившимся лѣтъ за 40 прежде въ Малороссіи и Волыни, употреблялъ въ стихахъ своихъ не только мужескія и тригласныя рифмы, но бралъ себѣ еще и большую вольность. рифмуя мужескія съ женскими, а сіи послѣднія съ тригласными, на прим: сія Марія—тебѣ въ нéбѣ—святому, истинному—творѝтся, приводится—источѝша, прославиша. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ не ставилъ онъ удареній надъ мужескими и тригласными, кои долженствовали идти въ рифму къ женскимъ окончаніямъ, какъ бы отдавая читателю на произволъ, нарушать *ли* прозодію для рифмы, или

терять рифму для соблюденія правильныхъ удареній. — Рифмою почиталась иногда и одна *созвучность гласныхъ*, ассонансъ, какъ то можно видѣть въ переводѣ Скоринина книги Іова, напечатанномъ въ 1517 году, при которомъ приложено слѣдующее четверостишіе:

Богу въ Троицы единому ко чти и ко славѣ,
Матери его пречистой Маріи къ похвалѣ,
Всѣмъ небеснымъ силамъ и святымъ его къ веселію,
Людемъ посполитымъ къ доброму наученію.

Въ приложенныхъ при напечатанной въ 1581 году Острожской Библіи стихахъ или *двострочномъ согласіи*, какъ они названы сочинителемъ ихъ Герасимомъ Даниловичемъ, не соблюдены также какъ и въ Скорининыхъ стихахъ ни мѣра, ни количество слоговъ, ни исправность рифмы, хотя сочинители и поставляли, какъ кажется, въ сей послѣдней, всю складность своихъ стиховъ. По рѣдкости Острожской Библіи выпишемъ для любопытныхъ нѣсколько стиховъ изъ оной. На оборотѣ заглавнаго листа, около герба Острожскаго, занята цѣлая страница стихотвор-

нымъ сего герба изъясненіемъ въ похвалу Князю Константину, которое начинается такъ:

Зри сія знаменія княжате славнаго
Ихже съдръжитъ домъ его отъ вѣка давняго.

По случаю изображенія на гербѣ всадника съ мечемъ, обращается сочинитель къ своему герою:

Мечь бо обнаженъ въ десницы имѣя острый обоюду,
Имже крѣпціи на враги пріемлютъ побѣду,
Отсѣкай Константине мракъ идольскія лести.
Хощетъ бо Богъ всѣмъ человѣкомъ ся спасти,
И отгоняй еретиковъ полки умовредныя:
Придоша бо въ миръ волки нещадныя:
Иже не свыше щѣпится
Сіе скоренится.

Предисловіе заключается стихами же, занимающими полторы страницы послѣ слѣдующаго объявленія о себѣ сочинителемъ: *сія предсловная сказанія и двострочное сбгласіе многогрѣшнымъ Герасимомъ Даниловичемъ сбставлено бѣ.* Мы выпишемъ изъ сихъ стиховъ сравненіе К. Констан-

тина Острожскаго съ Владиміромъ и Ярославомъ.

Владимеръ бо свой народъ крещеніемъ просвѣтилъ,
Константинъ же богоразумія писаніемъ освѣтилъ.
Тогда многобожіе упразднися идольскія лести,
Нынѣ же славится Божество единоя власти.
Ерославъ зиданіемъ церковнымъ Кіевъ и Черниговъ украси,
Константинъ же едину съборную церковь писаніемъ взвыси.—

Послѣ упомянутыхъ здѣсь древнѣйшихъ рифмотворцевъ Русскихъ, Скорины и Даниловича, третій по старшинству времени былъ, какъ полагать надобно, *Сергій Кубасовъ*, сочинитель Хронографа, описаннаго въ Русск. достопамятностяхъ, изданныхъ обществомъ исторіи и древностей. Приложенные при семъ Хронографѣ *Вирши*, какъ ихъ назвалъ сочинитель, сколь ни дурны, заслуживаютъ замѣчаніе, какъ первые собственно въ Россіи писанные стихи съ рифмами (пока не отыщется древнѣйшихъ) ибо приложенные при Праж-

ской и Острожской Библіяхъ сочинены внѣ Россіи. Польское названіе *Виршей*, употребленное Кубасовымъ, доказываетъ, что онъ отъ Поляковъ же перенялъ свое стихослагательство, которое, какъ видно, полагалъ въ употребленіи однихъ только созвучныхъ окончаній, не имѣвши понятія о правильномъ составѣ силлабическихъ стиховъ. Таковые появились въ Москвѣ не прежде какъ въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія, внесенные туда, какъ сказано выше, Симеономъ Полоцкимъ. Хотя онъ уже въ пятидесятыхъ годахъ того столѣтія сочинялъ стихи въ Москвѣ, какъ явствуетъ изъ показаній времени содержащихся въ его *Стихословѣ*, однакожъ вѣроятно не вдругъ могъ себѣ получить учениковъ и подражателей. Въ Московскомъ изданіи Библіи 1663 года приложенные въ подражаніе Острожскимъ стихи сочинены еще безъ всѣхъ правилъ силлабическаго состава; и сей послѣдній вошелъ можетъ быть не прежде въ общее употребленіе между Московскими учеными, какъ по учрежденіи Заиконоспаской Академіи 1682 года.

Прим. Послѣ учрежденія означенной Академіи, напечатана въ Черниговѣ цер-

ковною печатью и посвящена Царевичу Алексѣю Петровичу, книга, содержащая житія нѣкоторыхъ Святыхъ, такъ называемая:

Алфавитъ собранный
Риѳмами сложенный
Отъ святыхъ писаній
Издревнихъ реченій
На пὸлзу всѣмъ чтущимъ
Вправой вѣрѣ сущимъ
Прежде отъ языка Рѝмска
А нынѣ слὸгомъ Словенска
Прὸчіихъ напечȁтася
Во спасеніе собрȁся. *)

Посвященіе заключается въ сихъ стихахъ:

Божіею милостію славну Царевичу
Алексѣю, Велику Князю, Петровичу,

---

*) Здѣсь сохранено правописаніе подлинника за исключеніемъ титловъ.—За симъ слѣдуетъ: Благослов. ясне въ Богу Преосвя. Его милости Господина отца Іоанна Максимовича, Архіеп. Черн. Новгород. и проч. тщаніемъ. Въ тип. Св. Троиц. Іллѣн. Архіеп. Черн. при всеч. отцу Архиман. тое св. обители Варлааму Василевичу издадеся въ лѣто отъ воплощ. Бога слова Рок. 1705 мѣс. Дек. дня 15.

Всея Россiйской земли преизящнѣйщему
Нашему Государу предостоинѣйшему
Отъ трiипостаснаго троичнаго Божества
Въ лѣтехъ возрастѣнiя, здравiя, мужества
Отъ умна источника дѣвы преизбранной
Совершенной мудрости, святымъ духомъ данной
Святаго Владимера и блаженной Олги,
Святыхъ Глѣба, Бориса въ мирѣ лѣта долги,
И всѣхъ святыхъ, яже въ сей книзѣ написанны
Молитвами, да будутъ свыше ниспосланны
Вѣчне же да почiетъ во горнемъ сiонѣ
Въ чести, славѣ, радости, при Божiемъ Ѳронѣ.
Вѣтiйствующимъ сердцемъ и усты желаемъ
Смиренно главы къ лицу земли прекланяемъ.

Окончанiе же книги такое:

Мы дерзнухомъ се слоги, тvпомъ зобразити
Наши труды новыя свѣту изявити
Да большая честь Бога предвѣки рожденна
Будетъ во вѣки вѣкомъ никогда спразненна
Въ царство пресвѣтлѣйшаго, Царя правовѣрна
Петра, въ всехъ избранна, въ всякомъ дѣлѣ мiрна,
Алексѣевича, та алфа начертанна
Въ Каѳедрѣ Чернѣговской Богомъ намъ поданна

Вто время Іоанна Преосвящѐннаго
Архіерея, стаду Богомъ вручѐннаго
Максимовича. Тогда славна Іоанна
Его Царской пресвѣтлой державы Гетмàна,
Нареченна Мазепы, перва кавалѐра
Апостола Андрея, Патрóна Сѣвера,
Напечатанна же есть, при храмѣ всесильной
Троици Святой Илѣнской, въ Божествѣ нераздѣльной,
Той буди слава, хвала, нынѣ и во вѣки
Вѣковъ, аминь, творима между человѣки.
Ктебѣ пресвѣтлѣйшаго сыну Государа
Великодержавнаго всей Россіи Цàра
Притѣкаемъ зпривѣтствòмъ, зроссійской страны
Зновыхъ училищь, моля, милосердствуй нàны
Пріими предлагаема, ради вѣчной слàвы
Сія слоги, скланяемъ всѣ подъ нозѣ глàвы.

О народномъ Русскомъ или о Тоническомъ стихосложеніи.

Русскимъ стихомъ называется вообще размѣръ старинныхъ народныхъ пѣсенъ. —Извѣстно, что мы не имѣемъ самыхъ древнихъ по сей части памятниковъ. По крайней мѣрѣ они дошли до насъ не въ

первоначальномъ ихъ видѣ, бывши сохраняемы чрезъ долгое время однимъ только изустнымъ преданіемъ.

Къ стариннымъ пѣснямъ принадлежатъ не только лѣтъ за сто сочиненныя, но даже и тѣ простонародныя пѣсни, кои лѣтъ за 40 или за 50 сложены; ибо онѣ всѣ отъ новѣйшихъ простонародныхъ же пѣсенъ отмѣняются своимъ *Русскимъ размѣромъ*, о которомъ мы говорить намѣрены.

Первое, что замѣтитъ всякой въ стихахъ сего размѣра, есть то, что они изобилуютъ *Пиррихіемъ* (◡ ◡). Можно насчитать до десяти и болѣе видовъ Русскаго размѣра, между коими разность только въ количествѣ и порядкѣ стопъ; строеніе же оныхъ одинаковое — *Пиррихическое*. Во всякомъ стихѣ слышны *два* или *три* долгіе слога; прочіе всѣ, и въ томъ числѣ обыкновенно послѣдніе два (иногда три) слога, суть краткіе, такъ что стихъ оканчивается дактилемъ либо трибрахіемъ. Сіи только стопы на концѣ остаются непремѣнными, и образуютъ, такъ сказать, рифмическую основу стиха, котораго прочія части, т. е. начало и средина не имѣютъ опредѣленнаго стопосло-

женія. Но это не мѣшаетъ стихамъ быть равными, ибо мѣра ихъ состоитъ въ удареніяхъ, коихъ число не измѣняется. Между *удареніями* или долгими слогами никогда не бываетъ болѣе шести краткихъ слоговъ, обыкновенно же считается послѣднихъ по 4, по 3, а нерѣдко и по 2 слога, такъ что самой большой стихъ *Русскій* о 3 удареніяхъ имѣетъ рѣдко болѣе 13 слоговъ, и слѣдовательно величиною будетъ съ шестистопный Ямбическій. Стихъ же о двухъ удареніяхъ соотвѣтствуетъ четырехстопному. Кромѣ сихъ есть еще короткіе стихи объ *одномъ* удареніи, кои также довольно употребительны. Стихи самые длинные т. е. о четырехъ удареніяхъ весьма рѣдко встрѣчаются.

Г. Востоковъ раздѣляетъ стихи нашихъ старинныхъ пѣсенъ на *Лирическіе* (пѣсенные) и на *Епическіе* (сказочные); отличіе полагаетъ въ слѣдующемъ: главное свойство тѣхъ и другихъ есть *равночисленность* ударeній; но пѣсенные стихи бываютъ притомъ по большей части *равносложны* и имѣютъ (по большей же части) порядокъ удареній *неизмѣняющійся*, подобно какъ у Грековъ Лирическіе стихи имѣютъ неизмѣняющійся порядокъ стопъ:

въ сказочныхъ же *измѣняется* какъ число слоговъ, такъ и порядокъ удареній, въ чемъ они также сходствуютъ съ Греческимъ Екзаметромъ.—(Подъ словомъ Екзаметръ можно видѣть всѣ онаго варіаціи).

Для большаго различенія можно еще раздѣлить сіи стихи по мѣсту, на которомъ стоитъ въ нихъ послѣднее удареніе, т. е. по *окончаніямъ*. Большая часть Русскихъ пѣсенъ оканчивается Дактилемъ; но нѣкоторые оканчиваются Хореемъ, имѣя удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; въ иныхъ же опять удареніе на 4 и на 5 отъ конца; но на послѣднемъ слогѣ не бываетъ оно никогда, т. е. стихъ никогда Ямбомъ не оканчивается, ибо ежели долгій или съ удареніемъ слогъ и придется когда въ концѣ стиха, то онъ сокращается. По сему можно раздѣлить Русскіе пѣсенные стихи вразсужденіи окончаній на стихи *Дактилическаго*, *Хореическаго* и *Трибрахическаго* окончанія. Мѣрою бываютъ они отъ 4 до 13 слоговъ, объ одномъ, о двухъ и о трехъ удареніяхъ.

1. *Пѣсенные стихи*.

А. Пѣсенные стихи объ одномъ удареніи

1. *Дактилическаго* окончанія пяти и шестисложные:

Ты воспой воспой — 5 слоговъ
Младъ жавороночикъ—6
Сидючи весной — 5
На прошалинкѣ — 5.

Примѣч. Обыкновенно въ пѣсенникахъ пишутся по два таковыхъ стиха въ строку, и почитаются за одинъ стихъ раздѣленный цезурою на двѣ половины; но какъ сіи половины совершенно ровны и раздѣлены постоянною цезурою, то и можно каждую изъ нихъ почитать особымъ цѣлымъ стихомъ, каковое раздѣленіе и показано въ карманномъ пѣсенникѣ 1796 года, въ Москвѣ напечатанномъ.

2. *Хореическаго* окончанія стихи объ одномъ удареніи могутъ быть 4 и 5 сложные. Они по краткости своей употребляются токмо въ сочетаніи съ другими большими мѣрами (такъ почти какъ у Грековъ Адоническій стихъ съ Сафическими).

Примѣръ сочетанія таковаго 4 сложнаго Хореическаго съ двумя 5 сложными Дактилическаго окончанія:

Мѣлки пташечки }
Вонъ изъ садика } Дактил.

Вылетали — Хореич.

Одна пташечка

Соловеюшко

Оставался и пр.

В.) Бываютъ еще стихи *о полутора удареніяхъ*, заключающіе въ себѣ отъ 7 до 9 слоговъ. Въ примѣръ таковыхъ стиховъ Дактилическаго окончанія послужитъ извѣстная хороводная пѣсня:

А мы просо сѣяли — 7 слог.
Ой дидъ и ладо, сѣяли — 8

Здѣсь послѣднее удареніе надъ словомъ *сѣяли* по положенію своему болѣе слышно, и есть главное, а первое надъ словами *просо*, *ладо*, слабѣйшее. Но таковый сложный періодъ чаще случается въ стихахъ трибрахическаго окончанія, которымъ примѣръ можно видѣть въ слѣдующемъ сочетаніи 7 сложныхъ съ 6 сложными:

Вострепе́нется соколъ — 7
На дубу сидючи — 6
Какъ распла̀чется дѣвка—7
Въ терему подъ окномъ—6.

Читатель самъ замѣтитъ, что здѣсь 7ми сложные стихи имѣютъ по два ударенія, но одно сильнѣйшее на 3 слогѣ, а другое слабѣйшее на предпослѣднемъ; въ 6 сложныхъ же стихахъ только одно слышно удареніе, и слѣдовательно въ тѣхъ содержится *сложный*, а въ сихъ *простой* прозодическій періодъ.

C.) Стихи *о двухъ удареніяхъ* или въ два періода прозодическіе отъ 5 до 11 слоговъ.

1) Дактилическаго окончанія *семисложные*:

Дитя мое, дитятко
Дитя мое милое!
Что ходишь нерадошно,
Гуляешь невесело?

Осмисложные:

Изъ Кремля крѣпка города
Отъ Дворца Государева
До самой красной площади
Ахъ! вели казнить молодца
И большова боярина
Атамана Стрѣлецкова.

Девятисложные:

Ахъ таланъ ли мой, таланъ такой
Или участь моя горькая . . . . .

Примѣч: Сей-то послѣдній размѣръ употребилъ Г. Карамзинъ въ сказкѣ *Илья Муромецъ*.

2) Хореическаго окончанія о двухъ удареніяхъ

Пяти и семисложные:

Во ржи береза
Зелененька стояла.
Ой дидъ и ладо!
Зелена кудреваша. и пр.

Одни семисложные:

Ты построй милой теремъ,
Чтобъ изъ терема въ теремъ
Изъ окошка въ окошко и пр.

Осмисложные:

Ахъ утушка луговая
Молодушка молодая
Ты гдѣ спала, ночевала?

Девятисложный:

Ночевала я во лужочкѣ
Подъ ракитовымъ подъ кусточкомъ.

3) Триврахическаго окончанія

Осми и девяти сложные:

Пить было пиво и вино.
Съ пивушка головушка болитъ
Съ вина просыпанье тяжело, и пр.

Десятисложные:

Какъ совечера цѣпочка горитъ
Со полуночи серебряная
Горитъ горитъ перегариваетъ
Молодушку переманиваетъ.

Одиннадцатисложные:

Во всю ноченьку не спала молода,
Мнѣ комарики мѣшали младой спать,
Взволновалося сердечушко мое, и пр.

Иногда таковые стихи перемѣшиваются съ 8 и 9 сложными Дактилическаго окончанія, на пр.:

Ахъ ты мальчикъ, ты мальчикъ мой,

Кудреватая головутка твоя,
Еще кто тебя породилъ молодца, и пр.

D.) Стихи о трехъ удареніяхъ, или въ три періода прозодическіе отъ 6 до 13 слоговъ.

Примѣч. Дактилическаго окончанія стихи о трехъ удареніяхъ суть *сказочные*, о коихъ смотри ниже; пѣсенные же о трехъ удареніяхъ стихи всѣ имѣютъ третье удареніе либо на предпослѣднемъ слогѣ и суть хореическаго, либо на 4 и 5 отъ конца слогѣ и суть тривpaхическаго окончанія. Употребительнѣе изъ сихъ первые, т. е.

1. *Хореическаго окончанія*

Осмисложные:

Выду на новыя сѣни
Я на частыя переходы
Я обопрусь на перилы,
Я обогнусь соболями,
Вся обольюся слезами.

Но по большей части стихи сего окончанія о 3 удареніяхъ бываютъ вольные, т. е. неравносложные. Въ слѣдующей пѣснѣ

перемѣшаны 10 сложные съ 9 и 8, и даже 6 сложными:

Во полѣ береза стояла — 9
Во полѣ кудрявая стояла — 10
Нѣкому березу заломати — 10
Я пойду заломаю — 7 и пр.

11^{ти}, 12^{ти} и 13 сложные перемѣшиваются также одни съ другими, а не рѣдко и съ 10^{ти} сложными и проч.

'Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ — 13
То бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ — 12
Не золотая трубушка вострубила — 12
Мы ради Государю послужити — 11
И одинъ за другова умерети — 11
Тутъ скоро бояринъ подымался — 10 и пр.

Сей размѣръ о трехъ удареніяхъ до 13^{ти} слоговъ весьма уже сходенъ со *сказочнымъ*, выключая только окончанія, которое у того *Дактилическое*, а у сего *Хореическое*, да еще порядка удареній, который у послѣдняго, т. е. пѣсеннаго не такъ перемѣнчивъ, какъ у сказочнаго.

2.) Стихи *трибрахическаго* окончанія о трехъ удареніяхъ, особливо, когда по

слѣднее удареніе на пятомъ отъ конца слогѣ, каковое окончаніе можно бы собственно назвать *тетраврахическимъ* (четверократкимъ), имѣютъ размѣръ чистый Лирическій, и притомъ свойственный наиболѣе шумному, веселому или живому выраженію страстей, словомъ сказать, Дифирамвамъ на Русскую стать. Когда удареніе въ нихъ на четвертомъ отъ конца слогѣ, тогда стихи сіи нѣсколько посмирнѣе ходъ имѣютъ, и весьма уже сходны съ повѣствовательными стихами Русскими Дактилическаго окончанія, почему и употребляются вмѣстѣ съ оными, какъ увидимъ далѣе.

Здѣсь слѣдуютъ примѣры пѣсенныхъ стиховъ триврахическихъ отъ 10 до 12 слоговъ:

Веселъ я веселъ сегоднешній день — 10
Радошенъ, радошенъ теперешній часъ—11...
Лучина лучинушка березовая — 12
Чтоже ты лучинушка не ясно горишь—12...
Ахъ чтожъ ты голубчикъ не веселъ сидишь
— 11. и пр.

Впрочемъ послѣднія сіи три мѣры можно раздѣлить на два коротскіе стиха, изъ ко-

ихъ второй будетъ привpахическій объ одномъ удареніи.

О строфахъ или куплетахъ.

Въ Русскихъ пѣсняхъ куплеты не содержатъ въ себѣ никогда болѣе *четырехъ* стиховъ короткихъ, или *двухъ* длинныхъ, да и то послѣдній стихъ бываетъ нерѣдко только повтореніе перваго, предшествуемое обыкновенно какимъ нибудь общимъ припѣвомъ, на примѣръ *Ой дидъ и ладо*, ой *люли*, *люли*, ой *жги* и пр. припѣвы сіи употребительны болѣе въ плясовыхъ, хороводныхъ и свадебныхъ пѣсняхъ.

Другой образъ составленія куплетовъ Русскихъ есть безъ припѣва повтореніе только послѣдней половины одного стиха въ первой половинѣ другаго, съ нѣкоторою пояснительною прибавкою на пр.

Ахъ чтожъ ты голубчикъ не веселъ сидишь.
Не веселъ сидишь и нерадошенъ?

Ахъ какъ мнѣ голубчику веселому быть
Веселому быть и радошному?
Вечоръ у меня голубка была
Голубка была со мной сидѣла,

Далѣе въ сей же пѣсни повторенія переходятъ изъ куплета въ куплетъ:

Со мной сидѣла, пшено клевала,
По утру голубка убита лежитъ.
Убита лежитъ застрѣленая,
Застрѣленая, потеряная и пр.

Сіе же видно и въ другой пѣснѣ, начинающейся словами: *лучина, лучинушка березовая* и пр.

Иногда повторяются первыя слова каждаго стиха или и обѣихъ половинъ по два, по три раза и болѣе, чрезъ что половины сіи уже особенными, довольно длинными стихами дѣлаются. Такіе примѣры можно видѣть въ пѣсняхъ:

По горамъ, по горамъ
И я по горамъ ходила и пр.

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Таки во лузяхъ, въ зеленыхъ лузяхъ.

Въ большей части *протяжныхъ* пѣсенъ вторый стихъ I куплета весь повторяется въ слѣдующемъ куплетѣ, составляя уже начало онаго, и такимъ образомъ идутъ повторенія сіи до конца пѣсни, въ коей

только первый и послѣдній стихи не имѣютъ повторенія, на пр:

Ходила младешенька по борочку,
Брала брала ягодку земляничку.

Брала, брала ягоду земляничку
Наколола ноженьку на тресочку. и пр.

Сихъ образцовъ достаточно можно видѣть во всякомъ собраніи *простонародныхъ пѣсенъ*.

Новѣйшія простонародныя пѣсни приближаются къ *стопосложенію*, удаляясь отъ формы *ударятельнаго* составленія стиховъ, и дѣйствительно начинаетъ въ нихъ господствовать по большей части чистая *Хореическая* мѣра, и даже неупотребительныя прежде *Ямбическія* окончанія, введенію коихъ наиболѣе помогла рифма. Сіи новыя прикрасы стали извѣстны простонароднымъ стихотворцамъ нашимъ со времени распространенія въ Россіи книжной словесности, когда и въ ихъ устахъ твердиться стали пѣсни Сумарокова, Попова, Нелединскаго, Дмитріева и пр. съ коихъ и начали они перенимать не только размѣръ, но и слогъ и выраженія, кто какъ умѣлъ. Къ сему роду не принадле-

жатъ однакожъ пѣсни, писанныя на образецъ простонародныхъ, хорошими нашими стихотворцами: въ сихъ блистаютъ уже совершенно вкусъ и красота Піитическаго искуства.

II. *Сказочные или повѣствовательные Русскіе стихи.*

Стихи *о трехъ удареніяхъ Дактилическаго окончанія* употребляются въ Русскихъ народныхъ сказкахъ или повѣствовательныхъ пѣсняхъ, каковыхъ мы имѣемъ печатное собраніе подъ именемъ *Древнихъ Русскихъ стихотвореній*. Вотъ примѣръ:

Оте́цъ на сы́на прогнѣ́вался,
Приказа́лъ сосла́ть со оче́й долой и пр.

Первое ударенiе сказочнаго стиха можетъ переходить съ 1 слога на 2 и такъ далѣе даже на 5 слогъ. Второе или среднее удареніе отдѣлено отъ перваго по крайней мѣрѣ однимъ краткимъ слогомъ *), но можетъ отдѣляться отъ онаго 4,

---

*) Иногда однако бываютъ между сказочными стихами такіе, въ коихъ одно удареніе непосредственно слѣ-

5 и даже 6 краткими, смотря по величинѣ стиха; третье или послѣднее удареніе имѣетъ непремѣнное свое мѣсто на третьемъ отъ конца слогѣ, рѣдко на четвертомъ, подобно какъ въ Греческомъ Екзаметрѣ пятая стопа бываетъ изрѣдка Спондей вмѣсто Дактиля.

Такимъ образомъ съ тремя частями своими Русской стихъ принимаетъ болѣе *ста варіацій*, между тѣмъ какъ Греческій Екзаметръ съ шестью частями только 32 варіаціи имѣетъ. (См. *Екзаметръ*.)

Сказочный стихъ имѣя всегда Дактилическое либо триврахическое окончаніе, вообще не терпитъ у себя въ концѣ ни Ямба ни Хорея, и превращаетъ оные въ Пиррихіевъ. Вотъ на примѣръ сряду восемь стиховъ, которые по обыкновенному произношенію должны бы оканчиваться Ямбомъ, но по законамъ Русскаго размѣра или прозодическаго періода, читаются они:

дуетъ послѣ другаго:

Чѣмъ свѣта жаловати.

И меда сладкіе хорошіе.

Меньшая сестра плешку подала.

Сіи стихи не иначе произносить можно какъ съ остановкою голоса (pause), которая замѣнитъ недостатокъ краткаго слога между двумя удареніями.

По прозванью былъ Дюкъ боярской сынъ
А и конь подъ нимъ какъ бы лютой звѣрь
Лютой звѣрь конь, онъ и буръ космашъ.
У коня грива до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ,
Не много съ Дюкомъ живота пошло,
Что куякъ и панцырь чиста серебра.

А слѣдующіе стихи, по обыкновенному произношенію Хореемъ оканчивающіеся, произносятся по Русскому размѣру:

Гой еси вы Князи бояра.
На небѣ солнце въ терему солнце.
Подхватилъ дѣвицу за бѣлы руки.
Взвыли рога у туга лука
То старина то и дѣянье.
Синему морю на утѣшенье:

Такимъ образомъ, единственно для мѣры стихотворной, произошли у Русскихъ свои стихотворческія вольности и фигуры, свой стихотворный языкъ. Таковыя суть:

1) Разное слогоударенiе на однѣхъ и тѣхъ же словахъ: дѣвица, сéребро, вм. дѣвúца, серебрó.

2) Частицы наполнительныя, expletiva:

А и конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь.
Что куякъ и панцырь чиста серебра.
А и Божье крѣпко, вражье лѣпко-*то*.

Сюда же принадлежитъ употребленiе предъ именами указательнаго мѣстоименiя *тотъ*, *тотъ ли*, и повторенiе предлога при каждомъ имени:

Что *за тѣ ли за* святыя *за* ворота.
Безъ *тоя* раны *безъ* кровавыя.

3) Вставка въ самыя слова наполнительныхъ слоговъ для мѣры (Греческая *Парагоге*); на пр: въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ вмѣсто ымъ—*ыимъ*; вм. ихъ—*iехъ*; вм. ой—*ыя*, *оя*:

И тѣмъ попамъ всѣмъ соборныимъ.
И Русскихъ богатырей могучiехъ.
Ко тоя ко церкви ко соборныя.

4) Выбрасыванiе слоговъ невходящихъ въ мѣру (синкопе):

Горючьми слезьми вм. горючими слезами. И 5) Усѣченіе именъ прилагательныхъ (апокопе) *На пр. бѣлу* руку вмѣсто *бѣлую* руку, *красна* дѣвица вм. красная и пр. но сія фигура и въ новѣйшей поэзіи употребляется.

Примѣч: Сказочные стихи также имѣютъ куплеты, но отличаются отъ *пѣсенныхъ большимъ числомъ* стиховъ и *нечетностью* оныхъ; ибо бываютъ и объ 8 стихахъ, какъ въ сказкѣ *Гость Терентьище* и о 5^{ти}, какъ въ сказкахъ *Соловей Будимировичъ, Иванъ Гедеоновичъ* и *Иванъ Гостиной сынъ.* Сказки *Дюкъ Степановичъ* и *на Буянѣ островѣ* состоятъ изъ куплетовъ трехсрочныхъ.—Сказки сіи можно видѣть въ изданномъ Г. Ключаревымъ собраніи древнихъ Русскихъ стихотвореній.

Изключенія. Надлежитъ сказать о нѣкоторыхъ изключеніяхъ изъ правила, касательно употребленія въ сказкахъ того размѣра, которыи назвали мы *сказочнымъ,* т. е. стиховъ Дактилическаго окончанія о трехъ удареніяхъ. Изъ 26 сказокъ содержащихся въ печатномъ собраніи древнихъ Русскихъ стихотвореній двѣ сложены отличными отъ сего размѣрами, именно, въ сказкѣ 18 подъ названіемъ *Гость Терентьище*, стихи

Дактилическаго же окончанія, но объ двухъ только удареніяхъ, слѣдовательно *пѣсенные*, а не сказочные, однако перемѣшанные и съ обыкновенными сказочными стихами о трехъ удареніяхъ

Во стольномъ во Новѣгородѣ
Было во улицѣ во Юрьевской
Въ слободѣ было Терентьевской
А и жилъ былъ богатой гость,
А по имени Терентьище и пр.

Въ сказкѣ же 21 подъ названіемъ *Мастрюкъ Темрюковичъ*, употреблены необычайно длинные стихи о четырехъ удареніяхъ, отъ 15 до 20 слоговъ.

При вольномъ славномъ царѣ при Иванѣ Васильевичѣ
Когда холостъ былъ царь осударь Иванъ Васильевичъ

Но поелику таковый длинный стихъ состоитъ всегда изъ двухъ ровныхъ полустиший Дактилическаго либо тривpахическаго окончанія, то и приличнѣе бы можетъ быть было дѣлить его на два сти-

ха, такъ какъ дѣлятся нѣкоторые пѣсенные размѣры:

При вольномъ славномъ царѣ
При Иванѣ Васильевичѣ и пр.

Сказочный Русскій стихъ, говоритъ Г. Востоковъ, будучи самъ по себѣ разнообразнѣе пѣсенныхъ, былъ бы удобнѣе для поэмы—не для героической конечно, а для Романической во вкусѣ Аріоста либо Виланда. Такъ и пѣсенные размѣры не для всякаго Лирическаго стихотворенія пригодны: никто конечно не вздумаетъ ими написать оду или кантату. Главная сему причина можетъ быть та, что Русскіе размѣры вообще по своему Дактилическому и трихрахическому строенію слишкомъ игривы для важныхъ предметовъ, или же, что они досѣлѣ бывъ предоставлены токмо простонародной поэзіи, слѣдовательно предметамъ низкимъ и ограниченнымъ—чрезъ то самое лишены стали въ глазахъ нашихъ и благородства и возвышенія; но дабы показать, что и предметъ важный, отвлеченный, не обезображивается одеждою Русскаго размѣра, то для сего Г. Востоковъ въ концѣ опыта своего напечаталъ сочиненныя имъ Рус-

скимъ размѣромъ стихи — заслуживающіе особенное вниманіе:

Изреченія Конфуція

(Изъ Шиллера):

I.

Пространству мѣра троякая.
Въ долготу безконечно простирается,
Въ широту безпредѣльно разливается,
Въ глубину оно бездонно опускается.
Подражай сей мѣрѣ въ дѣлахъ твоихъ.
Достигнуть ли хочешь исполненія,
Безпрестанно впередъ, впередъ стремись;
Хочешь видѣть всѣ міра явленія,
Разширяй надъ ними умъ свой—и обымешь ихъ.
Хочешь постигнуть существо вещей,
Проницай въ глубину—и изслѣдуешь.
Постоянствомъ только цѣль достигается.
Полнота лишь доводитъ до ясности
И въ кладязѣ глубокомъ живетъ истина.

II.

Трояко теченіе времени:
Наступаетъ медлительно грядущее,
Какъ стрѣла пролетаетъ настоящее,
И стоитъ неподвижно прошедшее.

Не ускоришь никакимъ нетерпѣніемъ
Лѣнивый шагъ грядущаго;
Не остановишь ни страхомъ ни сомнѣніемъ
Быстрый полетъ настоящаго;
Когда же станетъ прошедшее,
Ни разкаяньемъ уже ни заклятіемъ
Его съ мѣста не подвигнешь, не прогонишь ты.

Если хочешь счастливымъ и мудрымъ быть,
Соглашай, о смертный! дѣла свои
Съ трояким течeніемъ времени.
Съ медлительно грядущимъ совѣтуйся,
Но ему не ввѣряй исполненія;
Ни быстропреходящему другомъ будь,
Ни вѣчноостающемуся недругомъ.

* * *

О нѣкоторыхъ особенныхъ свойствахъ древняго Русскаго стихотворства—статья, почерпнутая изъ сочиненія А. С. Шишкова, *Разговоры о словесности:*

Наше стихотворство можно раздѣлить на два рода, одно *старое*, бывшее до Кантемира, Тредьяковскаго и Ломоносова, и другое *новое*, сдѣлавшееся извѣстнымъ съ ихъ временъ—и вотъ нѣкоторыя между ними отличія:

I. Старинное Русское стихотворство не только терпитъ, но и любитъ повтореніе, какъ въ именахъ и цѣлыхъ рѣченіяхъ, такъ и въ предлогахъ:

Ты дуброва моя, дубровушка:
Ты дуброва моя зеленая.

или

Ахъ на горѣ горѣ
На высокой на горѣ,
На высокой на горѣ,
Что на всей красотѣ и пр.

II. Хотя и новое стихотворство не убѣгаетъ прилагательныхъ именъ, однакожъ въ старомъ были оныя несравненно употребительнѣе, и почти каждое существительное имѣло свое прилагательное: *красное солнышко, свѣтлый мѣсяцъ, частыя звѣзды, синее море, черной соболь, бѣлая лебедь* и пр. особливо же помѣщеніе сихъ именъ позади существительныхъ составляло не малую красоту:

Отворяетъ ворота широкіе,
Ведетъ во гридни свѣтлыя,
Сажаетъ за столы дубовыя,
За скатерти браныя.

Иногда же употреблялось и повтореніе:

Идутъ двѣ дѣвицы, двѣ красныя....
Бѣгутъ два горностая, два зимніе.
Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя.

III. Часто прилагательныя имена, безъ всякаго раздѣляющаго ихъ знака, ставились по два рядомъ: *темный дремучій лѣсъ*, *сѣдая кудрявая береза*, *желтый сыпучій песокъ*, *крутой красный бережокъ* и пр.

IV. Употребляемы были весьма часто сокращеніе именъ прилагательныхъ и перемѣна удареній. На пр: садился на добра коня, завыли рога у туга лука;—мóлодецъ вм. молодéцъ, дѣ́вица вм. дѣви́ца:

Распоялся мой золóтъ перстень.

V. Старинное наше стихотвореніе любило въ нѣжныхъ и пріятныхъ сочиненіяхъ уменьшительныя имена:

Ты дѣтинушка, сиротинушка,
Безпріютная твоя головушка....

Ахъ! какъ далече далече въ чистомъ полѣ
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
Отъ огонечка шелъ дымочикъ тонешенекъ..

VI. Въ шутливыхъ и забавныхъ сочиненіяхъ употреблялись иногда увеличительныя имена:

Полетѣлъ комарище въ лѣсище,
Садился комаръ на дубище,
Дубъ подъ нимъ зашатался....

VII. Нѣкоторыя приговорки, или прибавочныя слова были совершенно особенныя, которыхъ ни на какой другой языкъ перевести не можно, какъ на пр: *видо́мъ не видать, слухо́мъ не слыхать*, или

Старой мужъ *журмя* журитъ.

или

Полети моя каленая стрѣла
Высокимъ высокошенько
Далекимъ далекошенько.....

VIII. Причастіе, кончащееся на *чи* въ старинномъ стихотвореніи, не такъ какъ въ новомъ, не изгнано было, и часто находило мѣста̀, въ которыхъ могло преимуществовать предъ причастіемъ на *я*.

Ходила тутъ красная дѣвица,
Ходючи она горько плакала,

Ко крылечушку припадаючи,
Волгу матушку причитаючи.

Г. Востоковъ весьма удачно употребилъ сіе окончаніе въ повѣсти *Пѣвисладъ* и *Зора*:

....Такъ взывалъ Бояновъ громкій хоръ
Съ холма поле озираючи
Въ звонки гусли ударяючи....

IX. Часто въ старинномъ стихотвореніи нашемъ находимъ особаго рода *уподобленія*, которыя можно назвать *отрицательными*, потому что изъ двухъ сравниваемыхъ между собою вещей, одна, чрезъ отрицаніе или уничиженіе предъ нею достоинства другой, получаетъ вящшую важность и великолѣпіе, какъ на прим.

Не черная туча изъ за горъ поднималася
Поднималося храброе Русское воинство....

Не ковыль трава въ полѣ зашаталася,
Зашаталася, братцы, рать великая....

У душечки у красной у дѣвицы
Не дожжичкомъ бѣло лице смочило,
Смочило бѣлое личико слезами....

Не золотая трубушка воструби́ла,
Возговоритъ нашъ батюшка православной царь.

X. Иногда въ старинныхъ стихотвореніяхъ примѣчается составленіе стиховъ такимъ образомъ, что, не смотря на полный смыслъ перваго стиха, второй служитъ ему какъ бы нѣкимъ дополненіемъ или прибавкою:

Нащиплю я хмѣлю,
Хмѣлю ярова,
Наварю я пива,
Пива пьянова и пр.

Я спускала полотно
За косящето окно,
Не худое, не гнилое, полушолковое, и пр.

Ахъ ты батюшка свѣтéлъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему и пр.

СТИХОТВОРСТВО. Слово сіе принимается у насъ иногда за *стихосложеніе*, но чаще за *поэзію*. Римляне раздѣляли стихотворство на два рода: на стихотворство *въ вещахъ*, т. е. въ цѣли, въ содержаніи сочиненія (Poësis rerum), и на стихотворство *въ словѣ*, то есть въ выраженіяхъ, въ

гармоніи (Poësis sermonis). Сколь ни прелестно послѣднее качество стихотворства, но первому уступаетъ оно въ достоинствѣ; ибо слогъ, (выраженія, гармонія) можетъ измѣняться съ усовершенствованіемъ языка, а такое сочиненіе, въ которомъ находимъ и важность описываемаго предмета и цѣль полезную—никогда цѣны своей не потеряетъ. Мы видимъ нынѣ множество стихотвореній, написанныхъ съ отличною легкостію, съ чистотою, *съ гармоніею;* но прочитавши ихъ, ничего въ умѣ не остается. *и сердца, такъ сказать, ничто не шевелитъ;* напротивъ того, почти за сто лѣтъ писанныя стихотворенія Кантемира нравятся намъ и будутъ съ удовольствіемъ перечитываемы позднѣйшимъ потомствомъ — отъ того, что находимъ въ нихъ разительныя мысли, непринужденное подражаніе природѣ, и цѣль, состоящую въ исправленіи нравовъ и въ изкорененіи пороковъ.

СТИХЪ. Versus.—Стихъ есть рѣчь, изъ нѣкотораго числа слоговъ или стопъ состоящая.

Стихъ бываетъ: 1) по числу стопъ *одностопный*, *двухстопный*, *трехстопный*,

четырехстопный , *пятистопный* и *шестистопный* ; 2) по роду стопъ : *Ямбическій*, *Хореическій*, *Дактилохореическій* , *Анапесто-Ямбическій* , *Амфибрахическій и пр.*; 3) по окончанію, *мужескій*, когда имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ , и *женскій* когда удареніе находится на предпослѣднемъ слогѣ.—Объяснимъ сіе примѣрами: Въ слѣдующихъ стихахъ :

a) гремитъ|,
Разитъ|. . . . .
Дово|ленъ
И во|ленъ. . . . .

Первые два суть : *по числу стопъ* , одностопные ; *по роду стопъ* Ямбическіе, потому что въ нихъ *одна* только стопа, именно *Ямбъ* ; *по окончанію* мужескіе , потому что удареніе на послѣднемъ слогѣ ; вторые же два стиха также одностопные и также Ямбическіе, но женскіе, потому что въ нихъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, т. е. на *во*.

b) Выле|тала|
На ду|брову|шку

Первый стихъ : двухстопный Хореическій женскій; *второй* такой же, но мужескій.

c) Съ бѣлы|ми Бо|рей вла|сами|.....
Наста|ла ти|шина| повсю|ду....
Шагнулъ| и цар|ство по|корилъ|....

Первый — Четырехстопный Хореическій женскій; *вторый*—четырехстопный Ямбическій женскій; *третій*—четырехстопный Ямбическій мужескій.

d) Все слад|кую|| задум|чивость| пита|ло.....
Безсмер|тны! слы|шали|| вы скром|ный мой| обѣтъ?
Молилъ|ли васъ| когда|| о по|честяхъ| и зла| тѣ?

Первый — Пятистопный Ямбическій женскій; *вторый*—шестистопный Ямбическій мужескій; *третій*—такой же, но женскій.

e) Бардъ безъи|мянный! те|бя ль не у|знаю?..
И столѣт|нія ду|бы скрыпятъ| и трещатъ|....

Первый—Четырехстопный Дактилохореическій женскій; *вторый*—четырехстопный Анапестическій мужескій.

Стихи бываютъ съ рифмами и безъ рифмъ.—Послѣдніе называются *бѣлыми*.—См. с. сл.

Стихи раздѣляются еще на одномѣрные и вольные. — Въ первомъ случаѣ все сочиненіе пишется стихами, изъ одинакаго числа стопъ состоящими; вольными же стихами называются такіе, которые въ продолженіи всего сочиненія измѣняются по числу стопъ, то есть, когда одинъ стихъ бываетъ шестистопный, другой четырехстопный, третій опять шестистопный и т. п.—См. *Вольные* стихи.

Составляютъ *ли* стихи поэзію?—Разсужденіе о семъ помѣщено въ статьѣ *Поэзія*.

Примѣч. Въ Греческомъ и Латинскомъ стихосложеніи, называются стихи по числу стопъ: Екзаметръ (6), Пентаметръ (5), Тетраметръ (4) Триметръ (3) и Диметръ (2).—*См. сіи слова.*

СТОПА. *Pes* или *merum*, отъ Греческаго слова *μετρον*, мѣра. —

Въ прежнія времена стихи всегда сопровождаемы были музыкою и пляскою; разный размѣръ стиховъ производилъ по свойству своему и разное удареніе *ногъ* или *стопъ:* отъ сего-то, за достовѣрное положить можно, назвали *составъ нѣсколькихъ слоговъ*, или *мѣру*, *содержащую одинъ или*

нѣсколько музыкальныхъ тактовъ, стопою: по переводу Латинскаго слова *Pes*.

Въ Греческомъ и Латинскомъ стихосложеніи считается двадцать восемь стопъ, совершенно между собою различныхъ, и раздѣляющихся на *простыя* и *сложныя*, Simplices et compositi.

Простыя состоятъ изъ двухъ и трехъ слоговъ; *сложныя* или *составныя* изъ четырехъ, и потому образуютъ въ себѣ какія либо двѣ стопы.

Простыя двусложныя.

Ямбъ.—Состоитъ изъ одного краткаго и одного длиннаго слога.

Хорей или *Трохей* — изъ одного длиннаго и одного краткаго.

Спондей — изъ двухъ долгихъ.

Пиррихій — изъ двухъ краткихъ.

Трехсложныя.

Дактиль—Изъ одного длиннаго и двухъ краткихъ.

Анапестъ—изъ двухъ краткихъ и одного длиннаго.

Молоссъ — изъ трехъ длинныхъ.

Триврахій — изъ трехъ краткихъ.

Амфиврахій — изъ краткаго, длиннаго и краткаго.

Амфимакръ — изъ длиннаго, краткаго и длиннаго.

Вакхій — изъ краткаго и двухъ долгихъ.

Антивакхій — изъ двухъ долгихъ и краткаго.

Четырехсложныя

Диспондей — изъ двухъ Спондеевъ, или четырехъ долгихъ слоговъ.

Дитрохей — изъ двухъ Хореевъ.

Діямбъ — изъ двухъ Ямбовъ.

Антиспастъ — изъ Ямба и Хорея.

Хоріямбъ — изъ Хорея и Ямба.

Епитритъ — бываетъ четырехъ родовъ; состоитъ: 1) изъ Ямба и Спондея, 2) изъ Хорея и Спондея, 3) изъ Спондея и Ямба; 4) изъ Спондея и Хорея.

Пеонъ — также бываетъ четырехъ родовъ и содержитъ: 1) одинъ долгій и три краткихъ, 2) краткій, долгій и два краткихъ; 3) два краткихъ, долгій и краткій; 4) три краткихъ и одинъ долгій.

Дипиррихій или *Прокелевсматикъ*—изъ двухъ Пиррихіевъ, или четырехъ краткихъ слоговъ.

Іоническая большая стопа — изъ Спондея и Пиррихія.

Іоническая малая стопа — изъ Пиррихія и Спондея.

Примѣч: Въ статьяхъ, объясняющихъ каждое названіе показанныхъ здѣсь стопъ, сказано подробнѣе о ихъ составленіи съ приведеніемъ примѣровъ.

Въ стихосложеніи не должно стараться, чтобы въ каждомъ словѣ непремѣнно находилась стопа, или въ стопѣ слово; напротивъ того слова и стопы должны сливаться — и ежели каждое слово, на примѣръ, въ шестистопномъ Ямбическомъ стихѣ, составляетъ отдѣльно стопу, сіе почитается погрѣшностію; вотъ примѣръ:

Когда|герой| пріялъ|| престолъ| своихъ|отцовъ.

Но слѣдующій стихъ есть правильный:

За гро|бомъ слѣ|довать|| въ оде|ждѣ по|гребаль|-ной.

О происхожденіи *стопъ* можно сдѣлать слѣдующее предположеніе: человѣкъ, исполненный какой либо страсти, при внезапномъ изліяніи чувствій пропѣвъ нѣсколько словъ, и нашедъ *ладъ* оныхъ пріятнымъ, сталъ подбирать или *прилаживать* къ симъ словамъ другія, для чего и принужденъ

былъ полагать столько же слоговъ во втоFромъ *изрѣченіи*, сколько было ихъ въ первомъ; потомъ примѣтилъ еще, что голосъ *прилаживался* гораздо лучше, когда краткіе и долгіе слоги находились въ обоихъ случаяхъ въ одинакомъ порядкѣ: отъ такого непремѣннаго назначенія каждому слогу ударенія, произошли тѣ размѣры, кои называются стопами, и которые находятся въ такомъ же отношеніи къ стиху, въ какомъ состоитъ стихъ къ строфѣ.

СТРАСТИ. У философовъ *страстію* называется дѣйствіе воли, которое, будучи произведено изысканіемъ блага или опасеніемъ зла, причиняетъ стремительную перемѣну въ жизненныхъ духахъ и въ обращеніи крови; а въ поэзіи подъ именемъ *страстей* почитаются происходящія отъ растроганной души чувствованія и дѣйствія.

Піитическія страсти суть, такъ сказать, жизнь и душа всякой нѣсколько продолжительной поэмы; всѣ признаютъ ихъ необходимыми въ комедіи, въ трагедіи, и наиболѣе въ поэмѣ Епической; ибо недовольно того, чтобы повѣствованіе Епическое насъ удивляло, потребно еще, чтобы

оно вселяло въ душу читателя печаль, радость, *ужасъ*, сострaданіе, или другія сильныя ощущенія.

Сверхъ того каждая *Епопея* имѣетъ свою особенную *страсть*, которая отличаетъ ее отъ другихъ Епическихъ поэмъ. Сія особенная страсть заключается всегда въ характерѣ главнаго лица. По сему, ужасъ и гнѣвъ господствуютъ въ Иліадѣ, ибо Ахиллесъ, герой поэмы, вспыльчивъ и неукротимъ; а Енеида исполнена описаній нѣжныхъ, потому что нравъ Енея нѣженъ и кротокъ.

Для доставленія же страстямъ удобнѣйшаго средства къ достиженію цѣли ихъ, потребно: *первое*, чтобы читатели къ ощущенію ихъ были прежде пріуготовлены; *второе*, чтобы не смѣшивались вмѣстѣ многія страсти противоположныя, какъ то, радость и печаль, любовь и ненависть и пр.

Философы и Риторы не согласуются въ количествѣ страстей. Аристотель (кн. 2.) считаетъ ихъ тринадцать, именно: гнѣвъ и кротость, любовь и ненависть, страхъ и надежда, стыдъ и дерзость, милосердіе, сострaданіе, негодованіе, зависть и соревнованіе; къ симъ нѣкоторые при-

бавляютъ еще желаніе, разкаяніе и отчаяніе.

Иные признаютъ одну только страсть —любовь, и къ ней относятъ всѣ прочія страсти. И дѣйствительно — говоритъ Ломоносовъ — любовь можетъ назваться матерью другихъ страстей, ибо часто для любви веселимся, плачемъ, уповаемъ, боимся, негодуемъ, жалѣемъ, стыдимся, разкаяваемся *и проч.*

Риторы предлагаютъ пространныя правила о способѣ возбуждать страсти, но всѣ сіи правила заключаются въ одномъ: *имѣй самъ то чувствованіе, какое въ другомъ произвести желаешь.*

ВЪ СТОРОНУ. См. *Драматическій.*

СТРОФА. Слово Греческое; отъ στρέφ, возвратъ, оборотъ—потому что Лирическія творенія обыкновенно пишутся такимъ образомъ, что послѣ нѣкотораго числа стиховъ, авторъ останавливается какъ бы для отдыха, и *возвращается* къ принятому имъ порядку въ расположеніи стиховъ и рифмъ. Сіе количество стиховъ избраннаго авторомъ расположенія, называется *Строфою* или *Стансомъ* въ

Одахъ, въ Имнахъ и другихъ подобныхъ стихотвореніяхъ, и *куплетомъ* въ пѣсняхъ.

Строфа или *Стансъ* не можетъ имѣть менѣе четырехъ и болѣе двѣнадцати стиховъ.

Каждая *Строфа* должна непремѣнно оканчиваться полнымъ смысломъ: перенось смысла изъ одной строфы въ другую почитается нынѣ погрѣшностію, не смотря на то, что Греки и Римляне не сохраняли сего правила; Горацій чаще всѣхъ преступалъ оное.—См. *Лирическій*.

Въ нѣкоторыхъ Піитикахъ раздѣляется строфа на *правильную*, состоящую изъ чотнаго числа стиховъ, и *неправильную*, содержащую нечотное число стиховъ; но такое раздѣленіе не заслуживаетъ большаго вниманія.

Строфа бываетъ *Гораціанская* и *Сафическая*.—См. Гораціанскій, Сафическій.

СХОЛИСТИЧЕСКІЙ. См. *Симпосіастическій*.

СХОЛІЯ. См. *Пѣсня*.

СЦЕНА. Мѣсто, на которомъ представляются Драматическія сочиненія; слово Греческое: σκηνη, палатка, намѣтъ, въ ко-

ихъ у Грековъ производимы были упомянутыя представленія. *Сцена* принимается иногда за самое дѣйствіе, на примѣръ можно сказать: въ Трагедіи Сумарокова *Димитрій Самозванецъ* сцена происходитъ въ Москвѣ, въ царскомъ Дворцѣ.

Сценою называется еще *явленіе*, часть акта.

СЦЕНИЧЕСКІЙ. Ludi scenici. Сценическими играми назывались у древнихъ всякія игры, производимыя на *сценѣ*.

Забавы первыхъ человѣковъ были совершенно сельскія; они собирались сначала на поляхъ и на площадяхъ, но бывши часто обезпокоиваемы солнечнымъ зноемъ или дождемъ, выдумали наконецъ мѣста съ покрышками, коимъ Греки дали имя σκηνὴ; а Римляне *scena*.—См. *Сцена*.

Т.

ТАВТОГРАММА, *Тавтограмматическій*; отъ *ταυτός*, тоже, такой же и отъ *γράμμα*, буква.—Тавтограмматическими называются стихи, въ которыхъ всѣ слова начинаются съ одной и той же буквы. — Нѣмецъ *Петръ Плаценціусъ* сочинилъ на Латинскомъ языкѣ поэму; изъ 850 стиховъ состоящую, подъ названіемъ *Pugna porcorum, сраженіе свиней*, въ которой всѣ слова, даже выноски и примѣчанія, начинаются съ буквы *P*. Авторъ хотѣлъ однакожъ скрыть настоящее свое имя, назвавъ себя *Публіцусъ Порціусъ*, Publius Porcius. Но прочитавъ такую поэму и обративъ должное вниманіе на преодолѣнную сочинителемъ трудность, всякому позволительно сказать сію Латинскую пословицу: *Stultum est difficiles habere nugas*, которую такъ можно перевести: *глупо заниматься труднымъ вздоромъ*.—Къ чести нашей поэзіи, у насъ нѣтъ *Тавтограммъ*.

ТЕАТРЪ. Мѣсто представленія и также собраніе въ одну или нѣсколько книгъ драматическихъ у какого либо народа произведеній.

Исторія *театра* нашего, или происхожденіе всѣхъ родовъ драматическаго искуства въ Россіи, показана въ статьяхъ сего Словаря: *Комедія*, *Опера*, *Трагедія* и пр. Здѣсь скажемъ вообще о театрѣ, что можетъ послужить къ означеннымъ статьямъ вмѣсто прибавленія.

Русскій театръ (не включая въ оный *Заиконоспаскихъ* представленій, о коихъ упомянуто въ ст. *Комедія*) начало свое возымѣлъ въ С. Петербургѣ, при ПЕТРѢ I.— Онъ позволилъ, неизвѣстно въ которомъ году, Нѣмцу *Манну*, пріѣхавшему съ самою дурною труппою, *шутить* на первое число Апрѣля, и *Маннъ* шутилъ въ какомъ то стоявшемъ при Мойкѣ домѣ; потомъ въ 1730 Король Августъ прислалъ изъ Дрездена къ коронаціи Императрицы Анны Іоанновны славившихся тогда актеровъ, и они играли при дворѣ *Италіанскія Интермедіи*.

Въ 1735 выписана была полная труппа Италіанскихъ актеровъ. Придворный театръ былъ въ лѣтнемъ саду, и въ одномъ флигелѣ Зимняго дворца. Въ то время танцмейстеръ *Ланде* славился своимъ искуствомъ, и Сухопутнаго корпуса кадеты, бравшіе у него уроки, представляли

также интермедіи. Въ 1737 въ первой разъ представлена была большая Италіанская опера *Абіазаге*, сочиненная капельмейстеромъ *Араемъ*. Предстательствомъ Герцогини Курляндской, которая не разумѣла ни Французскаго, ни Италіанскаго языка, выписано изъ Лейпцига общество Нѣмецкихъ актеровъ. Тогдашній Оберъ-Гофмаршалъ Графъ *Левенвольдъ* притѣснялъ ихъ, а Курляндской Дворъ поддерживалъ, однакожъ по смерти Императрицы Анны, 1740 года, они удалились за границу; вмѣсто ихъ *Ланде* вызвалъ изъ Касселя актеровъ Французскихъ. Въ Коронацію ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ представлена была въ Москвѣ на новомъ театрѣ подлѣ Яузы большая Италіанская опера *Титово милосердіе*, La Clemenza di Tito. По возвращеніи Двора въ Петербургъ общество Кассельское прибыло. Директоръ онаго *Серенги* взялъ за содержаніе по договору 25 тысячъ рублей, представлялъ одинъ разъ каждую недѣлю трагедію или комедію, и весьма нравился публикѣ. Въ театры тогда передѣланы были манежи, одинъ Герцога Курляндскаго, а другой деревянный у Казанской церкви; сверхъ того былъ у лѣтняго дворца огромный деревянный театръ и въ Пе-

тергофѣ придворный. Въ 1748 славный *Акерманнъ* былъ въ Петербургѣ съ своими комедіантами. Нѣкоторые кадеты, научась хорошо декламировать, отважились сыграть Русскую піесу въ присутствіи Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ, и ей понравились; съ тѣхъ поръ Ломоносовъ и Сумароковъ стали стараться о распространеніи вкуса къ своимъ отечественнымъ произведеніямъ. Тогда же извѣстно стало, что въ *Ярославлѣ* одинъ гражданинъ, по имени *Волковъ*, съ успѣхомъ представляетъ разныя роли на тамошнемъ приватномъ театрѣ; Государыня вызвала его въ 1752 году —и Волковъ сдѣлался основателемъ *Русскаго* театра, который въ 1756 имѣлъ уже особеннаго Директора, и стоилъ казнѣ со всѣми издержками по пяти тысячъ рублей въ годъ. Вскорѣ показалось нѣсколько отличныхъ актеровъ кромѣ упомянутаго Волкова: другой *Волковъ*, *Дмитревскій*, *Шумскій* съ женою, дѣвица *Пушкина* и другіе. Головинскій дворецъ на Васильевскомъ островѣ, былъ первый театръ, на которомъ они показывали свое искуство. Въ 1759 заведенъ былъ Русской театръ и въ Москвѣ, но разрушился скоро, ибо поддерживавшіе оный *Троепольскій* съ женою и нѣ-

которые Университетскіе студенты, перешли въ Петербургскую труппу; играли сочиненія Сумарокова, переводы иностранныхъ оперъ и комедій, изрѣдка и творенія Ломоносова. Въ 1765 году мы имѣли нѣчто похожее на театръ Греческій—на *Брумбергской* площади близь Мойки. На открытомъ довольно пространномъ мѣстѣ, подъ чистымъ небомъ, построенъ былъ изъ досокъ, обширный амфитеатръ, вмѣщавшій въ себѣ многочисленное собраніе простаго народа, для котораго изключительно представляемы были комедіи каждый день въ 4 часа по полудни. Общество сихъ комедіантовъ составлено было изъ подъячихъ, фабричныхъ и разныхъ мастеровыхъ. Осенью того же года возвратился *Дмитревскій* изъ чужихъ краевъ, и показалъ, что не напрасно бралъ уроки у Гарика: въ первый разъ отличился онъ въ *Синавѣ и Труворѣ*, трагедіи Сумарокова. Съ того времени театръ нашъ началъ постепенно доходить до того совершенства, въ какомъ нынѣ его видимъ.

О строеніи театра у древнихъ. Ролленъ говоритъ, что Есхилъ (см. *Трагедія*) началъ первый строить театръ неподвижный, изъ досокъ вмѣстѣ со скамьями для зри-

шелей; но какъ доски часто обваливались, то Афиняне вздумали созидашь тѣ великолѣпные театры, которымъ подражали въ послѣдствіи и Римляне.

Театръ у древнихъ раздѣлялся на три главныя части: первая, гдѣ играли акшеры, называлась сценою; вторая была для зрителей и называлась собственно театромъ (κοιλον); третья заключала въ себѣ оркестръ (ὀρχήςρα), гдѣ помѣщались мимисты, танцовщики, хоръ и музыка. Мѣста для зрителей раздѣлялись на три отдѣленія, одно надъ другимъ возвышавшіяся: самое низшее назначено было для судей и другихъ отличныхъ чиновниковъ, среднее вообще для народа, а высшее для женщинъ. Въ каждомъ этажѣ было нѣсколько уступовъ и множество скамеекъ. Позади находились покрытые коридоры, имѣвшіе четвероугольныя отверзтія или вороты, чрезъ которые проходилъ народъ. У Римлянъ отверзтія сіи назывались жерлами, vomitoria.

Какъ простой голось актеровъ не могъ достигать до конца театра, то Греки выдумали для нихъ маски съ трубочками, и сверхъ того ставили подъ уступами

театра большіе мѣдные сосуды, которые придавали болѣе звучности.

Надъ тѣмъ мѣстомъ театра, которое не было покрыто досками, Греки разкидывали родъ шатра изъ полотенъ; но видя что сіе не достаточно укрывало отъ солнечнаго зноя, а только производило болѣе духоты, они пропускали въ нѣсколькихъ мѣстахъ маленькіе каскады изъ простой и душистой воды, которые и прохлаждали и разливали пріятнѣйшій запахъ.

Роскошь Грековъ въ украшеніи своихъ театровъ возрасла наконецъ до невѣроятности. Ролленъ утверждаетъ, что декораціи для трехъ Софокловыхъ трагедій стоили Афинянамъ столько же денегъ, какъ и Пелопонесская война. За то театръ ихъ былъ учителемъ и судіею народа.

ТЕТРАМЕТРЪ. Четырехстопный или четырехмѣрный Ямбическій стихъ: *τέτρα*, четыре; *μέτρον*, мѣра.—Употребляемъ былъ наиболѣе въ Драматическихъ сочиненіяхъ.

ТЕТРАСТИХЪ: четверостишіе; сочиненіе, состоящее изъ четырехъ стиховъ. Отъ *τέτρα*, четыре, и *στίχοσ*, стихъ.

ТМЕЗИСЪ, Thmesis. У Римлянъ назы-

вался такъ нѣкоторый родъ стихотворческой вольности, состоящей въ раздѣленіи одного слова на двое, какъ на примѣръ у Виргилія:

En boreas regio *septem* subjecta *trioni*.

И у Горація:

Quo me *cunque* rapit tempestas, deferor hospes.

ТОПОГРАФІЯ. См. *Описаніе*.

ТРАГЕДІЯ. Нравственная цѣль *трагедіи* состоитъ во внушеніи отвращенія къ великимъ преступленіямъ, и любви къ высокимъ добродѣтелямъ. Для достиженія сей цѣли, трагедія представляетъ взорамъ нашимъ примѣры, взятые изъ дѣяній людей знаменитыхъ. Въ ней видимъ важные перевороты государствъ, ужасныя несчастія, видимъ людей сильныхъ, низвергаемыхъ за нѣкоторыя слабости, съ высоты величія и благополучія, въ бездну посрамленія и несчастій. И такъ *трагедія* есть поэма, подражающая дѣйствіемъ, или, что все равно, представляющая дѣйствіе героическое и несчастное. Сіе дѣйствіе бы-

ваетъ *героическимъ* по своему основанію, по своей цѣли и по состоянію дѣйствующихъ лицъ.

Героическое по своему *основанію*.—Такое дѣйствіе происходитъ отъ души сильной, мужественной, превышающей души обыкновенныя. Добродѣтельными въ семъ случаѣ примѣрами могутъ служить поступки: Августа, прощающаго Цинну; Ираклія, хотящаго умереть для спасенія своего друга; Пожарскаго, отказывающагося отъ престола. Злодѣйскими: поступокъ Медеи, убивающей своихъ дѣтей; поступокъ Клеопатры, закалающей одного изъ сыновей своихъ и хотящей отравить другаго—лица ужасныя по своимъ преступленіямъ, но изумляющія насъ твердостію души своей!

Героическое по своей *цѣли*. Оно бываетъ иногда основано на выгодахъ всего народа, какъ на примѣръ въ *Горацiяхъ*, гдѣ судьба Рима находится въ рукахъ трехъ юношей; въ *Ифигеніи* (въ Авлидѣ), гдѣ вся Греція требуетъ крови сей Агамемноновой дочери. Иногда же сему дѣйствію служатъ основаніемъ и частныя выгоды Государей, чему примѣры видимъ въ трагедіяхъ *Циннѣ*, *Британникѣ*, *Митридатѣ* и пр.

Героическое по *состоянію дѣйствующихъ лицъ.*—Лица, которыя дѣйствуютъ, или противу которыхъ дѣйствуютъ въ трагедіи, суть: Цари, вельможи, и вообще люди знаменитые какъ по степени занимаемой ими между другими людьми, такъ и по личнымъ своимъ достоинствамъ.—И такъ дѣянія, происходящія между людьми низкаго состоянія ничѣмъ не отличившимися, не могутъ быть героическими, и слѣдственно недостойны трагедіи.

Дѣйствіе, которому подражаетъ трагедія, должно заключать въ себѣ *несчастіе*. Котурнъ отвергаетъ всякое дѣйствіе, не имѣющее ничего бѣдственнаго хотя бы и знаменитѣйшія лица были виновниками онаго; но не слѣдуетъ также полагать, чтобъ такое дѣйствіе непремѣнно должно быть кровопролитнымъ. Совсѣмъ не нужно, говоритъ Расинъ въ предисловіи къ *Беренисѣ*, видѣть въ трагедіи кровь и умирающихъ; довольно, ежели дѣйствіе въ ней величественное; ежели дѣйствующія лица представлены героями, ежели возбуждены страсти и все вообще отзывается тою приличною высокимъ душамъ *горестію*, которая производитъ *удовольствіе* въ трагедіи.

Однакожъ дѣйствіе трагическое, не имѣя нужды въ окончаніи кровопролитномъ, требуетъ непремѣнно такого положенія представляемыхъ лицъ, которое могло бы сильно потрясти сердце; а сего ничто произвести не можетъ, ежели дѣйствіе не будетъ ужаснымъ и трогательнымъ, ежели не представитъ намъ такого несчастія, которое было бы въ состояніи насъ устрашить и разтрогать; и по сему то *ужасъ и сострадание* суть тѣ страсти, кои обязана возбуждать трагедія: онѣ служатъ ей и основаніемъ и предметомъ; онѣ могутъ назваться двумя единственными пружинами, приводящими душу нашу въ движеніе.

Ужасъ, по мнѣнію Аристотеля, есть душевное смущеніе, происходящее отъ представляемаго нами въ умѣ близкаго несчастія, способнаго прекратить жизнь нашу или ввергнуть насъ въ горестнѣйшее злополучіе. И такъ для возбужденія чувства сего въ душѣ нашей, относительно къ лицу, возбуждающему къ себѣ наше участіе, трагическій поэтъ обязанъ представить оное въ такихъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, которыя угрожали бы ему лишеніемъ жизни или великимъ бѣд-

ствіемъ. Въ такомъ положеніи находится Фингалъ (въ трагедіи Озерова), когда отдаетъ воинамъ Старновымъ свой мечъ и рогъ, и потомъ восходитъ на холмъ; когда раздаются удары въ щитъ и Старнъ говоритъ: *смерть тебѣ злодѣю!* ....

Сострадание, по словамъ того же писателя, есть огорченіе, которое ощущаемъ мы при несчастіи того, кого почитаемъ достойнымъ лучшей участи. Природа одарила человѣка сердцемъ чувствительнымъ и сострадательнымъ: одно представленіе бѣдствій ближняго вселяетъ въ сердце его жалость. Поэтъ можетъ произвести сіе ощущеніе какъ въ представленіи самихъ лицъ, такъ и въ повѣствованіи о ихъ положеніи.—Образцемъ можетъ служить та часть Расиновой трагедіи *Андромаха*, гдѣ Пирръ объявляетъ ей, что намѣренъ выдать Грекамъ сына ея Астіанакса.

Успѣхъ трагедіи зависитъ большею частію отъ искуства авторова, съ какимъ онъ возбуждаетъ въ насъ *ужасъ* и *сострадание*, и отъ степени, до какой страсти сіи простираются. При томъ трагическій поэтъ обязанъ соблюдать въ нихъ постепенность съ начала дѣйствія до конца развязки, обязанъ представлять опа-

сности и несчастіе героя своего такимъ образомъ, чтобы онѣ мало по малу возрастали, то есть, чтобы *ужасъ* и *сострадание* увеличивались до тѣхъ поръ, пока достигнутъ высочайшей степени. Сіе не препятствуетъ однакожъ включать нѣсколько *радости* и *надежды*, которыя по разрушеніи своемъ, способствуютъ къ сильнѣйшему изображенію приближающагося бѣдствія.

Изъ всего сказаннаго видно, что трагедія непремѣнно требуетъ *несчастнаго* происшествія; но изъ того не должно заключать, чтобы всякое несчастное происшествіе могло быть *трагическимъ*. Насильственная смерть, убійство, не всегда могутъ служить предметомъ для трагедіи: онѣ дѣлаются способными къ тому только по обстоятельствамъ. Сіи обстоятельства происходятъ или 1) отъ лицъ, которыя сами дѣйствуютъ, либо противъ которыхъ дѣйствуютъ другіе; или 2) отъ взаимныхъ между сими лицами отношеній, болѣе либо менѣе занимательныхъ.

1. Обстоятельства, происходящія *отъ лицъ, которыя сами дѣйствуютъ, либо противъ которыхъ дѣйствуютъ другіе.*—Всякое театральное дѣйствіе есть предпріятіе,

въ которомъ встрѣчаются препятствія, требующія преодолѣнія, и въ которомъ слѣдовательно многія лица дѣйствуютъ одно противъ другаго. Главное изъ сихъ лицъ, обращающее на себя бо́льшее вниманіе, хотя бы само участвовало въ предпріятіи, или хотя бы противъ него оное было умышляемо, не должно быть при впаденіи въ несчастіе совершенно злымъ и совершенно преступнымъ. Будучи таковымъ, не могло бы оно возбудить ни ужаса, ни сostраданія. Можно ли страшиться, видя злодѣя, угрожаемаго лишеніемъ жизни, столь пагубной для людей добрыхъ? можно ли почувствовать сострадание къ несчастію, которое не иное что есть, какъ праведное наказаніе за преступленіе? Такое главное лице вмѣсто того, чтобъ быть занимательнымъ, сдѣлается ненавистнымъ. — Ему также не должно быть совершенно добрымъ и совершенно невиннымъ; ибо въ такомъ случаѣ оно возбудило бы менѣе сострадания къ себѣ, нежели негодованія противъ своего притѣснителя: первое чувствованіе было бы уничтожено вторымъ, потому что намъ чрезвычайно бы непріятно было видѣть чистѣйшую добродѣтель, совершенную не-

винность, въ несчастіи либо въ униженіи.

И такъ нужно, чтобъ лице, въ которомъ пріемлемъ сильнѣйшее участіе, и котораго бѣдствіе составляетъ развязку происшествія, было, или преступно, но нѣсколько добродѣтельно, или добродѣтельно, но нѣсколько виновно. Оно будетъ преступнымъ, но совершитъ преступленіе, не имѣя привычки къ злодѣйству: его доведетъ до онаго скоропреходящая злоба, или чрезмѣрность страсти, имѣющей похвальное начало, и потому несчастіе, въ которое оно ввержено, возбудитъ наше сострадание, не возбуждая ненависти.— Оно будетъ добродѣтельнымъ; но добродѣтель его смѣшана съ нѣкоторою слабостію, принудившею впасть въ погрѣшность дѣйствительную, или мнимую: посему-то и несчастіе, за оною слѣдующее, терзаетъ душу нашу, но не возмущаетъ ее.—Ипполитъ и Британникъ *) добродѣтельны, однакожъ нѣсколько виновны, первый потому, что любитъ Арисію, дочь и

*) Мы приводимъ здѣсь примѣры изъ Русскихъ и Французскихъ трагедій, полагая, что упражняющимся въ словесности столько же извѣстны послѣднія, какъ и первыя.

сестру Паллантидовъ; вторый потому, что слѣпо предается вѣроломнымъ совѣтамъ Нарцисса. Оба сіи лица, болѣе несчастныя нежели виновныя, не заслужили своего несчастія: по сей-то причинѣ мы жалѣемъ о нихъ. Они бы могли избѣжать онаго — и по сему, взирая на плачевную участь ихъ, мы не столько негодуемъ на ихъ преслѣдователей, чтобы негодованіе сіе могло истребить то состраданіе, какое имѣемъ къ ихъ жертвамъ. — Главное лице тогда только можетъ быть совершенно добродѣтельнымъ, когда не впадаетъ въ несчастіе, производящее развязку; но въ такомъ случаѣ преслѣдователь его, какъ лице совершенно преступное, долженъ получить заслуживаемое наказаніе.

Теперь изъ всего предложеннаго можно, кажется, вывести заключеніе, что *трагедія* должна имѣть цѣль нравственную. И дѣйствительно, возможно ли, чтобы возбуждаемое ею въ душѣ нашей состраданіе, не поселило въ насъ способности, или не укрѣпило бы привычки, чувствовать бѣдствіе ближняго, и слѣдственно не произвело бы желанія оказать ему помощь? сіе состраданіе, (какъ выше сказано, слѣдуя мнѣнію Аристотеля), про-

исходитъ отъ того, что мы уже испытали подобныя несчастія, или опасаемся ихъ испытать. Въ первомъ случаѣ чувствительность наша получаетъ, такъ сказать, нѣкоторую живость, и производимыя ею дѣйствія бываютъ обширнѣе и продолжительнѣе. Во второмъ случаѣ очевидно, что страхъ, служащій основаніемъ состраданію, заставляя избѣгать всего могущаго ввергнуть насъ въ несчастіе, дѣлается спасительнѣйшимъ урокомъ.

Но, можетъ быть, скажутъ, что есть и такія трагедіи, въ которыхъ человѣкъ добродѣтельный погибаетъ, а злодѣй торжествуетъ. Правда, но этотъ добродѣтельный человѣкъ имѣетъ всегда какую нибудь слабость, ввергающую его въ несчастіе: я стараюсь избѣгать подобныхъ слабостей. Что же касается до злодѣя, то онъ въ продолженіи всего дѣйствія представляется мнѣ въ самомъ отвратительномъ видѣ, и потому я не могу желать ему уподобиться, сколь бы по видимому ни счастлива была судьба его. Впрочемъ душа моя занимается не столько торжествомъ его, сколько злополучіемъ добродѣтельнаго человѣка, ибо состраданіе, симъ послѣднимъ во мнѣ возбужденное не

могло истребиться отъ негодованія, произведеннаго во мнѣ его притѣснителемъ. Однимъ словомъ, утвердительно можно сказать, что въ сихъ трагедіяхъ зритель обращаетъ болѣе вниманія на ударъ, поражающій человѣка добраго, но нѣсколько виновнаго, нежели на злодѣя, наносящаго ударъ сей. — Примѣръ ужасный и назидательный!

2) Обстоятельства, происходящія *отъ взаимныхъ между дѣйствующими лицами отношеній.* — Всякое дѣйствіе, по словамъ Аристотеля, происходитъ или между друзьями, или между непріятелями, или наконецъ между людьми равнодушными одинъ къ другому. Ежели непріятель убиваетъ, или хочетъ убить своего непріятеля, сіе не производитъ въ насъ никакого *сострадания*—кромѣ обыкновенной жалости, ощущаемой нами при смерти какого бы то ни было человѣка. Ежели равнодушный убиваетъ равнодушнаго, сіе также неболѣе имѣетъ надъ нами дѣйствія, потому что не видимъ никакого противоборства въ душѣ совершившаго злодѣйство. Происшествія сего рода, по мнѣнію упомянутаго Ритора-Философа, не могутъ быть истинно-трагическими. Однакожъ встрѣ-

чаются тому примѣры какъ въ древнихъ, такъ и въ новыхъ трагедіяхъ; но всѣ такія произведенія не принадлежатъ къ роду изящному и достойному подражанія.

Но когда подобныя приключенія, продолжаетъ Аристотель, происходятъ между людьми связанными родствомъ, дружбою, взаимными выгодами: когда на примѣръ, супругъ убиваетъ, или намѣревается убить свою супругу, мать дѣтей своихъ, братъ сестру: сіе можетъ служить основаніемъ трагедіи. Дѣйствія сего рода представляютъ намъ величайшее бореніе между природою и страстію, или необходимою обязанностію, а сіе бореніе, сіи противоположности возмущаютъ, терзаютъ нашу душу, и исполняютъ ее *ужасомъ* и *состраданіемъ* къ несчастному, преслѣдуемому такимъ человѣкомъ, который бы долженъ былъ всячески стараться о его сохраненіи и благоденствіи.—Горацій и Куріацій, готовые сразиться одинъ съ другимъ, заставляютъ насъ брать въ нихъ участіе и производятъ жалость, потому что они между собою друзья и ближайшіе родственники. Равномѣрно сожалѣемъ о Родригѣ, отмщающемъ за своего отца смертію родителя своей любовницы, по-

тому что сама любовница дѣлается чрезъ то принужденною искать его смерти. Слѣдственно родство, любовь и дружба суть надежнѣйшія средства къ возбужденію двухъ страстей трагическихъ.

Въ таковыхъ происшествіяхъ между друзьями или ближними встрѣчаются слѣдующія обстоятельства: лице дѣйствующее противъ другаго, или 1) знаетъ его прежде окончанія предпріятія, и оное оканчиваетъ, какъ, на примѣръ, Горацій убиваетъ Куріація, Медея — дѣтей своихъ, Клитемнестра своего мужа; или 2) не знаетъ прежде окончанія, а узнаётъ окончивши предпріятіе, либо *прежде начала трагедіи*, какъ то случилось съ Едипомъ; либо *въ продолженіи трагедіи*, какъ то Орозманъ убиваетъ Заиру, и узнаетъ заблужденіе свое уже послѣ убійства; или 3) узнаётъ прежде окончанія предпріятія и не довершаетъ онаго, какъ Ифигенія (въ Тавридѣ), которая въ ту самую минуту, какъ намѣревается предать брата своего Ореста смерти, узнаетъ его и спасаетъ; или наконецъ 4) знаетъ при началѣ предпріятія, и не оканчиваетъ, какъ Цинна и Емилія, которые не могутъ кончить предпріятія своего противъ Августа потому,

*

что заговоръ открытъ, и что милосердіе Императора совершенно уничтожило въ нихъ чувство ненависти.—Вотъ главнѣйшія несчастія, кои должна трагедія избирать преимущественно предъ другими.

Расположеніе трагедіи, (или что все равно, трагедія) можетъ быть, по мнѣнію Аристотеля, четырехъ родовъ: *простое*, *сложное*, *страстное* и *нравственное*. — Когда въ сочиненіи нѣтъ внезапнаго переворота, происходящаго отъ узнанія, или отъ другой причины, какъ въ *Поліевктѣ*, то басня трагедіи бываетъ *простою*. — Ежели есть узнаніе лица, или какого нибудь другаго обстоятельства, какъ то въ *Ифигеніи* (въ Тавридѣ) взаимное брата и сестры узнаніе, въ *Едипѣ* узнаніе самаго себя убійцею Лаія, и взаимное узнаніе матери и сына; то басня называется *сложною*.

Страстнымъ или *Патетическимъ* называется такое расположеніе трагедіи, въ которомъ видимъ кровопролитіе, какъ въ *Федрѣ*, въ *Андромахѣ*; если же нѣтъ кровопролитія, какъ въ *Цинnѣ*, въ *Беренисѣ*, такая трагедія почитается *нравственною*. —Изъ сего видно, что одна и та же трагедія можетъ быть и простою и страст-

нюю, какъ въ *Поліевктѣ;* простою и нравственною, какъ въ *Циннѣ;* или сложною и страстною, какъ въ *Едипѣ*, сложною и нравственною какъ въ Еврипидовой *Ифигеніи въ Тавридѣ.* И такъ все относится къ тому, чтобы изображать въ трагедіи несчастія собственно ей принадлежащія, съ узнаніемъ или безъ узнанія, съ пролитіемъ крови, или безъ онаго.

Трагическій стихотворецъ можетъ самъ изобрѣтать цѣлое происшествіе, или заимствовать оное изъ исторіи. Но слѣдуетъ замѣтить, что какъ въ вымышленномъ, такъ и въ Историческомъ дѣйствіи, Баснь Трагедіи должна быть расположена такимъ образомъ, чтобы все, могущее доставить непріятность и отвращеніе вкусу и зрѣнію, происходило не предъ нами, а внѣ мѣста представленія, и было только пересказано. Таковыми обстоятельствами почитаются самоубійства, насильственныя умерщвленія и тому подобное.

Правило сіе сображается съ нравами нашими, кои болѣе способны къ человѣколюбію, нежели нравы Грековъ и Римлянъ: мы не любимъ окровавленной сцены — съ тѣмъ однакожъ изключеніемъ: 1) что позволительно однимъ *Героямъ* и *Героинямъ*

нашимъ убивать себя, или приходить умирать на театрѣ; 2) что одно лице можетъ когобы то ни было убить на театрѣ, но только въ случаѣ жесточайшей страсти, въ минутномъ бѣшенствѣ, которыя заставляли бы больше жалѣть о убійцѣ, нежели ненавидѣть его; или въ такомъ случаѣ, когда убиваемое лице извѣстно своими злодѣйствами и преступленіями. Но и тогда строго наблюдается, чтобы злодѣй убитъ былъ на сценѣ, или внѣ оной, не тѣмъ лицемъ, которое обратило къ себѣ любовь нашу; но другимъ, не заслужившимъ большагѡ вниманія. Такъ Корнель заставляетъ тирана Фоку погибнуть отъ руки Екзупера, а не отъ Ираклія. Герой, въ которомъ принимаемъ живѣйшее участіе, никогда почти не долженъ унижаться до убійства.

Ежели въ происшествіи историческомъ заключаются такія обстоятельства, которыя несообразны съ благопристойностію, или которыя въ душѣ зрителя ничего не могутъ произвести, кромѣ отвращенія: сочинитель обязанъ умалчивать объ оныхъ. Довольно, когда сохранитъ онъ главное дѣйствіе, доставляемое исторіею, и когда не сдѣлаетъ ощутительнаго измѣ-

ненія въ характерахъ извѣстныхъ. Что же касается до выпуска подобныхъ упомянутымъ обстоятельствъ, и до изобрѣтенія новыхъ, то отъ его дарованій зависитъ сдѣлать предметъ свой приличнымъ нашему театру, придать ему все правдоподобіе, всю занимательность, всѣ пріятности, могущія удовлетворить и сердцу, и воображенію, и разсудку.

Исторія повѣствуетъ, что Клеопатра, Царица Сирская, убивши сына своего Селевка, поднесла другому сыну Антіоху, возвратившемуся съ ловли звѣриной, чашу наполненную ядовитымъ напиткомъ, и что сей Государь, подозрѣвая свою мать въ зломъ намѣреніи, принудилъ ее выпить оный, отъ чего и прекратила она жизнь. Антіохъ, какъ убійца умышленной, не могъ бы приличенъ быть нынѣшнему театру. По сему *Корнель* представляетъ его въ продолженіи всего дѣйствія добродѣтельнымъ, и заставляетъ Клеопатру выпивать ядъ съ досады, что открылось ея намѣреніе.

Прузій, Царь Вифиніи, хотѣлъ по настоянію второй жены умертвить сына своего Никомеда, дабы оставить корону другому сыну. Никомедъ, начальствовав-

шій тогда войскомъ, извѣщенъ будучи о семъ тѣми же самыми людьми, которымъ поручено было убить его, вступилъ въ государство своего отца, завладѣлъ онымъ, и принудилъ Царя скрыться въ пещерѣ, гдѣ и повелѣлъ умертвить его. — *Корнель* вмѣсто того, чтобы представить въ своей трагедіи такой отвратительный поступокъ, изображаетъ Никомеда человѣкомъ великодушнымъ, дѣлаетъ его властителемъ враговъ своихъ и даже не придаетъ ему желанія къ отмщенію. *)

---

*) Августъ ф. Коцебу въ Журналѣ своемъ Literarisches Wochenblatt (N. 37. 1818) по случаю помѣщенія исторіи Донъ Карлоса и по сличеніи оной съ даннымъ сему злодѣю въ Шиллеровой трагедіи (того же имени) привлекательнымъ характеромъ, говоритъ, что ежели позволить стихотворцамъ представлять преступниковъ, извѣстныхъ своими злодѣйствами, въ такомъ видѣ, который пораждаетъ къ нимъ всеобщее уваженіе, то послѣ сего можно ли будетъ почитать славу достойнымъ воздаяніемъ за подвиги добродѣтельные? прилично ли ставить на всенародномъ мѣстѣ памятникъ злодѣю, для того только, чтобы показать искусство художника? скажутъ: должно смотрѣть на исторію, но многіе ли читаютъ ее? — Къ симъ вопросамъ Господина Коцебу можно, кажется, прибавить слѣдующіе, которые послужатъ и отвѣтами: кто же изъ людей просвѣщенныхъ не знаетъ, что главное основаніе поэзіи есть вымыслъ, и слѣдственно кто приметъ дѣлаемое описаніе стихотворцемъ за описаніе историческое? кто, на примѣръ, будетъ судить объ Іоаннѣ

Сказанное въ статьѣ *Драма* о ходѣ и качествахъ Драматическаго дѣйствія вообще, достаточно показываетъ, какимъ образомъ должна быть расположена трагедія, и потому за излишнее почитаемъ распространяться здѣсь о семъ предметѣ. Слѣдуетъ представить на замѣчаніе только сіи обстоятельства: во первыхъ расположеніе должно быть ясно, дабы зритель тотчасъ могъ узнать, въ чемъ состоитъ предметъ сочиненія; во вторыхъ расположеніе должно быть сдѣлано такимъ образомъ, чтобъ оно постепенно возраждало въ зрителяхъ любопытство, чтобы первая сцена (явленіе) заохочивала видѣть другую. Узелъ долженъ быть въ самомъ дѣйствіи. Не нужно, чтобъ сочинитель въ каждомъ явленіи представлялъ особенное происшествіе; требуется только, чтобы каждое явленіе способствовало къ окончанію дѣйствія, или служило бы препятствіемъ къ оному, приготовляя между тѣмъ преодолѣніе сего препятствія. — Развязка не должна быть предвидима. — Впрочемъ

по Россіядѣ Хераскова, а не по исторіи Карамзина? безъ сомнѣнія Шиллеръ не для невѣждъ писалъ свою трагедію.

все сказанное здѣсь можно представить въ слѣдующемъ сокращеніи: въ первомъ актѣ трагедіи излагается предметъ и возбуждается любопытство; во второмъ, начинается безпокойство; въ третьемъ, оно увеличивается; въ четвертомъ возбуждаются ужасъ и состраданіе. Въ пятомъ восходятъ страсти сіи на высочайшую степень, и—дѣйствіе прекращается.

О любовной страсти въ трагедіи. Вообще всякое трагическое представленіе должно быть исполнено какой бы то ни было сильнѣйшей страсти. Здѣсь единственно могутъ страсти показаться со всѣми бѣдствіями, отъ нихъ проистекающими. Однакожъ есть *люди*, *желающіе* совершенно изгнать *любовь* изъ трагедіи. Вотъ вкратцѣ предлагаемыя ими причины:

1) Любовь, какъ страсть пріятная, забавная, не можетъ быть сообразна съ важностію трагедіи.

2) Любовь вмѣсто занимательности производитъ въ новѣйшихъ трагедіяхъ одну слабость и какую-то приторность.

3) Трагическіе герои унижаются, когда заставляютъ ихъ вздыхать; отъ сего то всегда почти придаютъ имъ нынѣ характеры противоположные тѣмъ, какіе

имѣли они по свидѣтельству исторіи. Словомъ, герои въ новѣйшихъ трагедіяхъ представляются намъ людьми женоподобными, сладострастными.

4) Доказательствомъ, что любовь не есть необходима, могутъ служить тѣ трагедіи, которыя пріобрѣли всеобщее уваженіе, хотя и не содержатъ въ себѣ любовной страсти.

5) Живое изображеніе любви можетъ единственно повредить умственнымъ нашимъ силамъ и разслабить сердце. Слѣдственно любовь въ трагедіяхъ нашихъ бываетъ, ежели не причиною разврата, по крайней мѣрѣ поводомъ къ оному; а все могущее быть опаснымъ для нравственности, не должно имѣть мѣста въ позорищахъ народныхъ.

Мнѣнія же тѣхъ, кои утверждаютъ, что любовь необходима въ трагедіи, суть слѣдующія:

1.) Трагедія должна возбуждать ужасъ и состраданіе изображеніемъ опасностей и несчастій, производимыхъ страстями. А какъ любовь сильная, пламенная, ослѣпленная зявистію или ревностію, служитъ весьма часто основаніемъ опасностей и несчастій, насъ ужасающихъ и производя-

щихъ въ насъ сожалѣніе: то изъ сего слѣдуетъ, что любовная страсть нужна въ трагедіи.

2.) Греки и Римляне не дѣлали изъ любви употребленія, во первыхъ отъ грубости тогдашнихъ нравовъ и особенно отъ неуваженія ихъ къ прекрасному полу; во вторыхъ отъ того, что у нихъ не было *актрисъ*: роли женщинъ представляемы были маскированными мущинами — а потому изъявленіе любви мущины къ другому мущинѣ казалось смѣшнымъ и не приличнымъ.

3.) Любовь не унизитъ героевъ древности, когда сохранятся главныя черты ихъ характеровъ. При такомъ сохраненіи характеровъ любовь не въ состояніи будетъ столько перемѣнить ихъ, чтобы узнать не можно было.

4.) Ежели къ потрясенію душъ нашихъ удобнѣйшими почитаются тѣ страсти, которыя наиболѣе сообразны съ нашими нравами, то по сей причинѣ любовь непремѣнно должна существовать на нашемъ театрѣ, ибо она сдѣлалась нынѣ, можно сказать, главнѣйшею и едва ли не общею нашею страстію.

5.) Изображеніе любви нисколько по

себѣ неопасно: оно можетъ быть таковымъ только отъ излишней вольности, какую иногда позволяютъ себѣ писатели. Слѣдовательно нѣтъ никакой причины удаляться отъ того, что бываетъ вреднымъ по одному злоупотребленію.

Излагая такимъ образомъ мнѣнія двухъ спорющихъ сторонъ, касательно введенія въ нашихъ трагедіяхъ любовной страсти, какое можемъ вывести изъ того заключеніе? слѣдуетъ ли утвердить, что любовь необходимо нужна въ нашихъ трагедіяхъ, или должна быть совершенно изгнана изъ оныхъ?—Рѣшеніе *Вольтера*, очевидно держащагося средины между обѣими противными сторонами, можетъ показаться удовлетворительнымъ. Вотъ что пишетъ онъ въ предисловіи къ трагедіи своей *Брутъ*: „требованіе, чтобы любовь непремѣнно вводима была въ нашихъ трагедіяхъ, означаетъ вкусъ слишкомъ изнѣженный; совершенное же изгнаніе сей страсти изъ трагедій почитаю неблагоразуміемъ..... Любовь столько же можетъ быть прилична въ трагедіи, какъ въ Енеидѣ: надлежитъ порицать ее тогда только, когда вводится некстати, или безъ потребнаго къ тому искуства.... Все зло происхо-

дитъ единственно отъ того, что у большей части героевъ нашихъ любовь представлена волокитствомъ... Дабы придать ей достоинство трагическое, надобно изобразить ее такъ, чтобъ казалась необходимою для *завязки* въ сочиненіи, а отнюдь не слѣдуетъ вводить ее насильно, для наполненія пустыхъ мѣстъ въ трагедіи; надобно изобразить ее такою страстію, которая производитъ угрызенія совѣсти и слѣдовательно должна быть почитаема слабостію. Словомъ, надлежитъ поступать такъ, чтобъ любовь въ трагедіи доводила до несчастій и преступленій, для показанія, сколь можетъ быть она опасна, или чтобъ добродѣтель восторжествовала надъ любовію, для доказательства, что страсть сія не есть непобѣдима.„

Сіи послѣднія слова соединяютъ въ себѣ правила, какимъ должны мы слѣдовать въ изображеніи любви на сценѣ трагической: соображаясь съ оными увидимъ, что любовь не только не будетъ способствовать къ разслабленію нашихъ нравовъ, но еще послужитъ къ сильнѣйшему утвержденію насъ въ добродѣтели.

Примѣч: Дѣйствіе; Правдоподобіе; единство мѣста, времени и происшествія;

Нравственность; Узелъ, Развязка; Акты, Антракты, Явленія; Переворотъ, Узнаніе —объяснены еще каждое подъ своею буквою и въ статьѣ *Драма.*

О слогѣ Трагическомъ. Слогъ трагедіи долженъ быть сообразенъ съ лицами, въ ней представляемыми. Лица сіи суть Монархи, военачальники, вельможи и пр: вообразите, что они разсуждаютъ о выгодахъ общественныхъ, или о собственныхъ своихъ; вообразите ихъ воспламеняющимися какою-либо сильною страстію, и — заставьте говорить: рѣчи ихъ покажутъ слогъ, принадлежащій трагедіи. Однакожъ слѣдуетъ между тѣмъ замѣтить, что лица сіи, хотя и произносятъ рѣчи, расположенныя по извѣстному размѣру, но не должны казаться поэтами вдохновенными; и потому имъ не приличны ни иперболы, ни продолжительныя сравненія, ни холодныя обращенія къ вещамъ безчувственнымъ, ни прочія Риторическія украшенія, свойственныя однимъ только питомцамъ Музъ, когда изображаютъ они свои ощущенія. Когда же, какъ то по большей части бываетъ у Англичанъ и Нѣмцовъ, вводятся дѣйствующими въ трагедіи лицами люди низшаго состоянія, то сіи дол-

жны говоришь языкомъ приличнымъ ихъ званію, однако не низкимъ; самый нѣжный вкусъ не оскорбится слушаніемъ рѣчей ихъ, когда изъ оныхъ выкинуто будетъ все площадное и каррикатурное, а останутся одни необходимыя и естественныя изъясненія мыслей и чувствъ ихъ.

Описанія весьма приличны въ трагедіи; но они должны принадлежать къ существу происшествія, быть для онаго необходимо нужными, и раждаться отъ чувствованія или страсти. Надлежитъ строго наблюдать, чтобъ лице, дѣлающее какое либо описаніе, принимало въ томъ живѣйшее участіе.—Что касается до повѣствованій, употребляемыхъ поэтомъ для увѣдомленія зрителей о происшедшемъ прежде начала представленія, или внѣ сцены, то какъ оныя по большей части служатъ украшеніемъ сочиненія, то должны быть написаны со всевозможнымъ тщаніемъ, исполнены всѣми прелестями искуства, и особенно заключать въ себѣ *страстное*.

Впрочемъ постоянное и главнѣйшее вразсужденіи слога трагическаго правило состоитъ въ томъ, чтобъ лица говорили съ важностію, но безъ высокопарности,

съ простотою, но безъ низости. Принужденность и темнота равномѣрно несносны въ трагедіи: стихотворецъ всячески обязанъ стараться объ отвращеніи сихъ погрѣшностей, даже тогда, какъ заставляетъ разсуждать свои лица. Одушевляющее ихъ чувствіе должно, такъ сказать, проницать сквозь разсужденія, или, что одно и тоже, разсужденія должны быть извлекаемы изъ самыхъ чувствованій.

Ко всему сказанному остается только присовокупить, что слогъ трагическій измѣняется сообразно съ характерами, страстями, и вообще съ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ; слѣдственно всѣ *оттѣнки* онаго скорѣе могутъ быть постигнуты изъ образцевъ, нежели изъ правилъ.

Теперь намѣрены мы упомянуть еще объ одномъ вопросѣ, касательно трагическаго выраженія: *по чему трагедія съ самаго своего начала и у всѣхъ народовъ писана была стихами, а не прозою?*

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ всѣхъ родовъ поэзіи, роду Драматическому удобнѣе обойтись безъ сего посторонняго украшенія, потому что въ жару разговора и дѣйствія, оное бываетъ непримѣтно: тогда занимаетъ насъ ощущеніе пріятнѣй-

шее, нежели мелодія. Сверхъ того, не съ удовольствіемъ ли слушаемъ мы комедіи въ прозѣ? не прощаемъ ли автору трагедіи худаго стихосложенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ у него *страстное?*

Древніе были увѣрены, что поэзія Драматическая требуетъ языка ближайшаго къ натуральному, нежели поэма Лирическая и Епопея: по чему же всѣ Греческіе поэты какъ будто условились писать трагедію стихами—хотя и такимъ размѣромъ, которыи для нихъ казался легчайшимъ и натуральнѣйшимъ, т. е. Ямбами, однакожъ все не прозою? Конечно, обычай, привычка, предпочтеніе выраженія соглашеннаго съ извѣстнымъ размѣромъ, соотвѣтственность поющаго хора съ произносимыми рѣчами, которыя также похожи были на пѣніе, кажутся достаточными причинами преимущества, даннаго въ трагедіи стихамъ надъ прозою; но отъ чего же комедія, свободнѣйшая изъ всѣхъ поэмъ, ближайшая къ натурѣ, отъ чего комедія чуждалась прозы? смѣшно было бы думать, что въ грубыхъ *Фарсахъ* Аристофана искали пріятности мѣрной рѣчи.

И такъ, поэзія Драматическая, налагая на себя узы стихосложенія, находила въ томъ какую нибудь другую выгоду; сія выгода была общая для слуха и для памяти — для обоихъ служила она болѣе необходимостію, нежели удовольствіемъ.

Величайшая неудобность древнихъ обширныхъ театровъ состояла въ томъ, что въ нихъ мало слышно было произносимое на сценѣ: трубочки, придѣлыванныя къ маскамъ, и мѣдные сосуды, которые помѣщаемы были въ разныхъ мѣстахъ театра для усиленія звука, доказываютъ сію неудобность. По сему-то стихи, которыхъ размѣръ извѣстенъ и къ которымъ уже привыкъ слухъ зрителей, подавали способъ дополнять то, чего не можно было услышать, или поправлять то, что слышно было худо; такая размѣрная и правильная рѣчь равно полезна была и для памяти, ибо стихи скорѣе затверживаются, нежели проза. И такъ въ обоихъ случаяхъ стихи служили большимъ вспомоществованіемъ, и одно сіе могло заставить предпочесть ихъ прозѣ.

Хотя же въ нынѣшнихъ театрахъ, не имѣющихъ такой обширности, слухъ не много выигрываетъ отъ стиховъ, но па-

мять также получаетъ отъ нихъ большую пользу: одно полустишіе ведетъ за собою другое, рифма напоминаетъ другой стихъ—слѣдственно не должно удивляться, что и мы въ семъ случаѣ стихамъ даемъ преимущество. *)

Но есть причина важнѣйшая, по которой трагедіи и комедіи пишутся стихами; и сія причина одинакова какъ для древнихъ, такъ и для насъ. Въ комедіи не все равно замысловато, въ трагедіи не все равно исполнено страсти: бываютъ объясненія, разсказы, переходы изъ одного положенія въ другое, не могущіе приводить душу въ движеніе; словомъ сказать, бываетъ время совершеннаго спокойствія для зрителей; тогда то требуютъ они всей прелести выраженія, дабы не прекратить удовольствія; тогда-то стихи очаровываютъ слухъ ихъ, и они забываютъ отсутствіе *страстнаго*. Вотъ существеннѣйшая выгода отъ стиховъ!

Однакожъ сей выгодѣ противополагаютъ прелесть истины и естественно-

---

*) Наши Ямбическіе 6-ти стопные о двухъровныхъ полустишіяхъ и съ рифмами стихи еще удобнѣе затверживаются въ памяти нежели стихи древнихъ трагедій, съ неравными полустишіями и безъ рифмъ.

сти, которыя принадлежатъ прозѣ. *Нигдѣ*, говорятъ гонители стиховъ, *ни въ какое время, люди не говорили такимъ языкомъ, какимъ заставляютъ ихъ говорить на сценѣ—языкомъ стихотворнымъ, неестественнымъ, принужденнымъ!*... Правда, но настоящей ли истины ищемъ мы въ театрѣ? мы хотимъ видѣть ее украшенную, и сія-то прикраса составляетъ всю ея привлекательность. Идучи въ театръ мы знаемъ, что тамъ будутъ насъ обманывать, но соглашаемся на сіе, только бы обманывали насъ пріятно: мы хотимъ видѣть искусное подражаніе, а не истинное происшествіе; хотимъ видѣть природу не простую, но изящную.—При семъ случаѣ повторимъ сказанное однимъ нашимъ Литтераторомъ: что можетъ быть невѣроятнѣе, какъ разговаривать дубу съ тростію? но чего не сдѣлаетъ чародѣй-стихотворецъ? Дмитріевъ вывелъ ихъ на сцену, заставилъ говорить стихами и съ рифмою; мы слушаемъ, забываемся и восклицаемъ: какъ прекрасно! какъ натурально!

О двухъ Системахъ въ Трагедіи.

Человѣкъ впадаетъ въ несчастіе или подверженъ бываетъ опасностямъ двояко:

по причинамъ постороннимъ, либо по внутреннимъ, то есть по своимъ собственнымъ. Подъ посторонними или внѣшними причинами разумѣются: его судьба, обязанности, связи, состояніе, и всѣ случаи, зависящіе отъ невидимой силы, отъ природы, отъ людей. Самыми *трагическими* изъ сихъ причинъ почесть можно тѣ, къ которымъ самъ несчастный чувствуетъ уваженіе и даже любовь, и отъ которыхъ онъ могъ ожидать лучшей участи. Подъ причинами внутренними или собственными разумѣются: его слабости, наклонности, безразсудность, пороки, а иногда и слишкомъ добрыя качества. Изъ сихъ причинъ самыя плодотворныя въ своихъ послѣдствіяхъ, заключающія наиболѣе нравственности, и слѣдственно приличнѣйшія для театра, суть страсти человѣка, борющіяся съ его добротою.

Изъ сего различія причинъ произошли двѣ системы трагедіи: древняя и новая.

Система древняя. На древнемъ театрѣ несчастіе лица, обратившаго на себя наше вниманіе, всегда было слѣдствіемъ причины посторонней; а ежели заключалась въ томъ и его собственная погрѣшность, то поэтъ обязанъ былъ придавать

ей первую причину, какъ то, судьбу, гнѣвъ или волю боговъ, однимъ словомъ, предопредѣленіе,—и непремѣнно предувѣдомлять о семъ зрителей.

Система новая. Древніе, благоговѣя къ предопредѣленію, утверждаемому ихъ религіею и бытописаніемъ страны ихъ, знали также, какъ и мы знаемъ, что находятся въ человѣкѣ страсти самопроизвольныя; но потому ли, что онѣ казались имъ не столь удобными къ возбужденію ужаса и сострадані я, или потому, что не согласовались съ цѣлію ихъ театра, не были выводимы ими на сцену. Новѣйшіе поэты воспользовалась сими страстями. Они сдѣлали изъ трагедіи не изображеніе бѣдствій человѣка—невольника *судьбы*, но картину бѣдствій и преступленій человѣка—невольника *своихъ страстей*. Съ того времени основаніемъ дѣйствій трагическихъ сдѣлалось сердце человѣческое. Въ семъ состоитъ новая система, творцемъ которой, по мнѣнію Мармонтеля, надлежитъ признать *Корнеля*.

Каждая изъ двухъ системъ имѣетъ свои выгоды. Объяснимъ сіе подробнѣе:

О выгодахъ древней системы. Древніе не безъ основанія предпочитали на теа-

трахъ своихъ систему предопредѣленія, ибо 1) она казалась имъ болѣе способною приводить въ движеніе душу зрителей. И дѣйствительно, что можетъ болѣе возбудить ужаса и сострадапія, какъ не изображеніе человѣка невольно повинующагося силѣ чуждой, служащаго игралищемъ судьбы прихотливой, неумолимой, и немогущаго избѣжать своего преступленія, также какъ и послѣдующаго за нимъ бѣдствія! Таково было ученіе Стоиковъ, которое объяснилъ Сенека въ нѣсколькихъ словахъ: Volentem ducunt fata, nolentem trahunt, покорнаго судьба ведетъ, строптиваго влечетъ.

2.) Она была для нихъ легче и удобнѣе къ трагическимъ представленіямъ. Боги дѣйствуютъ, какъ имъ угодно; судьба непроницаема и никому не даетъ отчета въ своихъ опредѣленіяхъ; но дѣйствіе имѣющее ходъ естественный, подвержено собственнымъ своимъ законамъ, всякому извѣстнымъ. Наша воля, наши страсти, ихъ постепенность, приближающая къ несчастію, имѣютъ въ обнаруженіи своемъ нѣкоторую правильность, для объясненія коей требуется высочайшее искусство.

3.) Система предопредѣленія или не-

обходимости, скрывая первыя причины происшествій, позволяла изображать однѣ только *массы* страстей, не касаясь ихъ подробностей и оттѣнокъ, столь трудныхъ для новѣйшихъ писателей.

4.) Система сія, бывши совершенно согласна съ религіею древнихъ, пріучала зрителей почитать всякое несчастіе предопредѣленнымъ, и потому терпѣливо переносить оное.

О выгодахъ новѣйшей системы. Человѣкъ, сотворенный свободнымъ, покаряющійся собственнымъ своимъ страстямъ, противящійся страстямъ другихъ подобныхъ ему людей, и дѣлающійся несчастнымъ самъ отъ себя, служитъ предметомъ новѣйшей трагедіи. Соображая сіе, находимъ, что новѣйшая система изобильнѣе, повсемѣстнѣе, нравоучительнѣе, и сообразнѣе съ нашими театрами.

1.) *Изобильнѣе* — потому, что дѣйствуетъ всѣми пружинами сердца человѣческаго, открываетъ всѣ страсти онаго, и отъ совокупленія ихъ составляетъ характеры, служащія безчисленными своими противоположностями къ произведенію множества такихъ душевныхъ движеній, которыя древнимъ не были извѣстны.—

Когда человѣкъ дѣйствуетъ по влеченію постороннему и непреодолимому, тогда онъ совершенно неволенъ въ своихъ поступкахъ; но когда ему надлежитъ рѣшиться на что либо по внушенію собственнаго сердца, и сверхъ того когда внушенія сіи увлекаютъ его въ одно время къ разнымъ предметамъ, какъ на примѣръ, къ желанію и стыду, къ надеждѣ и страху, тогда только видно бываетъ истинно-свободное существо его, и здѣсь-то поэтъ имѣетъ случай оказать все свое искуство. И такъ можно утвердить, что одна только новѣйшая система объемлетъ и проницаетъ со всѣхъ сторонъ сердце человѣческое.

2.) *Повсемѣстнѣе.* — Древняя система основана на одномъ мнѣніи мѣстномъ, и принадлежитъ къ одному тому времени, когда вѣрили предопредѣленію. Напротивъ того новѣйшая можетъ быть принята повсюду и во всякое время, потому что человѣкъ повсюду увлекается внушеніями своего сердца, повсюду дѣлается преступнымъ и несчастнымъ отъ своихъ страстей. Нашъ театръ служитъ изображеніемъ цѣлаго міра.

3.) *Нравоучительнѣе.*—Конечно, по древ-

ней системѣ не безполезно было пріучать человѣка къ пренесенію предназначенныхъ ему несчастій; но отъ сего раждаются негодованіе на неотвратимыя опредѣленія судьбы, отчаяніе, и другія ощущенія, уничижающія человѣческую природу: въ новѣйшей системѣ учатъ человѣка опасаться самаго себя, и быть всегда готовымъ къ отраженію враговъ, скрывающихся въ собственномъ его сердцѣ. Это несравненно полезнѣе.

4.) *Сообразнѣе съ нашими театрами.*— Театръ имѣетъ свою перспективу: нашъ непремѣнно долженъ быть менѣе Греческаго, ибо у нихъ театральныя позорища были торжествомъ цѣлой націи, а у насъ собирается нѣсколько человѣкъ для удовольствія или для провожденія празднаго времени, не подъ открытымъ небомъ, не въ обширныхъ амфитеатрахъ, но въ комнатѣ весьма ограниченнаго пространства. По сему древніе находили необходимость въ пантомимахъ и въ яркомъ изображеніи страстей; мы имѣемъ нужду въ краснорѣчіи и въ прелестныхъ подробностяхъ. И такъ неудивительно, что Греки не занимались въ своихъ театральныхъ произведеніяхъ *любовью:* имъ не возможно было

представлять ее въ такомъ видѣ, какъ мы представляемъ; наши подробности, постепенности, оттѣнки ни какъ не могутъ (о чемъ сказано и выше) согласоваться съ маскою и трубою мущины, играющаго, на примѣръ, роль Аріаны, и кричащаго во весь голосъ упреки оставляющему *его* Тезею. На мѣсто сего у древнихъ всякой несчастный, гонимый богами, могъ возбудить сострадание цѣлаго народа. — Изъ сказаннаго не должно однакожъ выводить заключенія, что нашъ театръ лишенъ твердости и силы: онъ только имѣетъ ихъ мѣньше, и долженъ меньше имѣть. потому что наше *трагическое* видно вблизи, а не изъ отдаленности, какъ у древнихъ; за то мы вознаграждаемся бо́льшею нѣжностію и чувствительностію, бо́льшимъ очарованіемъ души.

И такъ новѣйшая система для насъ должна быть предпочтительнѣе по всѣмъ отношеніямъ.

Исторія трагедіи.

Греція была источникомъ всѣхъ изящныхъ искуствъ, слѣдовательно въ ней надлежитъ искать и начала поэзіи Драматической, а съ нею вмѣстѣ и трагедіи.

Всѣ вообще писатели полагаютъ начало трагедіи въ празднествахъ, кои установлены были въ честь Бахуса. Сему богу веселія обыкновенно посвящали козла, и во время жертвоприношенія народъ и жрецы составляли хоръ, и пѣли въ честь его имнъ, называемый, по качеству жертвы *пѣснію козлиною*, *τραγοσ ωδη*. Сіи пѣснопѣнія производимы были не въ однихъ только храмахъ, но и по селеніямъ. Одѣтый на подобіе Силена человѣкъ ѣздилъ на ослѣ, и народъ слѣдовалъ за нимъ съ пѣснями и пляскою; иные же, вымаравъ лице свое дрождями, катались на маленькихъ повозкахъ и съ покаломъ въ рукахъ пѣли похвалы богу вина. Изъ сего-то безчинства, изъ сей *τραγόσ ῶδη*, *) произошла трагедія! — И названіе сіе принято нынѣ всѣми народами; одни только Нѣмцы называютъ трагедію Trauriges Spiel, печальнымъ представленіемъ.

Но какъ все празднество состояло въ одномъ пѣніи, то въ послѣдствіи для разнообразія введено было *дѣйствующее лице*. Феспись первый это выдумалъ. Актеръ его разсказывалъ о подвигахъ Бахуса, и

---

*) *Трагосъ*, козелъ; *оди*, пѣснь.

зрители рукоплескали. Скоро послѣ того сей поэтъ началъ избирать матеріи, не касающіяся до бога веселости, что принято было еще съ бо́льшимъ одобреніемъ.

Есхилъ воспользовался открытіемъ Фесписа и произвелъ представленіе трагическое, или трагедію. Онъ вмѣсто одного ввелъ два лица, составилъ для нихъ такое дѣйствіе, которое походило нѣсколько на Епическое; украсилъ оное узломъ, развязкою, и всемъ, что могло возбудить въ зрителѣ вниманіе и соучастіе. Онъ придалъ своимъ лицамъ приличные нравы и приличныя выраженія. Чрезъ сіе хоръ, который вначалѣ составлялъ основаніе зрѣлища, сдѣлался уже прибавленіемъ, и служилъ только для разнообразія въ дѣйствіи. — Фесписъ жилъ за 536 лѣтъ до Р. Х; Есхилъ нѣсколькими годами позже; послѣдній родился въ Афинахъ. По мнѣнію Свиды онъ написалъ 90 трагедій, а по мнѣнію Фабриція болѣе ста: до насъ достигли семь, въ томъ числѣ и трагедія *Евмениды*. Сказываютъ, что составленный въ сей трагедіи хоръ изъ Фурій со змеиными волосами произвелъ въ первое представленіе такой ужасъ, что многіе дѣти

умерли, а беременныя женщины разрѣшились прежде срока.

Таково было происхожденіе трагедіи. Теперь посмотримъ на успѣхи ея и на тѣ мѣста, чрезъ которыя, такъ сказать, проходила она, при чемъ упомянемъ и о славнѣйшихъ трагическихъ писателяхъ.

Есхилъ далъ трагедіи видъ исполинскій, грубый; и сверхъ того она лишена еще была *правдоподобія*, которому обязаны поэты слѣдовать даже въ вымыслахъ. Сіе предоставлено было Софоклу.—Есхилъ родился за 525 л. до Р. Х.

Софоклъ родился въ Афинахъ за 495 лѣтъ до Р. Х; показался на поприщѣ театральномъ за нѣсколько лѣтъ до смерти Есхила, и написалъ сто семдесятъ трагедій. Имѣя счастливѣйшія способности для сего рода, удивительную плодовитость Генія, нѣжный вкусъ, и чрезвычайную легкость въ выраженіяхъ, онъ далъ трагедіи правила приличія и правдоподобія, далъ ей видъ благородный и твердый безъ гордости, безъ кичливости, и безъ той чудовищности, которая изкажаетъ истинно-героическое; онъ умѣлъ плѣнять сердце въ продолженіи всего дѣйствія, и обработывалъ стихи свои съ великимъ тща-

ніемъ; словомъ, онъ до того достигъ, что его произведенія сдѣлались и образцами и правилами. Онъ умеръ девяноста лѣтъ, бывши осмнадцать разъ побѣдителемъ надъ всѣми соперниками въ его искуствѣ. Говорятъ, что смерть послѣдовала ему отъ радости, когда назначили награду за послѣднюю его трагедію. Его *Едипъ* есть превосходнѣйшее произведеніе.—Изъ всѣхъ его сочиненій мы воспользовались только семью.

Еврипидъ родился за 480 лѣтъ до Р. Х. Онъ имѣлъ учителемъ Анаксагора. Сократъ всегда присутствовалъ при представленіи новыхъ его произведеній. Еврипидъ нѣженъ, умѣетъ тронуть сердце, но нестолько возвышенъ и силенъ, какъ Софоклъ. Онъ былъ увѣнчанъ пять разъ; умеръ прежде Софокла: бѣшеныя собаки растерзали его на семдесятъ пятомъ году. Одни полагаютъ число трагедій его 75, а другіе 122; до насъ дошло 10. — Аристотель называетъ Еврипида *болѣе всѣхъ трагическимъ*, *τραγικότατόν γε τῶν ποιητῶν*.

Вообще трагедія Грековъ проста, натуральна; дѣйствіе начинается, завязывается и развязывается безъ труда; кажется, что искуство имѣло въ нихъ весьма

малое участіе—и сіе то самое дѣлало ихъ превосходнѣйшимъ произведеніемъ искусства и Генія.

Что касается до Латинскихъ трагедій, то мы имѣемъ только приписываемыя *Сенекѣ*, бывшему учителемъ Нерона, и лишившемуся жизни отъ сего тирана въ 63 году нашего лѣтосчисленія.—Сенека, послѣ Софокла, писалъ объ Едипѣ. Но сколько въ Софоклѣ, говоритъ Батте, баснь кажется тѣломъ, во всѣхъ частяхъ соразмѣрнымъ и правильнымъ, столько баснь Латинскаго поэта кажется чудовищнымъ и уродливымъ колоссомъ; изъ сего сочиненія можно бы выбросить болѣе осми сотъ стиховъ, нимало для дѣйствія не нужныхъ; словомъ, его Едипъ съ начала до конца противоположенъ Софоклову. Греческій поэтъ открываетъ представленіе величественною картиною: Царя при вратахъ дворца своего, стенящій народъ, воздвигнутые повсюду жертвенники; Сенека представляетъ Едипа описывающимъ горесть свою супругѣ по всѣмъ правиламъ витійства. Въ Софоклѣ все кажется необходимымъ, въ Сенекѣ излишнимъ и обремененнымъ украшеніями. Сенека только *говоритъ* объ оракулахъ, о

жертвахъ, о вызываніи тѣней, а Софоклъ *дѣйствуетъ.* Латинскій стихотворецъ написалъ еще трагедію *Троянки*, равную въ достоинствѣ съ Едипомъ.

Приступая къ трагедіи новѣйшихъ народовъ, должно сказать, что послѣ нѣсколькихъ вѣковъ невѣжества и варварства, заря Драматическаго искуства показалась въ Италіи, и ей-то обязана Европа возрожденіемъ трагедіи.

Въ 1514 году, въ городѣ Виченцѣ, представлена первая трагедія, (*Софонизба,*) показавшаяся въ Европѣ по разрушеніи Римской Имперіи; сочинителемъ оной былъ Архіепископъ *Триссино.* Спустя два года Папа Левъ X приказалъ представить во Флоренціи *Розамонду*, написанную *Ручелаіемъ.*—Впрочемъ трагедіи Метастазія и *Меропа*, написанная Маффеемъ, почитаются у Италіанцевъ лучшими, даже въ сравненіи съ *Торисмондомъ*, трагедіею Тасса, которую творецъ *Освобожденнаго Іерусалима* написалъ и посвятилъ Мантуанскому Герцогу Гонзагѣ въ 1587 году. Нынѣшніе Италіанскіе писатели упражняются наиболѣе въ сочиненіи *Оперъ.*

Французы въ сіе время имѣли однѣ грубыя фарсы безъ всякой формы. *Жодель,*

родившійся въ Парижѣ въ 1532 и умершій въ 1573, первый ввелъ на театръ Французскій расположеніе трагедій Греческихъ, и употребилъ хоръ въ двухъ своихъ произведеніяхъ: въ *Клеопатрѣ* и въ *Дидонѣ.* — *Гарнье*, род. въ Ферте-Бернардѣ, въ 1534, и ум. около 1595, подражалъ Жоделю, но имѣетъ болѣе возвышенности въ мысляхъ и чистоты въ слогѣ. — *Гарди*, жившій въ царствованіе Герниха IV, почитаемый за величайшаго поэта своего времени, могъ заслужить славу свою по одной только плодовитости: онъ худо зналъ правила театра, не соблюдалъ единства мѣста, и писалъ слогомъ грубымъ. — *Мере*, служившій при Герцогѣ Монтморенскомъ, написалъ трагедію *Софонизба.* Сіе сочиненіе, по своей правильности, было образцемъ бо́льшей части трагедій, писанныхъ въ послѣдствіи. — *Ротру* написалъ трагедію *Винцеславъ* и успѣлъ болѣе своего предшественника. — Но всѣ сіи писатели и ихъ творенія забываются при одномъ имени *Корнеля.* Петръ Корнель родился въ Руэнѣ, въ 1606 году. Первымъ Драматическимъ произведеніемъ его была комедія *Мелита*, показавшаяся въ 1625 году. Въ 1636 представлена его трагедія *Цидъ*, въ которой

нѣсколько подражалъ онъ Лопецу де Вега. Наконецъ показались *Горацій*, *Цинна*, *Поліевктъ*, *Родогуна*, *Ираклій* — пріобрѣтшія ему названіе отца Французской трагедіи, и увѣнчавшія его безсмертною славою. По истинѣ, (говоритъ объ немъ Расинъ въ рѣчи своей, произнесенной во Французской Академіи) по истинѣ, гдѣ найти поэта, обладающаго столь великими дарованіями, совокупляющаго въ себѣ искуство, силу, вкусъ и нравственность? какое благородство! какая точность въ расположеніи! какая пылкость, какіе порывы въ страстяхъ! какая возвышенность въ чувствіяхъ! какая чудесная разнообразность въ характерахъ! сколько изобразилъ онъ Царей, вельможъ, героевъ разныхъ народовъ—и всѣ они таковы, какими дѣйствительно должны быть, и всегда сходны съ собою, и всегда отличны одинъ отъ другаго! . . . Но особенно принадлежитъ ему необыкновенная сила въ выраженіяхъ, и та величественность, которая удивляетъ и восхищаетъ, и дѣлаетъ самыя погрѣшности его, если онъ унизился до оныхъ, заслуживающими предпочтеніе красотамъ другихъ состязавшихся съ нимъ писателей...—Сіи погрѣшности, замѣченныя даже

въ лучшихъ его произведеніяхъ, суть обветшалыя слова, нѣсколько запутанныхъ разговоровъ; неумѣстная иногда вытіеватость, и стремительный переходъ отъ изящнѣйшихъ изображеній къ самымъ посредственнымъ.

Расинъ показался на поприщѣ трагическомъ уже при старости Корнеля. Расинъ не имѣлъ столько плодовитости воображенія, столько силы и величественности въ изображеніяхъ, какъ Корнель; но за то болѣе выдерживалъ принятой тонъ и всегда руководствовался изящнѣйшимъ вкусомъ. Никто не представлялъ душевныхъ чувствованій живѣе и натуральнѣе. Отличнѣйшее достоинство Расина состоитъ въ очаровательномъ искуствѣ трогать сердце. Многіе утверждаютъ, что онъ въ красотахъ равняется съ Корнелемъ, но погрѣшностей имѣетъ менѣе; наиболѣе упрекаютъ его въ томъ, что онъ не могъ столь же сильно возбуждать ужаса, какъ возбуждалъ сожалѣніе, что въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ его мало дѣйствія, и что герои нерѣдко бываютъ другъ на друга похожи.—Расинъ родился въ 1639 году. Его первая трагедія *Александръ* представлена въ 1665. Лучшими изъ его произведеній

почитаются: *Андромаха*, *Британикъ*, *Митридатъ*, *Баязетъ*, *Федра*, *Ифигенія* и *Гофолія*. *)

Кампистронъ, современникъ Расина, заслужилъ уваженіе за трагедіи свои: *Арминій*, *Андроникъ*, *Алкивіадъ* и *Тиридатъ*.

Кребильонъ показался чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Расина. Первыя произведенія его заставили уже думать, что онъ имѣетъ въ трагедіяхъ нѣчто особенно ему принадлежащее, и что можно почесть его достойнымъ преемникомъ Корнеля и Расина. Ежели первый возвышаетъ душу какъ *Софоклъ*, ежели вторый исполняетъ ее нѣжности какъ *Еврипидъ*, то Кребильонъ раздираетъ ее ужасомъ какъ *Есхилъ*. —Главнѣйшею погрѣшностію Кребильона почитаютъ его небрежность въ слогѣ.— *Електра*, *Радамистъ* и *Атрея* суть лучшія его трагедіи. Онъ родился въ Дижонѣ въ 1674, умеръ въ 1762 году.

Похвалы, приписываемыя трагедіямъ *Вольтера*, могутъ показаться столь же пристрастными, какъ и дѣланныя на нихъ критики. Бо́льшая часть знатоковъ пола-

---

*) Герцогъ Бургонскій, отецъ Людовика XV, говорилъ, что у Корнеля больше дарованія, а у Расина больше ума.

гаетъ, что Вольтеръ не имѣлъ никакого особеннаго рода, а соединилъ въ себѣ, въ нисшей только степени, свойства первыхъ Французскихъ трагиковъ: Корнеля, Расина и Кребильона. Однако ежели и не сравнился онъ со своими предшественниками, со всѣмъ тѣмъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу многими трагическими произведеніями, каковы суть: *Едипъ*, *Аделаида Гесклинъ*, *Електра*, *Смерть Кесаря*, *Спасенный Римъ*, *Брутъ*, *Семирамида*, *Китайскій Сирота*, *Альзира*, *Магометъ*, *Заира и Меропа*. — Когда родился и умеръ Вольтеръ, видно въ статьѣ *Епическій*.—Первую трагедію *Едипъ* написалъ онъ на осмнадцатомъ году своего возраста.

Послѣ сихъ писателей слѣдуетъ еще упомянуть о *Томасѣ Корнелѣ*, меньшемъ братѣ Петра Корнеля. Между большимъ числомъ оставшихся послѣ него трагедій лучшими почитаются *Аріана* и *Графъ Ессексъ*.

Нынѣ извѣстны во Франціи трагическіе писатели *дю Беллуа*, *Легуве*, и *Мерсье*.

Въ Германіи искуство Драматическое также постепенно возрастало. Въ началѣ XVII столѣтія представляемы тамъ были по большей части переводы съ Испанска-

го, Фламандскаго и Италіанскаго языковъ, также и въ подлинникѣ Тассовъ *Аминта* и *Вѣрный пастухъ* Гвариніа (въ 1619.)

Опицъ, отецъ Нѣмецкой поэзіи перевелъ трагедію Сенеки, *Троянки*. Въ 1650 году показался первый переводъ Корнелевой трагедіи *Цидъ*.—*Грифіусъ Логенитеинъ* и *Готшедъ* много писали для Нѣмецкаго театра, но ихъ надутый слогъ могъ нравиться только въ то время, когда вкусъ не былъ еще образованъ. — Въ 1739 показался первый оригинальный Трагикъ *Шлегель*, который много бы могъ способствовать къ усовершенствованію Нѣмецкаго театра, если бы смерть не скоро похитила его.—Въ 1752 представлена была написанная *Лессингомъ* трагедія *Мисъ Сара Сампсонъ*. — Потомъ *Кронеа* издалъ свои трагедіи *Кодръ*, *Олиндо и Софронія*, а въ 1759 *Веиссе* напечаталъ вдругъ пять томовъ Драматическихъ своихъ произведеній, между которыми наиболѣе уважается трагедія *Ромео и Юлія*, передѣланная изъ Шекспировой. — Въ 1772 Лессингъ написалъ *Емилію Галотти*, трагедію весьма неправильную, но заключающую изящнѣйшія красоты. *Шиллеръ* и *Гете* также пріобрѣли себѣ славу Драматическими сочи-

ніями, особенно трагедіями, первый *Орлеанская дѣвственница* и *Разбойники*, а второй *Клавиго*. Клопштокъ написалъ *Смерть Адама* и *Соломонъ*, въ которыхъ можно узнать творца Мессіяды. *Коцебу* заслуживаетъ похвалу за двѣ свои трагедіи *Іоанна Монфоконъ* и *Султанъ Вампунъ*, впрочемъ его комедіи предпочитаются.

При семъ случаѣ (согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ Литтераторовъ) можно сказать, что Нѣмецкій театръ образуетъ средину между Французскимъ и Англинскимъ. Германскіе писатели наблюдаютъ болѣе точности въ правилахъ *Единства*, нежели Англичане, и пользуются большею силою и смѣлостію въ изображеніи характеровъ и страстей, нежели Французы. Трагедія Нѣмецкая и особенно *простонародная* (называемая иначе *мѣщанскою* по переводу Французскаго слова *bourgeoise*) представляетъ картины ужаснѣйшія, свойственныя только Англичанамъ, и такія подробности, которыхъ сцена Французская никогда принять не осмѣлится. Германецъ, подобно Англичанину, хочетъ знать героя своего *обстоятельно*, хочетъ знать всѣ побудительныя причины его дѣйствій, его несчастій, образъ

его мыслей и чувствованій. Обработанность же слога, соблюденіе приличія и благопристойности, приближают театръ Нѣмецкій болѣе къ Французскому, нежели къ Англинскому. — У Нѣмцовъ трагедія *простонародная* въ бóльшемъ уваженіи, нежели у прочихъ народовъ: но сіи произведенія, при всѣхъ своихъ красотахъ, не должны быть поставляемы на ряду съ трагедіями *Героическими*.

Театръ Англинскій, подобно Французскому, начался представленіями священныхъ *Мистерій*, но наконецъ Шекспиръ, жившій почти въ одно время съ Испанскимъ писателемъ *Лопецомъ де Вега*, вывелъ оный изъ ничтожества. *Вильгельмъ Шекспиръ* родился въ Герцогствѣ Варвикскомъ въ 1564 году. Онъ есть не только первый Англинскій Драматическій писатель по времени, но почитается изъ всѣхъ наилучшимъ; никто не проницалъ глубже въ сердце человѣческое, никто не давалъ страстямъ приличнѣйшаго языка. Славный Англинскій писатель *Попъ*, издавшій Шекспировы сочиненія, пишетъ въ предисловіи къ онымъ, что сей великій Геній, не смотря на всѣ его погрѣшности, достоинъ стоять выше всѣхъ Европейскихъ

Драматическихъ писателей; что его творенія, сравниваемыя съ новѣйшими, болѣе выработанными и написанными съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, могутъ почесться древнимъ величественнымъ Готическимъ зданіемъ—изъ котораго множество можно извлечь матеріаловъ для другихъ зданій. *Шекспиръ* не имѣлъ ни учителей, ни соперниковъ. Лучшими его трагическими произведеніями почитаются: *Юлій Кесарь*, *Гамлетъ*, *Отелло*, *Макбетъ*, *Ромео и Юлія*, *Ричардъ III*, *Антоній и Клеопатра*, *Коріоланъ*, *Периклъ*, *Титъ-Андроникъ*; всѣхъ же трагедій и комедій его считается тридцать шесть. Большая часть ихъ представлена была предъ Королевою *Елисаветою*, къ которой, какъ увѣряютъ, имѣлъ Шекспиръ входъ безпрепятственный, и которая удостоивала его иногда своими совѣтами. — Онъ умеръ 53 лѣтъ. Англичанки соорудили ему первый въ Аббатствѣ Вестминстерскомъ памятникъ, достойный ихъ и его.—Главнѣйшими погрѣшностями въ Шекспирѣ почитаются: совершенное несоблюденіе правилъ театра и особенно правилъ единства, отвратительныя картины, и неприличныя выраженія. Онъ писалъ по большей части

бѣлыми стихами, между которыми мѣшалъ и прозу.

Джонсонъ (Бенъ или Веніаминъ) показался при жизни Шекспира, который ему покровительствовалъ. Въ 1608 году написалъ онъ трагедію *Заговоръ Катилины*, доставившую ему великую славу; онъ также съ успѣхомъ упражнялся и въ комедіяхъ.—Джонсонъ род. въ 1575, ум. въ 1637; погребенъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ. На могилѣ его находится слѣдующая краткая, но выразительная надпись: *O rare Ben Iohnson!* о рѣдкій Бенъ Джонсонъ!

Отуай (Томасъ, родившійся въ 1651 и умершій въ 1685 году) успѣлъ наиболѣе въ описаніи страстей нѣжныхъ. *Спасенная Венеція* и *Сирота* суть лучшія его трагедіи.

Конгревъ (Вильгельмъ) родился въ Ирландіи въ 1672 и умеръ въ Лондонѣ въ 1729. Онъ первый показалъ на Англинскомъ театрѣ правила, какихъ требуетъ Драматическое искуство; въ томъ свидѣтельствуютъ всѣ его сочиненія, и особливо прекрасная трагедія *Огорченная супруга*, the Mourning bride.

Роу (Rowe, Николай, родившійся въ 1673 и умершій въ 1718) былъ столько же

правиленъ въ своихъ трагедіяхъ, какъ и Конгревъ. Лучшею почитается *Тамерланъ*. Во всѣхъ его твореніяхъ видны стремленіе къ добродѣтели и любовь къ отечеству.

Адиссонъ, между множествомъ прекрасныхъ своихъ произведеній, заслужилъ наиболѣе славу трагедіею *Катонъ Утическій*, которая почитается изящнѣйшимъ образцемъ правильности и поэзіи. Королева *Анна* желала, чтобъ сіе сочиненіе было ей посвящено, но авторъ издалъ оное безъ всякаго посвященія. — *Адиссонъ* умеръ въ 1719, имѣя около сорока семи лѣтъ отъ рожденія; погребенъ въ Вестминстерѣ.

Между Англинскими трагиками извѣстны еще *Масонъ*, *Лей*, *Денгамъ*, *Колманъ*, *Томсонъ*, прославившійся описаніемъ *Четырехъ временъ года*, и пр. Изъ трагедій послѣдняго почитаются двѣ *Софонизба* и *Едуирдъ* лучшими.

Что касается до Испанскаго театра, то оный можетъ похвалиться болѣе *числомъ* Драматическихъ произведеній, нежели *изящностію* оныхъ. Одинъ *Калдеронъ де ла Барка* издалъ девять томовъ комедій, и шесть томовъ священныхъ драмъ. *Лопецъ де Вега* написалъ болѣе тысячи

пяти сотъ театральныхъ сочиненій. Сіи два писателя почитаются основателями и украшеніемъ *Испанскаго театра*, особливо Лопецъ. Испанцы для означенія, что какое либо сочинен е не имѣетъ надлежащаго достоинства, говорятъ *non es de Lope*, оно не Лопецово. Однакожъ ни Лопецъ, ни Калдеронъ не наблюдали, а можетъ быть и не знали, Драматическихъ правилъ. *Лопецъ де Цуеда* болѣе сохранялъ правильности въ своихъ сочиненіяхъ.—*Лопецъ де Вега* умеръ за два или за три года до рожденія *Корнеля*.

О Русской трагедіи. Тредіаковскій и Сумароковъ первые познакомили Русскихъ съ трагедіею: перваго *Деидамія*, втораго *Хоревъ*, показались почти въ одно время, около 1750 года.

Полагаемъ, что читатели весьма бы недовольны остались нами, если бы при семъ случаѣ ничего не сказали мы ни объ означенной Деидаміи, ни о самомъ Тредіаковскомъ.

Вотъ содержаніе Деидаміи, написанное самимъ авторомъ ея, подъ названіемъ *Перечневое описаніе:* мы не смѣли перемѣнить въ немъ ни одного слова.

„Молодшая Фетида, дочь Нереева и Дорисина, бывши выдана за Пелея, Эакова сына, а брата Теламонова, родила отъ него сына жъ, кой былъ названъ Ахиллесомъ. Сія увѣдавши о прорѣченномъ отъ Калханта жреца, что безъ Ахиллеса сына ея, не можно взять будетъ Грекамъ города Трои, и что онъ тамъ имѣетъ быть убитъ, перерядила его въ дѣвическое платье, когда еще было ему токмо девять лѣтъ, и отослала на островъ Скиросъ, (нынѣ называемый Широ, на Нордъ-Остъ отъ острова Евбеи, или Негропонта,) къ Царю Ликодему, дабы ему тамъ быть воспитану и укрыту. Ахиллесъ пребывая у того Царя, (я полагаю; что онъ у него жилъ девять же лѣтъ,) и ходя въ дѣвическомъ платьѣ подъ именемъ Пирры, имѣлъ свободный случай полюбить дочь сего Царя, именемъ Деидамію, и быть отъ нея любимъ взаимно: но когда Греческое ополченіе противъ Трои собралось все въ Авлиду, (городъ и портъ Беотическій на Эвбейскомъ, или Негропонтскомъ проливѣ), то Калхантъ объявилъ, что Ахиллесъ укрытъ на помянутомъ островѣ Скиросѣ, дѣвическимъ одѣяніемъ: чего ради и отправленъ по него къ Царю Ликодему по-

сломъ Улиссъ, Царь Итакскій. Между прочими дарами, кои посолъ привезъ Царевнѣ и придворнымъ ея дѣвицамъ, примѣшалъ онъ оружіе, за которое Ахиллесъ по природѣ своей охотнѣе ухватился, оставивъ нѣжные дары другимъ дѣвицамъ. Сіе самое было указаніемъ, по которому Улиссъ призналъ Ахиллеса. Все жъ сіе есть самымъ грунтомъ въ моей трагедіи; но всякъ чувствуетъ, что сей грунтъ приличенъ больше героической комедіи, нежели трагической штукѣ: того ради я былъ принужденъ выбравъ сей случай въ баснословіи, въ матерію себѣ, вымыслить отъ себя много новаго и соединить съ онымъ приключеніемъ, дабы моей поэмѣ быть трагедіею. Вольность сія дана Трагическимъ Піитамъ еще отъ Аристотеля, а подтверждена, что до басенъ, отъ великаго Французскаго трагика Петра Корнелія, какъ словами во второмъ его разсужденіи о драммѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ его жъ трагедіяхъ прямымъ дѣломъ. Смотрители и читатели имѣютъ сами разсудить, былъ ли я счастливъ, сочиняя первую еще трагическую сію поэму, въ наблюденіи вѣроятности въ томъ, что отъ меня вымышлено и придано.„

Вымышленное у Тредіаковскаго состоитъ въ томъ, что онъ заставляетъ Навплію, дочь одного Скиросскаго Князя, также любить Ахиллеса, какъ любитъ его Деидамія; что Деидамію требуютъ боги въ жертву за измѣну Діанѣ, которой обречена она была при рожденіи, но повелѣніе богини наконецъ перемѣняется: приносятъ въ жертву Навплію.

Сіе содержаніе, или лучше сказать, окончаніе трагедіи сходствуетъ нѣсколько съ *Ифигеніею въ Авлидѣ*. Посмотримъ теперь на слогъ Тредіаковскаго.

Вотъ объясненіе любви Ахиллеса Деидаміи: предварительно должно сказать, что Навплія объявила сей Царевнѣ, будто Ахиллесъ и ее также любитъ. — Деидамія выслушавъ сіе, и произнеся довольно продолжительную рѣчь о своемъ несчастіи, *сѣла нерадѣтельно въ кресла локтемъ оперъшись, а ладонью закрывши лице*. Въ это время входитъ Ахиллесъ и говоритъ:

Царевна, приступить позволеноль къ вамъ смѣло?
Я зрю, что углубленъ умъ въ тайное вашъ дѣло.
Не лучшель, какъ и мню, вамъ быть наединѣ?
И сей ли вашъ приказъ, чтобъ отлучиться мнѣ?

Я здѣсь предъ васъ предсталъ для должнаго поклона,
Не знавъ, что будетъ вамъ чрезъ мой приходъ препона,
Но что! вы на меня не взводите очей;
Не хощете притомъ сподобить и рѣчей:
Васъ мысль къ себѣ одной весьма знать пригвоздила.
Я счастливъ бы, когда бъ я вещь былъ ей и сила.

Примѣч. У Тредіаковскаго всѣ дѣйствующія лица изъ вѣжливости говорятъ одно другому *вы*.

Ахиллесъ увѣрилъ наконецъ Деидамію, что онъ не любитъ Навплію; но Царевна огорчается еще объ открытіи бывшей между ними тайны, т. е: узнали, что онъ не Пирра, не дѣвица. — Ахиллесъ *падъ на колѣни предъ Царевною, а руками взявъ ея руку цѣлуетъ ея*, и говоритъ:

Царевна! о! коль въ тотъ я буду счастливъ часъ,
Предъ жертвенникомъ въ вѣкъ соединитъ кой насъ!
Сладчайшее сіе я званіе супружникъ,
Съ преданнѣйшимъ собщивъ, пребуду вашъ услужникъ.

Ликодемъ на слова *Улисса*, объясняющія причину вооруженія Грековъ противъ Трои, произноситъ слѣдующую нравоучительную рѣчь:

О! боги, какъ самимъ угодно намъ слѣпѣть,
Съ разсудкомъ бы умовъ сердцами толь кипѣть!
Коль многократно месть гробъ трупомъ насыщаетъ!
Коль многократно та въ верхъ дномъ все обращаетъ!
Коль падаетъ градовъ и погибаетъ селъ!
На толь родъ человѣчь самъ Іовишь произвелъ,
Чтобъ смерть предупреждать, спѣшить въ напасти слѣпо,
Чтобъ на поляхъ въ крови лежать своей нелѣпо,
Чтобъ мыслію мечтать убійство и пожаръ;
Чтобъ славу, честь забыть, а помнить токмо сваръ,
Чтобъ стервениться всѣмъ и въ бѣшенствѣ и въ злобѣ,
Чтобъ человѣкамъ быть нелюдскости въ особѣ,
Чтобъ множеству и женъ насиліе страдать,
И скаредству тому всечасно подпадать;
Чтобъ, наконецъ, въ сердцахъ свирѣпствуя раздоромъ,

Боговъ пренебрегать, и мнить объ нихъ съ
презоромъ *и проч.*

Ахиллесъ узнавъ, что Деидамію хотятъ принести въ жертву, вбѣгаетъ:

Какой внезапу видъ представился безчасно!
Какъ? узы на рукахъ! а на главѣ вѣнецъ!
Къ чему? къ чему то все? и на какой конецъ?
(*подбѣжавъ ближе къ Деидаміи*)
Деидамія! вы ль?

Деидамія.

Ахъ! съ вами разлученна!

Ликодемъ.

Оставьте дѣву, Князь! Діанѣ посвященна.

Ахиллесъ.

Кто? жертва ваша дщерь? какъ въ разумъ то
пришло?

Ликодемъ.

Діанѣ жертва есть, ахъ! настоитъ намъ зло.

Ахиллесъ.

Отнюдь. Заводчикъ кто? она моя невѣста.

Никодемъ.

Сему уже теперь нимало здѣсь нѣтъ мѣста....

Довольно! пожалѣемъ и мѣста и читателей! поблагодаримъ однакожъ Тредіаковскаго за то, что онъ первый у насъ написалъ правильную трагедію—какъ могъ.

Василій Кириловичъ *Тредіаковскій*, Профессоръ краснорѣчія, родился въ 1703, умеръ въ 1769 году.

Въ Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ такъ объ немъ сказано:

„Если бы охота и прилѣжность могли замѣнить дарованіе, кого бы не превзошелъ Тредіаковскій въ стихотворствѣ и краснорѣчіи?„

„Тредіаковскій учился во Франціи у славнаго Ролленя; зналъ древніе и новые языки; читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ — не имѣлъ способности писать.„

„Однакожъ труды его были не совсѣмъ безполезны. Онъ первый изъяснилъ на Русскомъ языкѣ мѣру стиховъ и перевелъ древнюю исторію (Ролленя), которую и по нынѣ въ провинціяхъ читаютъ.„

„Не многіе, можетъ быть, знаютъ слѣдующій анекдотъ: ЕКАТЕРИНА II, любя успѣхи Россійскаго языка, желала, чтобы въ избранномъ обшествѣ Эрмитажа всѣ говорили по Русски. Ея воля была закономъ. Но законодатель долженъ предвидѣть и неисполненіе: какое же наказаніе опредѣлила Монархиня для преступниковъ? за всякое иностранное слово, вмѣшанное въ разговоръ, виновный осуждался прочесть сто стиховъ изъ Тилемахиды Тредіаковскаго.„

Говорятъ также, что сія Государыня желала видѣть *Деидамію* въ представленіи; но актеры не въ состояніи были сыграть сего трагическаго творенія, потому что никакъ не могли удерживаться отъ смѣха.

Сумароковъ (Александръ Петровичъ) началъ писать трагедіи въ одно почти время съ Тредіаковскимъ, но превзошелъ въ семъ родѣ не только его, даже Ломоносова.„ Не возможно не возчувствовать удивленія, говоритъ Мерзляковъ, разсматривая чрезвычайные шаги Сумарокова въ успѣхахъ драмы. Представьте съ одной стороны нравоучительныя зрѣлища объ Олофернѣ при Царевнѣ Софіи и Деидамію, а съ другой въ такомъ близкомъ

разстояніи Семиру, Синава и Трувора! сравните съ сими Драматическими твореніями современныя творенія Ломоносова— Демофонта, Селима и Тамиру:—вотъ точка, съ которой Геній Сумарокова является въ самомъ блистательномъ видѣ. Безъ сомнѣнія, Сумароковъ подражалъ иностраннымъ писателямъ, но не переводилъ какъ Княжнинъ. Всѣ почти его произведенія могутъ и нынѣ быть весьма полезны, служа образцами въ расположеніи.—Отъ чего упали трагедіи Сумарокова? продолжаетъ означенный Литтераторъ - Критикъ , и вотъ причина: устарѣлой языкъ и неблагородство разговора , который часто бываетъ ниже комическаго. Слогъ - великое дѣло. И Сумароковъ, забытый на театрѣ, сталъ существовать только для однихъ Литтераторовъ, какъ первое лице въ Россійской драмѣ.„—Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1776 году.

Для показанія слога Сумарокова выписываемъ нѣсколько отрывковъ изъ трагедіи его *Димитрій самозванецъ*, представленной въ первый разъ въ С. Петербургѣ на Императорскомъ театрѣ 1 числа Февраля 1771 года.

Димитрій.

...... Не трона отлученье,
Важнѣйшее мое, тягчайшее мученье;
Но то, что въ ярости лютѣйшей я горю,
И услажденія въ отмщеніи не зрю;
Въ крови измѣнничей, въ крови рабовъ винов-
ныхъ,
Въ крови бы плавалъ я и свѣтскихъ и духов-
ныхъ;
Явилъ бы, каковы разгнѣванны цари,
И кровью бъ обагрилъ и тронъ и олтари;
Наполнилъ бы я всю подсолнечную страхомъ;
Преобратилъ бы сей престольный градъ я пра-
хомъ;
Зажегъ бы градъ я весь, и градъ бы воспылалъ,
И огнь во пламени до облакъ возсылалъ.
Ахъ! суетно сіи мя мысли утѣшаютъ;
Когда меня судьбы отмщенія лишаютъ.

Актъ V. явл. 3

Ксенія.

Не страшенъ болѣе несчастный мнѣ конецъ;
Когда спасенны мой любовникъ и отецъ,
Единыя такой боялась я разлуки.
Омой невинною моею кровью руки:

Когда ни милости, ни сожалѣнья нѣтъ,
Кончай плачевну жизнь во дни цвѣтущихъ лѣтъ!
Не удивится ли Россія и вселенна,
Услыша, что тобой дѣвица умерщвленна,
Толико близко бывъ у сердца твоего,
Ко раздраженію не сдѣлавъ ничего?
Не ждетъ родитель мой моей невинной казни,
Ни городъ нашъ ко мнѣ такой твоей *пріязни*.
Не думаетъ никто, что я ихъ долгъ плачу,
И полъ чертоговъ сихъ я кровью омочу.

Димитрій.

Прельстившемуся мнѣ прекрасная тобою,
Одни ужъ мысли зрѣть тя мертву предъ собою.
Зрю самъ, колико ты въ сіи часы бѣдна;
Но ты къ отмщенью мнѣ осталася одна;
Винна ли ты иль нѣтъ, будь винна града жертва;
Доколь не свергнуся съ престола, буди мертва.—
Въ преддверіи моемъ я слышу стукъ и трескъ,
Пришли минуты злы, короны тмится блескъ,
Готовься ощущать караемую злобу,
Жди смерти и умри, предшествуй мнѣ ко гробу.

— *явл.* 4.

Изъ сего отрывка, взятаго нарочно не изъ лучшей трагедіи Сумарокова, вид-

но, что слогъ его довольно чистъ; главнѣйшая погрѣшность его, которая впрочемъ по тогдашнему времени казалась весьма извинительною, состоитъ въ употребленіи мѣстоименій *мя*, *тя*, предлоговъ *ко*, *во* передъ такими реченіями, предъ коими было бы приличнѣе ихъ сокращать, и особенно въ окончаніи глаголовъ на *ити* и *ати*.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, сверхъ Лирическихъ твореній, которыми пріобрѣлъ безсмертную славу, упражнялся и въ Драматическомъ родѣ. Онъ написалъ трагедіи: *Тамира и Селимъ* и *Демофонтъ*; но Мельпомена не весьма благосклонна была къ Ломоносову: лирикъ побѣдилъ трагика. Въ показанныхъ произведеніяхъ нѣтъ почти ни одной сцены, которая могла бы тронуть сердце; а ежели гдѣ и показывается чувствительность, то въ ту же минуту изчезаетъ отъ грома высокихъ словъ и отъ витійственныхъ украшеній: у Ломоносова каждое дѣйствующее лице кажется поэтомъ Епическимъ. Вотъ, на примѣръ, какъ говоритъ у него Царевна *Тамира* нянькѣ своей *Клеонѣ*:

Насталъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи,

Даешъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна тишина минула въ сей ночи.
Отецъ мой воинству готовиться къ отпору
И на стѣнахъ стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрый конь подъ нимъ какъ бурный вихрь
крутился,
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть
и пр.

Начало тр. Там. и Сел.

Въ слѣдующихъ стихахъ виденъ Геній безсмертнаго пѣвца подвиговъ Преобразителя Россіи:

Въ тр. *Демофонтѣ*, разсказываетъ вѣстникъ о случившемся несчастіи:

Когда покрыла ночь со флотомъ глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поставивъ Демофонтъ суда ко брегу строемъ,
Чтобы любезную привесть на нихъ съ покоемъ,
На встрѣчу къ пристани лишь ѣхать поспѣ-
шалъ,
Куда ее привесть Драмета онъ послалъ:

Внезапу изъ за горъ тамъ весла зашумѣли,
И стрѣлы огненны до облаковъ взлетѣли,
Упали съ высоты на насъ какъ сильный градъ.
Уже на корабляхъ снаряды всѣ горятъ!
Пылаютъ парусы, валятся райны въ море.
Въ дыму и въ шумѣ тамъ лишь только слы-
шно: горе!

. . . .

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закрутились.
Противны двѣ на насъ стихіи согласились.
И каждый тамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
И влажностію жаръ и пламень умножалъ.
Иныхъ пожгла огня неукротима сила,
Иныхъ несытая пучина поглотила.
И какъ я съ корабля старался въ ботъ сойти,
Я Демофонта вдругъ увидѣлъ на пути:
Пронзенъ, окровавленъ едва уже дыхаетъ,
Стрѣла еще въ груди зазженная пылаетъ.
Я въ страхѣ возстенавъ, другихъ на помощь
звалъ;
Отъ двухъ смертей исторгъ и къ брегу съ
нимъ присталъ;
Но въ сердцѣ третія трепещущемъ осталась:
Любезная душа отъ тѣла разлучалась.
Еще онъ, ахъ! тогда изъ глубины вздохнулъ,

И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ.
На берегъ, пламенемъ шумящимъ освѣщенный,
Филлида къ намъ спѣшитъ. Драметъ съ ней
устрашенный.
Увидѣла его безгласна предъ собой,
Старалась во слезахъ поднять его рукой,
И рѣчью возбудить хотѣла безполезной:
Промолви, Демофонтъ, промолви, мой любезной.
Онъ мрачные еще глаза свои открылъ,
И на нее взглянувъ впослѣдни затворилъ.
Промолвить силился еще между стенаньемъ,
Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ воздыханьемъ.
. . . .
Филлида съ горестнымъ стенаньемъ возгласила:
На толь, чтобы убить, тебя я полюбила?
И такъ ли путь пресѣчь тебѣ хотѣла я?
Не ты невѣренъ: я измѣнница твоя.
Ахъ, пустьбы ты ушелъ, ты могъ бы возвра-
титься,
И я ещебъ могла хотя надеждой льститься.
Теперь тебя ко мнѣ никто не возвратитъ
И только смерть одна съ тобой совокупитъ.
Промолвила, и вдругъ кинжалъ во грудь вонзила,
И путь себѣ за нимъ со свѣта отворила.
Креуза рветъ власы; отчаянный Драметъ
Вотще надъ хладными тѣлами слезы льетъ.

О времени рожденія и кончины Ломоносова можно видѣть въ ст. *Епическій.*

Княжнинъ (Яковъ Борисовичъ) родившійся въ 1742 и скончавшійся въ 1791 году, родственникъ и ученикъ Сумарокова, также принадлежитъ къ числу первыхъ нашихъ трагическихъ писателей. „Слогъ его чище, благороднѣе, возвышеннѣе, нежели въ трагедіяхъ Сумарокова. Нѣтъ столь неприличныхъ и частыхъ обращеній къ предметамъ бездушнымъ, или *къ устамъ, рукамъ, слезамъ, очамъ*; но за то онъ впадаетъ въ противную погрѣшность. Слогъ его бываетъ часто холоденъ, напыщенъ, несвободенъ: онъ терялся въ подробностяхъ, и не умѣлъ себя останавливать; ему хотѣлось быть вездѣ высокимъ: въ одной сценѣ Росслава помѣстилъ онъ всѣ высокія слова, разсѣянныя въ разныхъ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Вольтера. Онъ подражалъ всѣмъ Французскимъ трагикамъ вмѣстѣ, или, лучше, переводилъ изъ нихъ. Почти ни одинъ планъ, ни одинъ характеръ, ни одинъ монологъ, совершенно не принадлежитъ ему. Во Владисанѣ большая часть Меропы, часть Заиры и другихъ Вольтеровыхъ трагедій. Витозаръ, Рамидъ, Пальмира, сынъ ея, то же,

что Полифонтъ, Еврiклесъ, Меропа, Егистъ, и пр. Ярополкъ, Владимiръ, Рогнеда, Клеомена, то же, что Орестъ, Пирръ, Гермiона, Андромаха. Пылкая ревность Орозмана присвоена Владисану и т. п.„ *Мерзляковъ.*

Впрочемъ Княжнинъ заслуживаетъ совершенную благодарность нашу и за то, что рѣшился перенести цвѣты иностранные въ садъ отечественной: не многiе знаютъ, откуда и что именно перевелъ онъ, чему подражалъ, что собственно ему принадлежитъ, но всѣ ощущаютъ большое удовольствiе отъ представленiя его трагедiй. При трогательной сценѣ и Литтераторъ зритель забывается, и плачетъ— не смотря на то, что эта сцена взята изъ какого нибудь Французскаго или Нѣмецкаго писателя. Слѣдующiе отрывки покажутъ слогъ Княжнина:

Изъ IV акта тр. Дидона. Ярбъ одинъ:

Свирѣпа ада дщерь, надежда злобныхъ, месть,
Къ чему несчастнаго стремишься ты привесть?
Лютѣйшей ярости мнѣ въ сердце ядъ вливая,
Влечешь меня на все, мнѣ очи закрывая.....
Дидона нѣжну страсть удобна ощущать;

Но сердце кто ея дерзаетъ обольщать?
Пришлецъ, ругаяся моей несносной часпи,
Въ утѣхахъ изчислять тѣ станетъ всѣ напасти,
Которы долженъ ты отъ странника терпѣть;
Онъ въ прелестяхъ ея всечасно будетъ зрѣть,
Колико счастливъ онъ и сколько я несчастенъ.
Благополученъ врагъ, а я лишь только стра-
стенъ!
О ты, котораго всѣ чтутъ моимъ отцомъ,
Великій Юпитеръ, держащій страшный громъ,
Зри сыну твоему творенныя досады!
Впервые для своей молю тебя отрады:
Когда ты мой отецъ, яви, что я твой сынъ;
Изъ мрака грозныхъ тучь, природы руша чинъ,
Мнѣ сей ужасный день въ ночь темну пре-
творяя,
Не солнцемъ, молніей всю землю озаряя,
Вселенну потряси и громомъ поражай;
Низвергни городъ сей, блистай, греми, карай....
Но что! слова мои напрасно я теряю,
И своего отца безъ пользы умоляю.
Когда ты не разишь, тебя отцемъ не чту,
И только тщетную я зрю въ тебѣ мечту;
Безсиленъ ты смягчить души моей мученье.
Мнѣ боги Фуріи, отецъ мой отомщенье!

Мой мечъ помощникъ мнѣ; сей мечъ въ моихъ
рукахъ,
Безъ помощи твоей преобратитъ все въ прахъ.

Изъ акта V. Елиза приноситъ Дидонѣ письмо отъ Енея. Дидона говоритъ:

Подай... подай... чего теперь еще страшиться?
Чего мнѣ трепетать? онъ, можетъ, возвратится....
Онъ хочетъ, можетъ быть, Дидону испытать....
Онъ, можетъ быть.... прочтемъ, возможноль все узнать?
Лобзаю я черты, черты руки любезной
И орошаетъ ихъ очей моихъ токъ слезной.
Страшусь читать, страшусь я все себѣ открыть....
Чегожъ страшиться мнѣ? могуль несчастнѣй быть?

читаетъ.

„Разгнѣванныхъ боговъ жестокіе законы
Опредѣлили жизнь мою на вѣчны стоны;
Опредѣлили мнѣ, тебя на вѣкъ лишась,
Въ путь славы шествовать, во горести крушась.

Дидона! покорись боговъ безсмертныхъ волѣ,
Храни дражайшу жизнь, подвергнись нашей долѣ.
Коль хочешь ты, чтобъ жилъ *на свѣтѣ* твой Еней,
Умѣрь тоску, живи для жизни ты моей.,,
Живи!.... нѣтъ! я умру! ты жить повелѣваешь;
А самъ, жестокій! самъ меня ты убиваешь!...
Стремись, бѣги, скорѣй направить повели
Врагамъ бѣгущимъ въ слѣдъ изъ града корабли.
и пр.

Княжнинъ написалъ трагедію *Титово Милосердіе* вольными стихами: въ этомъ никто у насъ не подражалъ ему; но, кажется, такое расположеніе стиховъ не только непротивно для слуха, даже можетъ почесться не менѣе натуральнымъ въ сочиненіяхъ разговорныхъ, какъ и стихи одномѣрные. Выпишемъ примѣръ изъ III акта. — Титъ, по отшествіи Секста, котораго не могъ онъ преклонить къ открытію причины, побудившей его вступить въ заговоръ, произноситъ:

Не избѣжишь уже ты смерти зѣва.
Въ измѣнѣ ты своей злодѣйски утвержденъ

Владыки чувствуй власть, коль другъ тобой
презрѣнъ. . . . .
Какой бы могъ отецъ щадити сына болѣ?
Твоя судьба была въ твоей строптивой волѣ;
Но милосердіе мое ты пренебрегъ
И правосудія ты гнѣвъ во мнѣ возжегъ.

Подходитъ къ столу, чтобы подписать приговоръ.

Отмстимъ! . . . . отмстимъ! . . . . о Титъ! и ты
способенъ
Толь низко чувствіе въ твоей душѣ питать?
И оскорбленъ, унизиться удобенъ
Со оскорбителемъ твоимъ себя сравнять?
Стыдися быть ему въ свирѣпости подобенъ!
Какая слава, тамъ отмщенія искать,
Гдѣ, чтобы погубить, лишь должно пожелать?
Отъяти жизнь послѣдній смертный можетъ,
Но дать удобно лишь безсмертнымъ и царямъ. . . .
Да будетъ живъ. . . . . . такъ Титъ законовъ
мечъ отложитъ?
Хранитель ихъ, покорствуя друзьямъ,
Онъ правосудіе для Секста позабудетъ
И равенъ Манлію и Бруту онъ не будетъ. . . .
Послѣдую я имъ. Умолкни дружбы гласъ!

Пришелъ ужъ твой, о Секстъ, послѣдній
часъ!
Не я, но истина сама тебя караетъ.
Преступникъ Секстъ, пускай и умираетъ.

Подписываетъ приговоръ.

Что дѣлаю? стремлюсь свирѣпости я въ путь!
Хочу въ тирана претвориться,
И кровію гражданъ моихъ омыться,
И начинаю то, пронзая другу грудь!
Или твоя душа отъ милостей устала
И лютость для тебя пріятна стала?
Не омрачай, о Титъ! отрадный твой вѣнецъ.
Бывъ подданныхъ судья, ты меньшель ихъ
отецъ?....

Раздираетъ приговоръ.

Живите.... и когда моя порфира
Должна мнѣ чѣмъ содѣлать стыдъ,
Пусть лучше голосъ міра
Во благостяхъ меня, не въ казняхъ укоритъ.

Послѣ Княжнина писали трагедіи: *Херасковъ*, *Майковъ*, *Николевъ*; но они извѣстнѣе по другимъ своимъ произведеніямъ, нежели по трагическимъ. Кажется, Мельпомена отдыхала нѣсколько времени, дабы послѣ явиться на сценѣ съ бо́льшею силою

и величественностію: Озеровъ разрушилъ ея усыпленіе.

Смерть Олега Древлянскаго, представленная въ 1798 году на Петербургскомъ театрѣ, была первою трагедіею Озерова; но къ счастію публика, которой сужденія не всегда безошибочны, по какому-то предчувствію не попалась тогда въ обманъ, и справедливо отвергнувъ трагедію Озерова, не ослѣпила его соблазномъ успѣха. Чрезъ нѣсколько лѣтъ сочинитель, скрывавшійся отъ глазъ свѣта, показался снова на трагической сценѣ, и уничтожилъ первое неблагопріятное объ немъ мнѣніе. Трагедія *Едипъ въ Афинахъ*, представленная въ 1804 году, принята была съ совершеннымъ удовольствіемъ. Потомъ изъ благословенной Еллады Муза Озерова перенесла его подъ дикое и туманное небо, прославленное однообразными, но сильными и сладостными для души пѣснями сѣвернаго Гомера — Оссіана. Трагедія *Фингалъ* представлена въ 1805 году. Въ Фингалѣ (говоритъ сочинитель предисловія ко второму изданію твореній Озерова) ничто не забыто ни трагикомъ, ни поэтомъ; тотъ и другой взялъ съ Оссіана полную дань. Въ 1807 году, когда Россія вела вой-

ну съ утѣснителемъ Европы, Озеровъ въ трагедіи *Димитрій Донской*, напомнилъ согражданамъ своимъ о великой эпохѣ древней славы Россіи, когда на Задонскихъ поляхъ нанесенъ былъ сильный ударъ власти Мамая. — Безпристрастные критики находятъ однакожъ, что Озеровъ погрѣшилъ въ сей трагедіи, представивъ Димитрія похожимъ болѣе по любовной страсти своей на рыцаря среднихъ вѣковъ, нежели на Великаго Князя Московскаго. И дѣйствительно не унижается ли достоинство Димитрія, когда Ксенія, не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушіи? сіи погрѣшности вознаградилъ Озеровъ прекраснѣйшею поэзіею—вся сія трагедія написана превосходнымъ слогомъ, а отвѣтъ Димитрія Послу можетъ служить изящнѣйшимъ образцемъ краснорѣчія. — Помѣщаемъ всю сію сцену.

Посолъ.

Россійскіе Князья! непобѣдимый Ханъ
Задонскія орды, и всѣхъ восточныхъ странъ,
И Русскія земли верховный обладатель,

Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею нанесть вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще на благости простерть,
Остановляетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны Татары.
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ Князей;
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,
Чей мечъ ужаснѣе великой рати воевъ —
Противу нашихъ силъ вамъ можноль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,
Отправьте должну дань покорствуя Мамаю.
Я именемъ его вамъ милость обѣщаю.
Разкаяніе зря, рѣшится онъ простить,
И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить.

Димитрій.

О дерзостный Посолъ надменнѣйшаго Хана!
Обширность видѣлъ ты Россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ, и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости Татаръ?

Но жить еще кому, иль намъ, или Мамаю,
Оружіе рѣшитъ; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотрѣть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды изтребленья,
Которыя отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ;
И Хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ! дани для него мы собрали иныя,
Мечи булатные и стрѣлы каленыя:
Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ.

Посолъ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ?

Димитрій.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы?

Посолъ.

По праву сильнаго всѣ ваши земли, домы,

И все имущество стяжаніе Татаръ;
И самый солнца свѣтъ вамъ Хановъ нашихъ даръ.

Димитрій.

Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій.

Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ.

Страшитесь раздражить Мамая непокорствомъ.

Димитрій встаетъ и за нимъ всѣ Князья.

Татаринъ! я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но чтя въ лицѣ Посла народныя права,
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова.—
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь,
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему, и возвести ему,

Что Богу Русской Князь покоренъ одному.

Посолъ.

Иду отсель. Но знай, о Князь высокомѣрный!
Что будетъ надъ тобой Мамая гнѣвъ примѣрный.
И отъ сего часа покорствуй ты иль нѣтъ,
Нашъ Ханъ Димитрію пощады не даетъ.
Для Русскихъ всѣхъ Князей на милость онъ склонится,
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится;
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренской берется за мечъ.

Ордынецъ дерзостный. . . .

Димитрій останавливая Бренскаго:

Оставь его безумство!
Престола хищника Послу прилично буйство.

Къ Послу:

Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой.
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ конечно мой.

„Вообще вся сія трагедія, сказано въ упомянутомъ предисловіи, кромѣ ея Драматическаго достоинства, согрѣта какою-то Поэтическою любовію къ отечеству, которая отражается съ живостію и силою въ Русскихъ сердцахъ, и которой напрасно будемъ искать въ твореніяхъ Сумарокова, Княжнина и самаго Хераскова, пѣснопѣвца Россіи. Она и при началѣ своемъ имѣла разительное отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ; но послѣ происшествій 1812 года, которыя нѣкоторымъ образомъ предсказаны во многихъ стихахъ *Димитрія*, еще болѣе становится на нашемъ театрѣ народною трагедіею.„

Въ 1809 году Озеровъ написалъ трагедію *Поликсена*, которая почитается полнѣйшею въ своемъ составѣ противъ прочихъ его трагедій; и сверхъ того мастерство кисти Озерова въ изображеніи женскихъ характеровъ, торжествуетъ въ ней съ новымъ блескомъ *). *Поликсена* была послѣднимъ произведеніемъ сего преобразователя нашей трагической сцены. — *Владиславъ Александровичъ Озеровъ* скончался по-

---

*) Подробный разборъ Поликсены напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1817.

слѣ продолжительной болѣзни въ 1817, на 48 году отъ рожденія.

Симъ не оканчивается исторія нашей трагедіи: сочиненія Висковатова и нѣкоторые переводы, показавшіеся въ послѣднихъ годахъ, имѣютъ свое достоинство; но въ нихъ могутъ еще послѣдовать при жизни автора и переводчиковъ разныя перемѣны, способствующія къ приведенію въ надлежащее совершенство — и потому говорить о сихъ твореніяхъ предоставляемъ потомству.

*

Разборъ и содержаніе нѣкоторыхъ древнихъ и новѣйшихъ трагедій.

1. *Прикованный Прометей.*—Соч. Есхила.

Сіе твореніе, которое можно почесть первымъ опытомъ возраждающагося искуства, имѣетъ всѣ свойственныя трагедіи принадлежности; въ немъ есть изложеніе, узелъ, развязка; въ немъ находятся и *ужасъ* и *состраданіе*; характеры изображены и выдержаны съ приличностію; въ занимательности видна постепенность, до конца возрастающая. Все можно увидѣть изъ слѣдующаго подробнаго разбора:

Дѣйствіе происходитъ въ Скифіи, на одной ужасной степи, *на концѣ земли*, по словамъ поэта. Дѣйствующія лица:

Прометей.
Вулканъ.
Кратосъ—т. е. власть или могущество.
Біа—т. е, сила.
Океанъ.
Іо.
Меркурій.

Первыя четыре лица тотчасъ являются на сценѣ. Кратосъ начинаетъ говорить.

И такъ мы находимся на концѣ земли, въ Скифіи, въ степи безплодной. Вулканъ, тебѣ предлежитъ приступить къ исполненію повелѣній отца твоего (Юпитера) и приковать его (Прометея) на сей скалѣ обнаженной, цѣпями крѣпчайшими, неразрушимыми. Онъ похитилъ огнь, твое лучшее достояніе и орудіе всѣхъ искуствъ; онъ сообщилъ оный смертнымъ. За такое преступленіе онъ долженъ испытать жесточайшую муку: да научится покаряться волѣ Юпитера.

Вотъ все содержаніе, объясненное въ первыхъ словахъ: преступленіе Прометея извѣстно; оно состоитъ въ томъ, что

онъ просвѣтилъ людей, что хотѣлъ имъ сдѣлать добро, словомъ, хотѣлъ быть Филантропомъ. Сіе самое слово находится и въ текстѣ.

Вулканъ повинуется; но объявляетъ, что ему непріятно такъ жестоко поступать съ богомъ, соединеннымъ съ нимъ узами родства.„ Предпріимчивый сынъ правосудной Фемиды, *я противъ тебя и противъ себя* хочу тебя приковать къ сему утесу цѣпями, немогущими ни отъ чего разрушиться. Вотъ что пріобрѣлъ ты за твою *Филантропію*!„ Наконецъ онъ говоритъ Прометею, что онъ напрасно будетъ приносить жалобы и стенать; что сердце Юпитера непреклонно, ибо (присовокупляетъ) *новый повелитель всегда жестокъ бываетъ*. Сіе относится къ недавнему похищенію Юпитеромъ Сатурнова престола.

Кратосъ упрекаетъ Вулкану за его сожалѣніе, какъ за слабость; и Вулканъ, продолжая оказывать знаки сострад анія къ Прометею, приковываетъ ему руки одну послѣ другой, прокалываетъ ноги, и вбиваетъ въ грудь гвоздь желѣзный. По окончаніи говоритъ Кратосу: „вотъ, онъ со всѣхъ сторонъ прикованъ, удалимся!„

Кратосъ оскорбляетъ несчастнаго посреди его мученій. Теперь, говоритъ она (Кратосъ, какъ сказано выше, означая *власть*, представляетъ лице женщины) ты можешь похвалиться съ твоею гордостію въ похищеніи божественныхъ сокровищъ, для пренесенія ихъ къ однодневнымъ смертнымъ, (*къ твоимъ Ефемерамъ*—сказано въ Греческомъ). Кто изъ нихъ облегчитъ твое мученіе? тебя называютъ *Прометеемъ* *) и весьма ошибаются: имя сіе неприлично тебѣ; тебѣ бы нуженъ былъ Прометей для удаленія тебя отъ сего бѣдственнаго положенія.

Кратосъ, Біа и Вулканъ удаляются; *Прометей*, не произнесшій до сего времени ни одного слова, показывающаго жалобу, обращается потомъ ко всей природѣ: о Ефиръ! возклицаетъ онъ, о крылатые и стремительные вѣтры, источники рѣкъ, безчисленныя волны морскія; земля, всякое существо произведшая; и ты, о солнце, коего взоры объемлютъ всю природу—воззрите на то, что боги заставляютъ меня претерпѣвать, меня, тако-

*) Прометей, на Греческомъ, значитъ предвидящій, осторожный, благоразумный.

го же бога!—потомъ присовокупляетъ: но что говорю я? я предвижу все долженствующее случиться; я не могу страшиться бѣдствій непредвидимыхъ: зная непобѣдимую силу необходимости, предадимся опредѣленію судьбы!

Вотъ изложеніе трагедіи — быстрое, ясное! уже любопытство и занимательность начинаются, ибо зрители—люди— не могутъ не брать участія въ жертвѣ, претерпѣвающей за оказанное имъ благодѣяніе. Такое изложеніе, кажется, должно быть предпочтено *прологамъ* другихъ подобныхъ твореній, въ которыхъ актеръ, объявивъ прежде всего имя свое, разсказываетъ о происшествіяхъ, предшествовавшихъ дѣйствію, а иногда и о томъ, что будетъ происходить предъ зрителями. Должно признаться, что въ началѣ *прикованнаго Прометея* болѣе видно искуства.— Сверхъ того сожалѣніе Вулкана; оскорбительныя насмѣшки Кратоса; присутствіе Біи, готовой служить Кратосу; великодушное безмолвіе Прометея, непримѣчающаго ни Вулканова сострраданія, ни Кратосовой обиды — образуютъ прекраснѣйшую, трогательную картину.

Жалобы Прометея прерываются приближеніемъ хора, состоящаго изъ младыхъ нимфъ, дщерей Океана. Онѣ возглашаютъ: увы! увы! но не легкій ли полетъ птицъ слышу я въ сихъ мѣстахъ? воздухъ содрагается отъ колебанія крылъ ихъ.

Хоръ разсказываетъ потомъ, что удары Вулканова молотка раздались даже въ безднахъ моря, что возмущенныя симъ нимфы поспѣшили сюда *полуодѣтыя* и *босыя* на колесницѣ. Онѣ раздѣляютъ горесть Прометея, жалѣютъ объ немъ, и обвиняютъ Юпитера въ несправедливости и жестокосердіи.

Прометей увѣдомляетъ ихъ, что сей владыка безсмертныхъ обязанъ будетъ прибѣгнуть къ нему, дабы узнать о новомъ врагѣ, долженствующемъ похитить престолъ его; но что напрасно станетъ онъ употреблять и угрозы и ласки; что онъ, Прометей, рѣшился хранить тайну.

Нимфы просятъ разсказать имъ его приключеніе. Онъ начинаетъ, кажется, слишкомъ изъ дали—съ распри между Юпитеромъ и Сатурномъ, изъ которыхъ присталъ онъ къ первому, и подавалъ ему совѣты, слѣдуя коимъ получилъ Юпитеръ верховную власть.,, И вотъ, какъ вознаг-

раждаетъ онъ Прометея! но болѣзнь обыкновенная тирановъ: не довѣрять даже друзьямъ своимъ.„ Потомъ говоритъ, что Юпитеръ, по полученіи престола, началъ раздавать богамъ почести и разные дары, чтобъ преклонить ихъ на свою сторону и утвердить владычество; что же принадлежитъ до несчастныхъ смертныхъ, то хотѣлъ совершенно изтребить ихъ; но онъ, Прометей, одинъ тому воспротивился: и сіе-то *состраданіе* къ смертнымъ есть виною, что нынѣ съ нимъ поступаютъ безъ *состраданія*. Онъ не только сообщилъ людямъ огнь, могущій споспѣшествовать къ открытію многихъ искуствъ, но просвѣтилъ и укрѣпилъ души ихъ; изцѣлилъ отъ боязни смерти, и возродилъ въ нихъ утѣшительную надежду.

Въ семъ второмъ *явленіи* продолжается изложеніе. Несправедливость Юпитера дѣлается уже очевидною; любопытство увеличивается при мысли о великой тайнѣ Прометея. Нѣжное сожалѣніе нимфъ служитъ пріятною противоположностію непреклонной гордости сего полубога; сладостное пѣніе—дикости мѣста и мученію Прометея. И здѣсь видно удивительное искуство Есхила!

Наконецъ Промеѳей уговариваетъ нимфъ сойти съ ихъ *окриленной* колесницы, и приближиться къ нему, дабы удобнѣе разслушать повѣсть о его несчастіяхъ. Нимфы соглашаются и оставляютъ *безоблачный Ефиръ, служащій птицамъ путемъ къ горячей вершинѣ скалы.* . . . Вдругъ появляется лице весьма странное — Океанъ; а всего удивительнѣе то, что Океанъ ѣдетъ на крылатомъ животномъ. Въ подлинникѣ: *на птицѣ съ быстрыми крыльями,* а въ другомъ мѣстѣ *на птицѣ четвероногой.*

Океанъ говоритъ, что принимаетъ участіе въ горестяхъ Промеѳея, какъ его родственникъ, и увѣряетъ въ постоянной своей дружбѣ; совѣтуетъ не произносить обидныхъ выраженій на счетъ Юпитера, дабы еще болѣе не раздражить сего властителя боговъ; обѣщаетъ употребить за него ходатайство у сына Сатурнова и надѣется выпросить освобожденіе. Промеѳей отвѣчаетъ, что сіе будетъ безполезно, и что онъ Океанъ за такой поступокъ самъ только придетъ въ немилость; благодаритъ его за дружбу, и отказывается отъ вспомоществованія. — Океанъ удаляется на своей четвероногой птицѣ, которая, какъ говоритъ онъ при прощаніи,

возрадуется, когда согнетъ колѣно въ стойлѣ, обычномъ своемъ жилищѣ.

Прометей остался съ хоромъ нимфъ, оплакивающихъ его страданіе, раздѣляемое, по словамъ ихъ всѣми жителями не только Азіи, но и всей земли.

Хранивъ нѣсколько времени молчаніе, онъ прерываетъ наконецъ оное голосомъ возвышеннымъ: „Если молчу я (говоритъ онъ), не думайте, что отъ гордости или отъ досады; но я *въ мысляхъ пожираю сердце мое,* когда вижу себя столь несправедливо утѣсненнымъ.„ Послѣ сего дѣлаетъ довольно пространное и краснорѣчивое изчисленіе всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ имъ людямъ, и оканчиваетъ предвѣщаніемъ, что владычество Юпитера будетъ имѣть конецъ, что ему извѣстны какъ Епоха сія, такъ и имя того, кто разрушитъ оное.

Нимфы оказываютъ живѣйшее любопытство, и умоляютъ Прометея открыть имъ тайну. „Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ имъ полубогъ, напрасно будете вы упрашивать: я долженъ и намѣренъ хранить ужасную сію тайну.„

Теперь нетрудно примѣтить, что занимательность главнаго лица трагедіи

безпрестанно увеличивается; мы видимъ уже въ Прометеѣ не только благодѣтеля всего человѣческаго рода, но и хранителя такой тайны, отъ которой зависитъ участь Юпитера и слѣдственно цѣлой вселенной. И такъ жертва пріобрѣтаетъ нѣкое превосходство надъ угнѣтающимъ ее тираномъ; и такъ притѣснитель будетъ имѣть нужду въ притѣсняемомъ: любопытство часъ отъ часу возрастаетъ; узелъ образуется; остается узнать какую тайну имѣетъ Прометей, и точно ли сохранитъ ее отъ Юпитера.

Входитъ новое лице — Іо, дочь рѣки Инаха, одна изъ многочисленныхъ любимицъ Юпитера, — та самая Іо, которую превратилъ онъ въ телицу, дабы обмануть ревнивую Юнону....

Она спрашиваетъ у Прометея, знающаго будущее, чѣмъ кончатся ея бѣдствія? полубогъ при семъ случаѣ снова обвиняетъ Юпитера въ несправедливости.

И наконецъ исполняетъ желаніе несчастной Іо; предсказываетъ долговременное бѣгство ея; объявляетъ, что она успокоится на тріугольномъ Египетскомъ островѣ (Дельта Δ), гдѣ, по назначенію судьбы, произойдетъ отъ нея многочисленное

поколѣніе—и наконецъ, что одинъ изъ ея потомковъ освободитъ его Прометея *).

Іо радуется, узнавъ, что будетъ отмщена. Ей хотѣлось бы слышать болѣе подробностей, но полубогъ ограничивается сказаннымъ предвѣщаніемъ.

Іо удаляется; мѣсто ея заступилъ Меркурій. Онъ по приказанію верховнаго повелителя небесъ требуетъ, чтобы Прометей кончилъ свое предсказаніе. Истинно ли то, спрашиваетъ онъ, что Юпитеръ будетъ нѣкогда лишенъ своего престола? чрезъ кого сіе совершится? кого должно ему остерегаться?—Прометей отвѣчаетъ, что ему все сіе извѣстно, и что онъ могъ бы сказать, но не скажетъ. Онъ восхищается будущимъ низложеніемъ тирана, и оказываетъ къ Меркурію презрѣніе, какого достоинъ подлый невольникъ. Тщетно употребляетъ Меркурій и прозьбы и угрозы, тщетно самый хоръ, участвующій въ страданіи Прометея и желающій видѣть окончаніе мукъ его, совѣтуетъ ему уступить, и покорностію прекра-

*) Въ подлинникѣ: третій послѣ десятаго. Кажется, авторъ разумѣетъ здѣсь Геркулеса, ибо дѣйствительно въ другой его трагедіи *Прометей освобожденный*, сынъ Алкмены разрушаетъ его оковы.

шить неравносильное противоборство: Прометей непоколебимъ; онъ презираетъ и Юпитера и власть его.... Наконецъ посланникъ небесный объявляетъ ему, что ежели упорство его продолжится, то будетъ пораженъ молніею. Угроза сія не болѣе подѣйствовала. Прометей не соглашается. И вотъ, молнія дѣйствительно блистаетъ—и разрушаетъ наконецъ скалу, къ которой Прометей былъ прикованъ: онъ упадаетъ и изчезаетъ.

Такова развязка сей странной трагедій. Характеръ Прометея выдержанъ въ ней съ удивительнымъ искусствомъ — все дѣйствіе происходитъ предъ глазами зрителей; и сверхъ того единство мѣста, времени и происшествія, сохранено съ совершенною точностію. Можно только сказать, что сочиненіе сіе ничего бы не потеряло, если бы авторъ и не вывелъ на сцену двухъ Епизодическихъ лицъ *Океана* и дочери Инаховой *Іо;* однакожъ и сіи лица усугубляютъ соучастіе въ страданіяхъ Прометея, и негодованіе на жестокость Юпитера.

Читателямъ предоставляется сличить сей разборъ съ невыгоднымъ мнѣніемъ о сей трагедіи Г. Лагарпа; но у сего

знаменитаго впрочемъ критика, не видно даже настоящаго содержанія, разсмотрѣннаго здѣсь творенія. См. *Ликей*, изданный Россійскою Академіею. ч. II. стран. 17.

Мы воспользуемся упомянутымъ сочиненіемъ Лагарпа въ слѣдующемъ разборѣ Еврипидовой трагедіи:

2.) *Гекуба.*

Трагедія начинается прологомъ: тѣнь Полидора, сына Пріамова, разсказываетъ въ ономъ всѣ свои похожденія и предварительно возвѣщаетъ зрителямъ все то, что увидятъ они въ самой трагедіи. Полидоръ убитъ Полимнесторомъ, царемъ Фракійскимъ, которому Пріамъ поручилъ его въ храненіе. Греки, возвращаясь изъ Трои, пристаютъ къ Фракійскому полуострову. Гекуба и Поликсена (вдова и дочь Пріама) съ ними; тѣнь Ахиллеса требуетъ, чтобы Поликсена принесена была въ жертву, безъ чего Греки никоимъ образомъ не могутъ выдти изъ Фракіи. Еврипидъ въ сей трагедіи хотѣлъ, кажется, показать все свое искуство въ обработкѣ роли Поликсены; можетъ быть во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ такой чувствительности, нѣтъ такого совершенства, каковыя находятся въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ

сей трагедіи. Два послѣднія дѣйствія содержатъ въ себѣ только мщеніе Гекубы надъ Полимнесторомъ, что нимало не зависитъ отъ главнаго дѣйствія.—Явленіе, въ которомъ Улиссъ приходитъ, чтобы вести Поликсену на смерть, Греками ей присужденную, рѣчи сей несчастной Княжны и ея матери, мучительная ихъ разлука, даже самая роля Улисса, который и при исполненіи ненавистнаго порученія соблюдаетъ приличную важность, все сіе описано превосходно, и по всей справедливости можетъ считаться въ числѣ высочайшихъ образцевъ. Гекуба умоляетъ Улисса о дозволеніи вопросить его; ибо она плѣнница и говоритъ съ однимъ изъ побѣдителей Трои; и потомъ желаетъ знать отъ него: помнитъ ли онъ то время, когда пришедъ въ Трою для тайнаго осмотра, онъ былъ узнанъ Еленою, которая тотчасъ объявила о томъ Гекубѣ. Одно слово сей Царицы могло бы погубить Улисса; но она (Гекуба) склонилась на прозьбу его и позволила ему удалиться изъ города. Улиссъ подтверждаетъ сіе; всякъ чувствовать можетъ, сколь признаніе сіе должно быть полезно Гекубѣ: у Г. Озерова въ

трагедіи *Поликсена* переведены стихи Еврипида почти слово въ слово:

Но помнишь ли, Улиссъ, минувшее то время,
Какъ полной славою цвѣло Троянско племя,
Какъ соглядатаемъ ты вшелъ въ нашъ крѣпкій градъ?
Подъ рубищемъ тебя узналъ Еленинъ взглядъ;
Она мнѣ скрытаго Улисса указала,
И смерть уже тебя за хитрость ожидала.
Ты бывъ введенъ ко мнѣ, къ ногамъ моимъ упалъ,
Дрожащею рукой моей руки искалъ,
Уста твои безъ словъ, казались онѣмѣлы,
И слезный токъ кропилъ ланиты помертвѣлы?

Улиссъ.

Такъ, помню оный день, и жалости твоей
Обязанъ былъ тогда я жизнію моей.

Гекуба—и въ подлинникѣ и въ Поликсенѣ Озерова—умоляетъ Улисса отмѣнить назначенную жертву, и предлагаетъ вмѣсто дочери Елену, которая причинила столько бѣдствій и Грекамъ и Троянцамъ. У Еврипида находится въ сихъ рѣчахъ Гекубы совершеннѣйшее краснорѣчіе, ко-

торому весьма удачно подражалъ и нашъ Трагикъ:

Въ свою чреду, Улиссъ, ко мнѣ почувствуй
жалость!
Зри немощь ты мою, плачевную зри старость;
Не удручай меня, вступися ты за насъ,
Иди къ вождямъ, возвысь краснорѣчивый гласъ:
Исвуство языка давно въ тебѣ извѣстно.
Представь ты, славѣ ихъ какъ будетъ то безчестно,
Когда узнаетъ міръ, что гнѣвъ простерли свой
На дѣву слабую, и яростной рукой
Ее во цвѣтѣ лѣтъ зарѣзали безщадно,
Чтобъ Пирра утолить отмщенье кровожадно. *)
Отмщенье! но за что? и Поликсена въ чемъ
Виновной быть могла предъ грознымъ симъ
вождемъ?
Она ль возжгла войну, народамъ толь тяжелу?
Она ль направила ту роковую стрѣлу,
Которою погибъ славнѣйшій вашъ герой?

---

*) У Озерова Пирръ объявляетъ волю отца своего Ахиллеса, чтобъ принесена ему была въ жертву Троянка царскаго рода. Сіи два стиха слабѣе прочихъ.

Елены красота всему тому виной:
И Грековъ и Троянъ, раздвинутыхъ морями,
Враждой содвинула подъ нашими стѣнами,
Враждой толикихъ лѣтъ, отъ коей наконецъ
И Пирра лютаго великій палъ отецъ. *и пр.*

Улиссъ отвѣчаетъ, что онъ только исполнитель воли всего Греческаго ополченія, и что не въ силахъ отмѣнить оной: не одна Гекуба (продолжаетъ онъ) оплакиваетъ дѣтей своихъ, великое множество матерей въ Аргосѣ и Микенахъ также проливаютъ горкія слезы о потерѣ сыновъ своихъ, подъ Троею убіенныхъ; наконецъ Ахиллъ, безчисленныя услуги оказавшій Грекамъ, имѣетъ неоспоримое право ожидать отъ нихъ благодарности; и какъ возможно отказать ему въ требуемой имъ жертвѣ? Герои сильно защищаютъ честь, памяти ихъ принадлежащую. Въ семъ мѣстѣ Греческій стихотворецъ гласомъ Улисса превозноситъ похвалами нравы своихъ соотечественниковъ и благородныя дани, приносимыя ими тѣнямъ мужей великихъ. Гекуба видя, что Улиссъ не внемлетъ ея прозьбамъ, совѣтуетъ дочери своей преклонить его на жалость, если только возможно, покорностію и слезами.

Отвѣтъ Поликсены исполненъ твердости духа, которая служитъ прекрасною противоположностію отчаянію ея матери: она говоритъ, что для нее смерть пріятнѣе той неволи, въ которой теперь находится.....„Улиссъ! я слѣдую за тобою; а ты, любезнѣйшая мать, позволь мнѣ идти на жертву; позволь, чтобы дщерь твоя скорѣе воспріяла смерть, нежели безчестіе. Знаю, никто изъ смертныхъ не можетъ избѣжать несчастія; чѣмъ менѣе ожидаемъ его, тѣмъ оно жесточе, несноснѣе; но кто согласится предать жизнь свою поношенію? ахъ! безчестіе есть зло самое величайшее.„

Гекуба.

„Дивлюсь твоему великодушію, но жребій твой терзаетъ мое сердце. О Греки! отмщевая смерть сына Пелеева, до какой крайности простираете вы несправедливый гнѣвъ вашъ? за преступленіе Париса надлежитъ наказать его мать! одинъ Парисъ виновенъ, я носила его въ моей утробѣ: пусть моею кровію обагрится Ахиллесова гробница! Улиссъ! вотъ грудь моя, рази ее.„

Улиссъ.

„Не ты, но Поликсена должна быть принесена въ жертву Ахиллу.

Гекуба.

„Рази обѣихъ: моею и дщери моей кровію обагри жертвенникъ.„

Улиссъ.

„Ахиллъ требуетъ ея крови, а не твоей. Убійства не должно умножать убійствомъ, Ахъ! почто не можемъ мы спасти обѣихъ васъ!„

Гекуба.

„Я должна умереть вмѣстѣ съ нею.„

Улиссъ.

„Нѣтъ, ты должна исполнить только мое повелѣніе.„

Гекуба.

„Я не разлучуся съ нею.„

Улиссъ.

„Не попусти, чтобъ дщерь твоя силою исторгнута была изъ твоихъ объятій.„

Поликсена.

„О Улиссъ! пощади мою родительницу, не умножай ея скорби.—А ты, любезная мать, оставь упорство; оно слабо противъ сильнаго побѣдителя. . . . Не уже ли потерпишь, чтобы грубые и свирѣпые воины, насильственно удаляя меня отъ твоихъ взоровъ, нанесли оскорбленіе твоимъ лѣтамъ и твоему сану? да не подвергнемся толь ужасному безчестію; простри ко мнѣ руку: позволь, да при концѣ дней моихъ найду утѣшеніе въ твоихъ объятіяхъ. Уже въ послѣдній разъ произношу дражайшее твое имя; уже въ послѣдній разъ взираю на лице свѣтоноснаго Феба. Прости! живи, любезная родительница, а я . . . . я иду на смерть.„

Гекуба.

„Ахъ! и ты, единая дщерь, оставшаяся отъ многочисленныхъ чадъ моихъ, и ты меня покидаешь! а я, обремененная оковами, несносную жизнь мою влачить буду.„

Поликсена.

„Что повелишь сказать Пріаму и сыну твоему Гектору?„

Гекуба.

„Скажи имъ, что я злополучнѣйшая изъ всѣхъ женъ на свѣтѣ.„

Поликсена.

„О несчастная мать! . . . ахъ, великіе боги!„

Гекуба.

„О дражайшій залогъ бѣдственнаго союза!„

Поликсена.

„Прости, Кассандра, любезная моя сестра! и ты, Полидоръ, возлюбленный братъ мой.

Гекуба.

„Но живъ ли онъ? чрезвычайныя несчастія, мною понесенныя, заставляютъ меня бояться всего отъ боговъ.„

Поликсена.

„Онъ живъ, закроетъ твои очи; онъ конечно живъ, надежда сія меня ободряетъ. (Улиссу): пойдемъ! покрой чело жертвы, на закoленіе тобою ведомой. Улиссъ, сокрой отъ взоровъ моихъ родительницу, и скорбь ее терзающую; я охотно иду на

смерть, но на слезы ея не могу взирать равнодушно. Иди. — *и проч.*

Вскорѣ является *Фалтибій* и разсказываетъ о принесеніи Поликсены въ жертву; и разсказъ сей исполненъ высочайшаго краснорѣчія. — Судя по нашимъ нравамъ, замѣчаетъ при семъ случаѣ Лагарпъ, поступокъ сей былъ бы весьма неприличенъ; мы конечно не могли бы позволить человѣку, имѣвшему участіе въ смерти дочери, разсказывать объ оной ея матери. Но самое сіе, продолжаетъ критикъ, подаетъ намъ ясное понятіе о суровости тогдашнихъ нравовъ.

Показавъ свойство трагедій древнихъ, приступимъ теперь къ разсмотрѣнію одной новѣйшей, почитаемой образцовымъ произведеніемъ Расина, его *Ифигеніи въ Авлидѣ*—и тѣмъ удобнѣе можемъ исполнить наше предпріятіе, что имѣемъ прекраснѣйшій переводъ сей трагедіи Г. *Лобанова.*

3.) *Ифигенія въ Авлидѣ.*—Дѣйствующія лица: *Агамемнонъ*, *Ахиллъ*, *Улиссъ*, *Клитемнестра*, жена Агамемнонова, *Ифигенія*, дочь Агамемнона, *Эрифила*, дочь Елены и Тезея, *Аркасъ и Еврибатъ*, наперсники Агамемнона, *Эгина*, прислужница Клитемнестры,

Дорида, наперсница Эрифилы. — Дѣйствіе происходитъ въ Авлидѣ, въ шатрѣ Агамемнона.

Актъ. I. Греческій флотъ, отправившійся для осады Трои, не могъ по причинѣ безвѣтрія продолжать своего путешествія; Агамемнонъ, въ сопровожденіи Нестора, Менелая и Улисса, испрашиваетъ совѣта у Оракула, который, устами славнаго прорицателя Калхаса, даетъ слѣдующій отвѣтъ:

Вотще вы на Троянъ, о Греки, ополченны,
И тщетною вы къ нимъ пылаете враждой,
Доколь царевны кровь отъ племени Елены,
Діанинъ жертвенникъ не обагритъ святой.
Коль гнѣвно божество вы ублажить хотите,
Здѣсь Ифигенію на жертву принесите.

Агамемнонъ, убѣждаемый Улиссомъ въ исполненіи воли Оракула, и сверхъ того встревоженный угрозами представившихся ему во сновидѣніи боговъ, послалъ въ Аргосъ письмо, которымъ вызываетъ дочь свою въ Авлиду, подъ тѣмъ предлогомъ, что обрученный съ нею Ахиллъ хочетъ ее видѣть и совершить бракъ прежде похода подъ Трою. Такова сущность

разсказа, дѣлаемаго Агамемнономъ Аркасу, о происшествіяхъ, предшествовавшихъ дѣйствію трагедіи.

Сей начальникъ Греческихъ Царей, не въ состояніи будучи уничтожить въ себѣ чувствъ природы, еще болѣе усиливающихся отъ приближенія того дня, въ который должна прибыть Ифигенія, отправляетъ Аркаса на встрѣчу Клитемнестрѣ съ письмомъ и совѣтуетъ ей возвратиться съ дочерью въ Аргосъ, по той причинѣ, что Ахиллъ перемѣнилъ свое намѣренье. Вотъ изложеніе, и основаніе всѣхъ происшествій трагедіи!

Между тѣмъ разнесся слухъ, что Клитемнестра и Ифигенія близко уже стана воинскаго. Ахиллъ, прибывшій къ войску въ прошедшую ночь, и незнавшій о совѣщаніи съ Оракуломъ, изъявляетъ Агамемнону радость свою, что скоро увидитъ Ифигенію; Агамемнонъ отвѣчаетъ ему съ холодностію и неудовлетворительно. Самъ Улиссъ обвиняетъ его въ мечтаніяхъ о любви въ такое время, когда раздраженные боги требуютъ крови, и крови самой драгоцѣннѣйшей.

Горделивый Ахиллъ изъясняетъ здѣсь все свое стремленіе къ славѣ, и говоритъ

что безъ малѣйшаго отлагательства, даже не оканчивая брака своего , готовъ онъ летѣть къ Троѣ , и осадить ее одинъ съ другомъ своимъ Патрокломъ.

Сей грозенъ бранный жаръ, которымъ пламенѣю,
И въ сей обратно станъ придти не укоснѣю.

Еврибатъ увѣдомляетъ о прибытіи Клитемнестры съ Ифигеніею и съ Ерифилою, младою Княжною изъ Лесбоса. плѣнницею Ахилла, которая желаетъ вопросить Оракула о судьбѣ своей и породѣ, совершенно ей неизвѣстной. Агамемнонъ не можетъ скрыть отъ Улисса горести своей. Улиссъ убѣждаетъ его исполнить данный обѣтъ, тѣмъ болѣе, что боги сами приводятъ къ Калхасу требуемую ими жертву. Агамемнонъ рѣшается, но прежде хочетъ удалить Клитемнестру отъ присутствія при совершеніи обряда. — Вотъ начало *завязки :* дѣйствительно ли будетъ Ифигенія принесена въ жертву? Все готово къ сему и не видно никакого препятствія! безпокойство и любопытство исполняютъ души зрителей.

Актъ II. Ерифила объявляетъ своей наперсницѣ о сдѣланномъ ей Оракуломъ

отвѣтѣ, изъ коего видитъ, что *не погибнувъ не можетъ узнать она, отъ какой происходитъ крови;* но все сіе ничто въ сравненіи съ несчастіемъ ея, происходящимъ отъ брака Ифигеніи съ Ахилломъ. Плѣнница любитъ его, и ревность такъ усиливается въ ней, что рѣшается даже вредить Ифигеніи, оказавшей ей благодѣяніе ходатайствомъ въ пользу ея у Ахилла. — Входитъ Агамемнонъ, сопровождаемый своею дочерью, на которую не можетъ взирать безъ скорби, и потому едва обращаетъ вниманіе на ея ласки.

Ифигенія.

Родитель, стонешь ты, готовы слезы течь:
На дочь бросаешь взоръ унылый и смущенный;
Безъ воли ль мы твоей оставили Микены?

Агамемнонъ.

Любовь моя къ тебѣ и днесь равно сильна,
Но премѣнилось все, мѣста и времена:
Сердечны радости долгъ скорбный омрачаетъ.

Ифигенія.

Забудь сей скорбный долгъ, тебя дочь обнимаетъ!

Подъ бременемъ заботъ, величья подъ ярмомъ,
Ужель единый мигъ не смѣешь быть отцомъ?
Царевну юную ты зришь передъ собою,
Предъ коею всегда хвалилась я тобою;
И обѣщая ей надежный твой покровъ,
Превозносила я твою ко мнѣ любовь!
Что скажешь, зря тебя и хладна и уныла?
Ужель напрасною надеждой ей польстила?
Иль радость на челѣ твоемъ не разцвѣтетъ?

Агамемнонъ.

Ахъ! дочь моя!....

Ифигенія.

Скажи—

Агамемнонъ.

Нѣтъ, силъ не достаетъ.

Ифигенія.

Погибните враги, рушители покою!

Агамемнонъ.

Ихъ гибель будетъ намъ горчайшихъ слезъ виною.

Ифигенія.

Потщатся боги дни родителя хранить!

Агамемнонъ.

Прогнѣванныхъ боговъ не въ силахъ я смягчить.

Ифигенія.

Калхасъ готовитъ здѣсь безсмертнымъ приношенье.

Агамемнонъ.

Да укротится ихъ ко мнѣ ожесточенье!

Ифигенія.

Но скоро ль онъ свершитъ?

Агамемнонъ.

Скорѣе чѣмъ хочу.

Ифигенія.

И я къ твоимъ мольбамъ гласъ сердца пріобщу!
Обрядъ сей можно ль зрѣть семьѣ твоей счастливой?

Агамемнонъ.

О горе!

Ифигенія.

Ты молчишь, и видъ и взоръ тоскливой.

Агамемнонъ.

Ты будешь тамъ, прости. . . .

Какое прискорбное и трогательное положеніе отца и дочери — какая душа не содрогнется при сихъ послѣднихъ словахъ! Ифигенія не знаетъ еще своего приговора, и потому не догадывается о причинѣ столь холоднаго обращенія съ нею Агамемнона. Между тѣмъ, что должно ей подумать и объ Ахиллѣ, который не представился еще нетерпѣливымъ ея взорамъ? она сообщаетъ грусть свою Ерифилѣ — какъ вдругъ входитъ Клитемнестра съ письмомъ, которое вручилъ ей Аркасъ, и въ которомъ увѣдомляетъ ее Агамемнонъ о (вымышленной нарочно для отвращенія пріѣзда ихъ) измѣнѣ Ахилла. Клитемнестра объявляетъ Ифигеніи о немедленномъ отъѣздѣ. Спасемъ, говоритъ она,

Спасемъ, о дочь моя, честь нашу оскорбленну.
Познай Ахиллову въ любви къ тебѣ премѣну:
Пренебрегая бракъ, чѣмъ могъ гордиться бъ онъ,
Дерзаетъ отлагать, чтобъ плыть подъ Иліонъ.

И потомъ обращается къ Ерифилѣ:

За нами слѣдовать тебя не приглашаю;
Въ пріятнѣйшихъ тебя здѣсь узахъ оставляю,
Всѣ замыслы твои проникнуть я могла:
Нѣтъ, не къ Калхасу ты въ Авлиду прибыла.

Ифигенія, почитая Ерифилу причиною Ахилловой перемѣны, дѣлаетъ ей жесточайшіе упреки. Входитъ Ахиллъ; въ первыхъ словахъ его изображается удивленіе о пріѣздѣ Ифигеніи въ Авлиду, но Ифигенія отвѣчаетъ ему съ отмѣннымъ равнодушіемъ:

Спокойся, государь, разсѣй напрасный страхъ;
Не долго будешь зрѣть меня на сихъ брегахъ.

И уходитъ. Изумленный Ахиллъ не понимаетъ, что значитъ сіе удаленіе. Онъ объясняетъ Ерифилѣ всю страсть свою къ Ифигеніи, и подозрѣніе на Калхаса, Нестора и Улисса, отклоняющихъ бракъ его, и спѣшитъ узнать сію тайну отъ самаго Агамемнона. Ерифила услышавъ, что Ифигенія дѣйствительно любима, приходитъ въ изступленіе, и даетъ себѣ клятву отмстить или умереть; впрочемъ нѣ-

которыя обстоятельства порождают въ ней надежду: она видитъ, что

Обманываютъ дочь, таятся отъ Ахилла,
Агамемнонъ унылъ. . . .

И такъ *завязка* совершенно образована, дѣйствіе приняло надлежащій ходъ. Безпокоиство объ участи Ифигеніи возрастаетъ. *Ты будешь тамъ!* сіи слова Агамемнона, кажется, поражаютъ еще слухъ зрителей.

Актъ III. Клитемнестра говоритъ Агамемнону:

Такъ, удалялись мы: уже мой правый гнѣвъ
Изъ стана влекъ меня, измѣнника презрѣвъ.
Оплакивать свой стыдъ стремились мы въ
Микены;
Но сей Ахиллъ, моимъ отъѣздомъ изумленный,
Поспѣшно насъ достигъ, въ неправдѣ убѣдилъ
И именемъ боговъ во станъ идти молилъ.
Не отлагаетъ бракъ, но ускорить желая,
Спѣшитъ къ тебѣ, любовь и гнѣвъ въ душѣ
питая,
Готовый потушить несправедливый слухъ
И лженавѣтника смирить продерзкій духъ.
Разсѣй, о Государь, мое недоумѣнье.

Агамемнонъ притворно изъявляетъ согласіе свое на бракосочетаніе; но приказываетъ Царицѣ отпустить къ олтарю одну Ифигенію, въ сопровожденіи прислужницъ. Клитемнестра полагая, что ему не хочется показать войску сестру Елены, соглашается исполнить его волю: она довольна счастіемъ своей дочери! входитъ Ахиллъ: радость, блаженство блистаютъ въ чертахъ его. Онъ говоритъ Клитемнестрѣ:

Благопріятно все желанью моему:
Атрида я узрѣлъ, все объяснилъ ему.
Онъ вѣритъ мнѣ, и рѣчь мою перерывая,
Супругомъ дочери нарекъ меня лобзая.
Какихъ, Царица, ты виною намъ отрадъ!
Какое счастіе ты принесла въ сей градъ!
Смягчилось небо къ намъ! Оракулъ предвѣщаетъ,
Что Грековъ онъ чрезъ часъ съ богами примиряетъ,
Что вѣтры и Нептунъ несутъ подъ Трою насъ,
Коль кровью жертвенной ихъ ублажитъ Калхасъ.

Всѣ ожидаютъ желанной минуты. Между тѣмъ Ифигенія представляетъ Ахиллу плѣнницу его Ерифилу и испрашиваетъ ей свободу. Является Аркасъ, присланный отъ

Агамемнона, и сказываетъ, что все готово, и самъ Агамемнонъ ожидаетъ Ифигенію у олтаря. . . Но какой ударъ, какая вѣсть ужасная!

Онъ ждетъ у олтаря дочь въ жертву принести.

Ахиллъ, Клитемнестра, Ифигенія, Ерифила, при сей неожидаемой перемѣнѣ судьбы ихъ, выражаютъ въ одномъ стихѣ различныя свои ощущенія:

Ахиллъ.

Онъ!

Клитемнестра.

Дочь!

Ифигенія.

Родитель мой!

Ерифила.

Какая вѣсть отрадна!

Клитемнестра упадаетъ къ ногамъ Ахилла, умоляетъ его быть покровомъ и защитою своей невѣсты:

.... Въ тебѣ она свой зритъ покровъ,
Супруга и отца и друга и боговъ....
Молю, пребуди здѣсь, береги мою ты дщерь,
Коварному отцу предстану я теперь.
Не выдержитъ онъ слезъ, не выдержитъ упре-
ковъ.
Другою жертвою пусть жрецъ искупитъ Гре-
ковъ!
Когда жъ не возмогу спасти я жизнь твою,
Пусть прежде, дочь моя, пронзаютъ грудь мою.

Ахиллъ намѣренъ защищать Ифигенію и отмстить Агамемнону за дѣлаемое ему оскорбленіе; но Ифигенія удерживаетъ его:

Ахъ, если, Государь, любима я тобою,
Когда не презришь ты невѣстиной мольбою,
Теперь любовь свою мнѣ долженъ доказать.
Жестокій сей, кого стремишься ты карать,
Сей врагъ смертельный твой, сей варваръ, сей
губитель,
Помысли, Государь, помысли—мой родитель!

Клитемнестру не допустили къ Агамемнону; она возвращается — повторяетъ мольбу свою—Ахиллъ отвѣчаетъ:

Дочь не умретъ твоя, могу я предвѣстить.
И вѣрь мнѣ, вѣрь, доколь я не престану жить,
Не дамъ свершить боговъ неправеднаго гласа.
Оракулъ сей вѣрнѣй оракула Калхаса.

Здѣсь узелъ трагедіи, такъ сказать, сжимается. Съ одной стороны Агамемнонъ твердо рѣшился принести Ифигенію въ жертву; это умножаетъ опасность его дочери и безпокойство зрителей. Съ другой стороны, она имѣетъ защитникомъ Ахилла. Но въ состояніи ли будетъ герой сей изхитить ее изъ челюстей смерти, когда есть на то повелѣніе боговъ и согласіе самаго Агамемнона?

Актъ IV. Ерифила, завидующая участію, принимаемому Ахилломъ въ ея соперницѣ, и опасаясь, чтобъ дѣйствительно не избавилъ онъ ее отъ смерти, рѣшается объявить всему воинскому стану какъ объ угрожающемъ опредѣленіи боговъ, такъ и объ оказываемыхъ оному препятствіяхъ, дабы возжечь чрезъ то раздоръ междоусобный.—Между тѣмъ Агамемнонъ, тщетно ожидавшій дочь свою у олтаря, требуетъ ее отъ Клитемнестры, и сія отвѣчаетъ:

. . . . Дочь моя идти съ тобой готова:
Но нѣтъ ли въ томъ тебѣ препятствія какова?

Агамемнонъ.

Мнѣ?

Клитеменестра.

Все ль устроила отцовская любовь?

Агамемнонъ.

Уже Калхасъ, жрецы и жертвенникъ готовъ:
Все мною сдѣлано, что долгъ повелѣваетъ.

Клитеменестра.

О жертвѣ ничего Атридъ мнѣ не вѣщаетъ?

Слова сіи составляютъ истинное *высокое* въ чувствованіяхъ! они раздираютъ сердце Агамемнона.

Наконецъ все объясняется. Уже онъ самъ рѣшительно говоритъ Ифигеніи:

. . . . Оракулъ строгій къ намъ,
Кровь чистую твою велитъ пролить богамъ! . . .
Умри, о дочь моя, умри моимъ рожденьемъ
И постыди боговъ безропотнымъ смиреньемъ.—
Иди. Да Греки всѣ, отъемля жизнь твою,
Подъ остріемъ меча познаютъ кровь мою.

Клитемнестра не можетъ удержаться отъ упрековъ; она изливаетъ оные въ ужаснѣйшихъ выраженіяхъ:

Ты рода не срамишь, достойный сынъ злодѣя:
Такъ, кровь я познаю Фіеста и Атрея.
Убійца дочери! насыться торжествомъ
И матерь угости кровавымъ пиршествомъ.
Злодѣй! такъ сей обрядъ, такъ сей-то бракъ
счастливый
Готовилъ хитрый духъ, сулилъ языкъ твой
льстивый?
Когда ты смерть ея, жестокій, изрекалъ,
Какъ ужасъ устъ твоихъ въ тотъ мигъ не оковалъ?
За чѣмъ притворствовать предъ нашими глазами?
Иль доказать любовь одними мнишь слезами?...
....
Нѣтъ, я не съ тѣмъ пришла, чтобъ дочерь видѣть мертву:
Иль принесете вы двойную Грекамъ жертву!
Безжалостный отецъ! свирѣпѣйшій супругъ!
Ты долженъ вырвать дочь изъ сихъ кровавыхъ
рукъ.
Приди, и не страшась ни вопля, ни проклятій,

Дерзни исторгнуть дочь изъ матернихъ объятій.

А ты, о дочь, иди; и сей внимая гласъ.

Покорствуй матери хотя въ послѣдній разъ.

Она уводитъ Ифигенію съ собою. — Нѣжность родительская возбуждается въ душѣ Агамемнона.... Пришедшій Ахиллъ говоритъ ему съ надменностію и даже съ угрозами; Агамемнонъ отвѣчаетъ ему со всемъ благородствомъ, и со всею величественностію, приличными главѣ Царей Греческихъ, и оканчиваетъ объявленіемъ, что *сѣ сего часа всѣ связи сѣ нимѣ прерываетѣ.* Раздраженный болѣе прежняго, но нѣсколько удерживающійся Ахиллъ, возражаетъ ему:

Благодари ту связь, что гнѣвъ мой укрощаетъ:

Ахиллъ отца своей невѣсты почитаетъ.

Быть можетъ, безъ того бъ, презорный Царь Царей,

Въ послѣдній разъ простеръ мнѣ дерзость сихъ рѣчей.

Внемли: сей нашъ раздоръ единымъ кончу словомъ:

Я поклялся своей невѣсты быть покровомъ.

До сердца, въ кое ты жадаешь ножъ вонзить,
Вотъ путь, по коему ты долженъ доступить.

Угрозы Ахилла еще болѣе утверждаютъ Агамемнона въ его намѣреніи: онъ зоветъ стражу — но уступаетъ чувствительности.

.....О тяжкое мученье!
Могуль произнести кровавое велѣнье!
Не самъ ли ты себѣ, жестокій, сердце рвешь?
Кто врагъ сей, коего имъ въ руки предаешь?
Тамъ матерь встрѣчу я и матерь непреклонну:
Она не выдастъ дочь на жертву беззаконну;
И воины, не столь свирѣпые, какъ я,
Почтятъ Цареву дочь въ объятіяхъ ея. —
Ахиллъ насъ пренебрегъ, Ахиллъ намъ угрожаетъ!
Но меньше ль дочерь мнѣ покорности являетъ?
Старается ль она укрыться олтарей
И стонетъ ли отъ золъ, грозящихъ смертью ей?
Но ахъ! къ чему влечетъ меня слѣпое рвенье!
Какое пролію надъ мертвою моленье?
Какой вѣнецъ побѣдъ меня возвеселитъ?
Что въ лаврахъ мнѣ, коль дочь ихъ кровью обагритъ! —
Пощусь мольбой смягчить боговъ во гнѣвѣ твердыхъ,

Ихъ болѣе себя найду я милосердыхъ.
Нѣтъ, должно дружеству, любови уступить
И сердоболія стыдомъ себѣ не чтить. . . .

Агамемнонъ намѣревается воспрепятствовать опредѣленію Оракула; онъ призываетъ къ себѣ Клитемнестру и Ифигенію, и приказываетъ имъ немедленно отправиться изъ стана, а самъ хочетъ упросить Калхаса отсрочить жертвоприношеніе до окончанія дня. Ерифила намѣрена увѣдомить Калхаса объ умыслѣ Агамемнона.

Узелъ болѣе и болѣе сжимается. Для зрителей блеснула надежда, и опять погрузила ихъ въ неизвѣстность: скроются ли Ифигенія и Клитемнестра прежде, нежели Ерифила увѣдомитъ Калхаса?

Актъ V. Все войско, узнавши о повелѣніи боговъ принести въ жертву Ифигенію, не допустило ее удалиться изъ стана, и требуетъ, чтобъ непремѣнно выдали ее Калхасу. Ахиллъ хочетъ увезти Ифигенію въ свой шатеръ и защитить ее противъ цѣлаго войска:

. . . . . Послѣдуй ты за мной.
Ни воплей не страшись, ни сей толпы народной,

Шумящей вкругъ шатра въ продерзости безплодной.
Явись—и предъ тобой, узря мое чело,
Разступится сихъ волнъ несмѣтное число....

Ифигенія не рѣшается за нимъ слѣдовать; она только желаетъ повиноваться отцу. Пришедшій въ изступленіе герой, намѣревается ниспровергнуть костеръ, умертвить жреца, поразить самаго Агамемнона; онъ идетъ, чтобы окружить жертвенникъ своими Фессалійцами. Ведутъ Ифигенію; Клитемнестру удерживаетъ стража — всѣ думаютъ объ одномъ только повиновеніи Калхасу.....

Здѣсь *узелъ* доведенъ до возможнаго совершенства. Безпокойство въ высочайшей степени. Найдетъ ли какое средство несчастная Ифигенія спастись отъ предстоящей смерти? можетъ ли одинъ Ахиллъ съ воинами своими противоборствовать столь многочисленному и отборному воинству? — Мы достигли наконецъ до того мѣста сей прекраснѣйшей трагедіи, гдѣ узелъ начинаетъ развязываться.

Улиссъ объявляетъ Клитемнестрѣ, что Ахиллъ, предводительствующій своими Фессалійцами, упорно защищалъ Ифи-

генію . . . уже тучи стрѣлъ свистѣли въ воздухѣ, уже лилася кровь воиновъ... какъ вдругъ Калхасъ, вдохновенный божествомъ своимъ, выходитъ на средину между сражающихся, и объявляетъ, что жертва, требуемая богами, есть другая Ифигенія, рожденная отъ тайнаго брака Тезея съ Еленою:

Подъ чуждымъ именемъ, неистовствомъ душевнымъ
И рокомъ посланну къ симъ берегамъ плачевнымъ,
Вы зрите здѣсь ее. Се внемлетъ мнѣ она!
И словомъ, ей-то смерть богами суждена....

Тотчасъ все войско обратило взоры на Ерифилу, которая, видя себя осужденною на смерть, схватываетъ священный ножъ и закалается.—Вотъ развязка!—слѣдующія за симъ слова принадлежатъ къ *совершенію* трагедіи. (См. *Совершеніе*).

Лишь только долъ земли сей кровью обагрился,
Надъ жертвенникомъ громъ трикратно прокатился;
Завылъ со свистомъ вѣтръ межъ чорныхъ облаковъ

И море шумомъ волнъ сугубитъ трескъ громовъ.
Брегъ стонетъ вдалекѣ біемъ кипящей пѣной,
Костеръ самъ воспылалъ огнями невозженной,
Развверзлись небеса со трескомъ громовымъ
И ужасомъ весь станъ исполнили святымъ.
Вѣщаютъ, что въ глазахъ чудящагося стана
На облакѣ къ костру спустилася Діана,
И съ дымомъ жертвеннымъ вознесшись къ небесамъ,
Зевесу понесла угодный фиміамъ.
Все радостно! одной Царевны взоръ унылый
Надъ прахомъ слезы льетъ враждебной Ерифилы.
Изъ рукъ Атридовыхъ приди ее принять,
Приди: Ахиллъ и онъ горятъ тебя обнять,
И оба дружествомъ спряженные взаимнымъ,
Спрягутся и родства союзомъ неразрывнымъ.

Клитемнестра.

Чѣмъ, боги щедрые, счастливѣйшая мать
За ваши благости возможетъ вамъ воздать!

Такъ оканчивается сіе, по мнѣнію многихъ Литтераторовъ, превосходнѣйшее твореніе Расина, и, вообще одно изъ лучшихъ произведеній трагическихъ. Ходъ сей трагедіи совершенно правиленъ. Пред-

метъ выраженъ съ ясностію. Узелъ и развязка натуральны. Занимательность возрастаетъ постепенно; ужасъ и сострадание терзаютъ души зрителей съ начала до конца представленія. Характеры разнообразны и выдержаны съ удивительнымъ искуствомъ. Словомъ сказать, упражняющiйся въ трагическомъ родѣ долженъ имѣть сію трагедію безпрестанно предъ глазами.

4. *Едипъ въ Афинахъ.* — Трагедія В. А. Озерова.

Дѣйствующіе: *Тезей*, царь Афинскій, *Едипъ*, бывшій царь Фивскій, *Антигона* дочь его, *Полиникъ* сынъ его, *Креонъ*, посланникъ Етеокла, царя Фивскаго, *Нарцесъ* наперсникъ Креоновъ, *Первосвященникъ* храма Евменидъ, вѣстникъ, жрецы, народъ, стража.—Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Афинской.

Актъ I. Начинается хоромъ, прославляющимъ благость Тезея, который въ то время выходитъ изъ своего шатра:

Какъ ясно солнце на восходѣ
Весной природу всю живитъ,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселитъ *и пр.*

Тезей повелѣваетъ принести жертву Евменидамъ—потребовавшимъ оной сверхъестественнымъ образомъ: ибо, по словамъ Тезея, въ минувшую ночь

Подземный громъ гремѣлъ
Мой царскій трясся домъ, во храмѣ огнь тускнѣлъ. . . .

Вѣстникъ объявляетъ о прибытіи Креона, посланника Фивскаго царя. — Креонъ разсказываетъ Тезею о враждѣ двухъ сыновъ Едиповыхъ, Етеокла и Полиника, изъ которыхъ послѣдній, пріявъ въ свою очередь правленіе надъ Фивами (они царствовали погодно) изгналъ своего родителя—и что по прошествіи назначеннаго срока народъ вручилъ державу навсегда Етеоклу; удалившійся же Полиникъ возбуждаетъ разные народы къ защищенію его и къ войнѣ противу Фивъ. — Креонъ упрашиваетъ Тезея быть защитникомъ сей земли, раздираемой междоусобіемъ и устрашаемой внѣшнимъ ополченіемъ.—Тезей отказываетъ.—Креонъ угрожаетъ, что послѣ паденія Фивъ, должны претерпѣть туже участь и Афины.

Тезей.

Нѣтъ, страхъ твой за меня, Креонъ, есть
страхъ напрасный!
Намъ замыслы царей союзныхъ неопасны;
Насъ побѣдить имъ *мысль мечтаться* *) не
могла.

Креонъ.

Но что удержитъ ихъ, Тезей?

Тезей.

Мои дѣла.

Креонъ.

Весь свѣтъ дивится имъ, они конечно славны:
Они же возродятъ и замыслы тщеславны,
Чтобъ безъ союзниковъ....

Тезей.

Мой мечъ союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ.
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество не можетъ и вселенна.

---

*) Выраженіе слишкомъ смѣлое.

Сильный, нравоучительный отвѣтъ! — Тезей приглашаетъ Креона въ храмъ Евменидъ; Креонъ соглашается и говоритъ потомъ *въ сторону*:

И можетъ быть найду удобный случай къ мести. *)

Сей актъ служитъ однимъ вступленіемъ къ трагедіи: онъ показываетъ только великодушный и добрый характеръ Тезея, и неудовольствіе на него Креона за отказъ въ помощи Фивамъ.

Актъ II. Показываются Едипъ и Антигона. — здѣсь-то надлежитъ замѣтить прекраснѣйшій отвѣтъ Едипа на слова Антигоны.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой! —
Ахъ! я Едипъ.

(Что можетъ быть разительнѣе сихъ краткихъ словъ? — Въ нихъ видна вся исторія сего несчастливца, убійцы своего отца, супруга своей матери.) . . . .

Какъ язва лютая отвсюду я гонимъ.

---

*) Въ сторону См. Час. I. стр. 295. въ ст. *Драматическій.*

Антигона утѣшаетъ его надеждою на пристанище въ Афинахъ.—Едипъ вспоминаетъ о своихъ неблагодарныхъ сынахъ, предсказываетъ ихъ бѣдствія, изъявляетъ признательность свою за любовь дочери, благословляетъ ее, и потомъ спрашиваетъ: *гдѣ мы?* Антигона отвѣтствуетъ:

Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ видѣнъ Евмениды.

Едипъ при сихъ словахъ приходитъ въ изступленіе:

Храмъ Евменидъ? увы! я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ,
Въ рукахъ змеи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы Геенны.

И обращаясь къ симъ фуріямъ, говоритъ:

Не вы ль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали,
Изъ вашихъ змей вѣнцы намъ брачные сплетали?

Въ безпамятствѣ онъ отталкиваетъ отъ себя утѣшающую его Антигону, принявъ ее за Полиника; потомъ, пришедъ въ себя, хочетъ войти въ храмъ Евменидъ; но съ

его приближеніемъ двери онаго растворяются и народъ стремительно изъ храма выходитъ. Едипъ, удовлетворяя любопытству Афинянъ, объявляетъ о своемъ имени. Едипъ, повторяетъ хоръ,

Едипъ! увы, какой бѣдою
Грозитесь небеса на здѣшнюю страну?
Сей беззаконникъ за собою
Влачитъ иль гладъ, иль моръ, иль алчную войну.

Афиняне принуждаютъ его оставить ихъ землю; но приходитъ Тезей, и предлагаетъ несчастному убѣжище въ своихъ чертогахъ, обѣщая защиту и покровительство. Едипъ, услышавъ, что тутъ находится Креонъ, хочетъ освѣдомиться отъ него о своихъ сыновьяхъ:

Въ отечествѣ ль они? на царскомъ ли престолѣ?
Ахъ! нѣтъ, не говори, не дѣти суть мнѣ болѣ;
Не дѣти, изверги. —

Проситъ боговъ, чтобъ они скрыли отъ дѣтей то мѣсто, гдѣ будетъ находиться прахъ его, и наконецъ вопрошаетъ:

Благоволите ли во областяхъ Тезея
Назначить мрачный гробъ невиннаго злодѣя?
Отвѣтствуйте. . .

При семъ словѣ раздается подземный громъ. Отвѣтствуйте, продолжаетъ, Едипъ — и громъ ударяетъ сильнѣе. Первосвященникъ приглашаетъ Тезея и народъ во храмъ, гдѣ богини мщенія хотятъ объявить судьбы свои. Тезей повелѣваетъ Едипу успокоиться въ его шатрѣ. Оставшійся *Креонъ* говоритъ *Нарцесу:*

. . . . Мстить гордому Тезею
Удобный случай я, Нарцесъ, теперь имѣю.
Пойду, пойду во храмъ оракулу внимать;
Ты воиновъ моихъ спѣши къ шатру собрать.

И такъ, что скажутъ Евмениды? можетъ ли Едипъ найти убѣжище у Тезея? какіе замыслы имѣетъ Креонъ и какимъ образомъ хочетъ отмстить Тезею?—узелъ завязывается, любопытство зрителей возраждается.

Актъ III. Креонъ объявляетъ Нарцесу, что намѣренъ возвратить Едипа въ Фивы...

Нарцесъ.

Какія, государь, я зрю въ тебѣ премѣны!
Не ты ли былъ виной изгнанію его?

Креонъ.

Я самъ: онъ изгнанъ сталъ съ совѣта моего.

Нарцесъ.

Почтожъ теперь его желаешь возвращенья?

Креонъ.

Чтобы усугубить Едиповы мученья.
Тезею гордому достойно отомстить
И къ трону Фивскому мнѣ новый шагъ ступить.

Потомъ разсказываетъ, что Евмениды требуютъ жертвы отъ царской крови, и что по принесеніи оной обѣщаютъ Фивамъ спокойствіе, и сверхъ того

Тогда Едипа рокъ преслѣдовать престанетъ,
И гробъ его тогда побѣдъ залогомъ станетъ
Для той страны, гдѣ жизнь скончаетъ сей слѣпецъ.

Креонъ въ слѣдующихъ стихахъ объясняетъ и причину ненависти къ Едипу, и коварные поступки свои съ дѣтьми его и будущія свои намѣренія:

Я долженъ былъ владѣть въ отеческой странѣ
Вѣнцемъ, о коемъ брань его ведутъ днесь чада.
По смерти Лаія, я долженъ былъ отъ града

Быть избранъ на престолъ и Фивскій скиптръ принять;
Пришелъ Едипъ, чтобъ скиптръ изъ рукъ моихъ отнять
И беззаконный родъ взвести на тронъ съ собою.
И я вѣнца лишенъ враждебною судьбою,
Къ Едипу ненависть въ душѣ запечатлѣлъ,
Подъ лестью пагубной ее сокрыть умѣлъ.
Къ страстямъ дѣтей его совѣтъ мой примѣнивши,
Тщеславье воспламеня, природу усыпивши,
Въ ихъ души поселилъ полезный мнѣ раздоръ.

. . . .

Теперь настали дни собрать коварствъ плоды.
Едипа возвратя въ отеческія стѣны,
Разсѣю хитростью между гражданъ измѣны;
Въ царѣ всѣ будутъ зрѣть гонителя отца,
Во мнѣ защитника несчастнаго слѣпца,
Котораго извлекъ изъ здѣшнихъ мѣстъ я силой,
Чтобъ въ Фивахъ утвердить Едиповой могилой
Побѣду навсегда по словесамъ боговъ.
Оракулъ случай дастъ губить моихъ враговъ.
Пусть въ храмѣ жертвою падетъ здѣсь Антигона;
Ея пусть братія, желая Фивска трона,

Другъ друга погубятъ кровавою войной,
И мертвые падутъ подъ нашею стѣной.

Онъ предлагаетъ Едипу возвратиться въ Фивы, оставя Антигону въ Афинахъ, потому что законы, за удаленіе съ отцомъ, *пресѣкли ей возвращеніе* въ ея отчизну. Едипъ сказавъ, что прахомъ своимъ онъ даритъ Афины, произноситъ потомъ слѣдующіе прекрасные стихи:

О верхъ прискорбія! несчастье безпримѣрно!
Теперь я чувствую, униженъ какъ безмѣрно.
Съ терпѣньемъ, долженъ былъ словамъ твоимъ внимать,
Безсиленъ будучи за дерзость наказать.
Не удивляюсь я жестокому закону,
Которымъ вы отъ Фивъ отвергли Антигону!
Ужасенъ варварствомъ, безчеловѣченъ онъ,
И града вашего достоинъ сей законъ:
Чтобъ за священный долгъ, за долгъ свершенный ею,
Опредѣлить ей казнь, приличну лишь злодѣю.
Но ты, Креонъ, но ты, жестокій человѣкъ!
Мнѣ предложеніе какое ты изрѣкъ?
Чтобы разстался днесь я съ дочерью моею,
Съ единымъ благомъ, чѣмъ я на землѣ владѣю,

Съ моей опорою, съ отрадой мнѣ одной,
Противъ отчаянья оставленной судьбой.
Тѣснѣе связанъ съ ней, чѣмъ узами рожденья;
Я узломъ съединенъ ея благотворенья.
Въ ней зрю не только дочь, она мнѣ мать, отецъ,
Сестра, и другъ, и все, что мило для сердецъ;
И все, чего меня злодѣйства, рокъ, безсмертны,
Неблагодарный градъ, сыны жестокосердны,
Лишили наконецъ изгнаніемъ изъ Ѳивъ;
Я ею лишь дышу, я ею только живъ,
И ты разстаться съ ней мнѣ, варваръ, предлагаешь?
Терзать меня, увы! какъ ты искуство знаешь.
Нѣтъ, лучше бы, злодѣй, извлекши острый мечъ,
Не дрогнувъ жизнь мою стремился ты пресѣчь,
Чѣмъ смѣть мнѣ предлагать толь горестну разлуку.
Приди, о дочь моя, приди, подай мнѣ руку,
Дай мнѣ увѣриться, что я еще съ тобой,
Склони главу ко мнѣ и сердце успокой!
Нѣтъ, смертію одной мы будемъ разлученны.

По гласу Креона входятъ воины и разлучаютъ Едипа съ Антигоною. — Антигона въ отчаяніи; есть громы, говоритъ она,

Есть громы...но въ сей часъ на небѣ тишина!
Есть боги...и земля злодѣямъ предана!

Тезей, по ея словамъ, устремляется съ воинами своими въ погоню за похитителемъ.

Актъ IV. Начинается тѣмъ монологомъ Антигоны, о которомъ говорится въ статьѣ *Драматическій.* См. часть I. стр. 293.

Является Полиникъ. — Мой братъ! вскричала Антигона, и бросилась въ его объятія. — Явленіе сіе заслуживаетъ какъ по содержанію своему, такъ и по слогу, подробнѣйшей выписки:

Полиникъ.

Сестра! се ты ль въ объятіяхъ моихъ?
Увы! твой злобный братъ причиной бѣдъ твоихъ,
И ты какъ изверга меня не убѣгаешь?
Ты слезы льешь, молчишь и брата обнимаешь.

Антигона.

Ахъ! ты подобно мнѣ въ несчастье нынѣ впалъ!
Я забываю все.

Полиникъ.

Такъ, такъ и братъ твой сталъ
Изгнанникомъ изъ Фивъ; но не тебѣ подобно.
Съ твоею ли душой сравнится сердце злобно?
Могуль судьбу свою, какъ ты, спокойно несть?
Твое изгнаніе твоя есть слава, честь,
Утѣха сладостна и радости сердечны.
Но я, жестокій братъ и сынъ безчеловѣчный,
Изгнаніе терплю, какъ казнь достойну мнѣ.
Ты дни свои ведешь въ всегдашней тишинѣ
Ночь сладкое несетъ тебѣ успокоенье,
Твой осѣняетъ сонъ отца благословенье
И безтревожны въ ночь невинныя сердца.
Но я, отягощенъ проклятіемъ отца,
Терзаюсь въ день страстьми, и злобой, и отмщеньемъ
Тоской разкаянья и совѣсти мученьемъ;
А въ ночь, въ ночь темную, когда окрестъ меня
Земля покоится, молчаніе храня,
Съ звѣрями хищными и съ птицами ночными
Одинъ бесѣдую стенаньями моими.
Мечты отъ глазъ моихъ не убѣгаютъ прочь.
Ахъ, для злодѣевъ, какъ страшна, ужасна ночь!
Конечно я на зло назначенъ отъ рожденья:
Кляня злодѣйство стремлюсь на преступленья;

Съ губительнымъ мечемъ, и съ пламенемъ въ рукахъ,
Иду въ отечество, несу пожаръ и страхъ,
Союзниковъ моихъ веду съ собою силу,
Чтобъ Фивскому Царю изъ стѣнъ сложить могилу.

Полиникъ проситъ сестру, чтобъ она примирила его съ отцемъ:

Ахъ, сжалься надъ моимъ несноснѣйшимъ мученьемъ!
Будь мнѣ заступницей, и грусть моей души
Родителю представь и живо опиши.
Чтобы дозволилъ мнѣ передъ него явиться,
Услышать гласъ его, симъ гласомъ насладиться,
Чтобъ на челѣ его я милость могъ узрѣть,
Илибъ у ногъ своихъ онъ далъ мнѣ умереть.
Но шумъ...отецъ идетъ... о зрѣлище плачевно!
Иду, бѣгу, чтобъ скрыть смущеніе душевно.

Креонъ, увидѣвъ за собою погоню, оставилъ Едипа, чтобы однему поспѣшнѣе уйти. Тезей за нимъ слѣдуетъ.—Ни прозьбы Антигоны, ни разкаянье, ниже обѣщаніе Полиника возратить престолъ, не могли преклонить Едипа на примиреніе. Онъ говоритъ Полинику:

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не *я* ль оставилъ самъ, не *я* ли вамъ вручилъ?
Не *я* ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть; изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ;
Зри ноги ты мои скитавшись изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою лишенную волосъ,
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ.
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ куда главу несчастну преклонить,
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Весь видѣлъ свѣтъ твои злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ, усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата.

Но тамъ, у Фивскихъ стѣнъ не тронъ тебѣ
готовъ;
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ Фивскихъ областей, удѣлъ тебѣ сужден-
ный,
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сражен-
ный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обы-
метъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ,
И подданныхъ твоихъ стрегущихъ домы псовъ.*)
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье;
Всѣхъ васъ я чуждъ, мнѣ дочь семья и утѣшенье.

Но несчастному Едипу приготовляется новое бѣдствіе. Пришедшій Афинянинъ объявляетъ ему, что

Народъ день цѣлый ждавъ Тезея возвращенья,

---

*) Неправильная разстановка словъ дѣлаетъ стихъ сей неяснымъ; надлежало бы сказать: *и псовъ, стрегущихъ домы твоихъ подданныхъ.*—Геній знаменитаго Озерова проститъ намъ сіе замѣчаніе.

Возсталъ противъ тебя, наполненъ градъ смущенья,
Тебя чтутъ бѣдъ виной, твой проклинаютъ родъ,
И дочери твоей весь требуетъ народъ.
Ты слышишь ли сей шумъ? окружены чертоги,
Весь городъ вопіетъ:,, разгнѣванны суть боги;
,,Чтобъ умолить ихъ гнѣвъ и отвратить напасть,
,,Едипа дочь должна во храмѣ жертвой пасть.

Едипъ.

Имѣтель, Судьбы, еще какія кары?
Я мнилъ, что мною всѣ истощены удары,
И новый вознесенъ надъ скорбною главой!
О дочь! увы! могуль разстаться я съ тобой?
Останусь убогъ, совсемъ осиротѣю....
Ты плачешь?.... я и слезъ ужъ болѣ не имѣю.

Возможно ли при такомъ стихѣ не остановиться! *Я и слезъ ужъ болѣ не имѣю:* какая простота, но какъ поражаетъ она душу! — это образецъ *высокиго* въ чувствованіяхъ!

Антигона.

Увы! я слезы лью не о моей судьбѣ:

Я смерти не страшусь и плачу о тебѣ

Народъ врывается въ двери.

Полиникъ бросается къ народу

Не совершится, нѣтъ, сей замыслъ ихъ ужасный,
Доколѣ я дышу....

Едипъ, его останавливая.

Что можешь ты, несчастный?

Едипъ проситъ Афинянъ, чтобъ и его вели на жертву вмѣстѣ съ дочерью: ихъ уводятъ.

Актъ V. Полиникъ проситъ Первосвященника принесть его на жертву Евменидамъ, и вотъ какъ онъ себя описываетъ:

Я тотъ Едиповъ сынъ, тотъ злобный Полиникъ,
Врагъ подданныхъ своихъ, отечества губитель,
Виновникъ бѣдъ сестры, кѣмъ изгнанъ былъ родитель,
Кѣмъ угрожаемъ братъ, и тотъ я наконецъ,
Надъ чьей главой изрекъ проклятіе отецъ.

Первосвященникъ не принимаетъ въ жертву главы, преданной проклятію. —

Антигона, готовая исполнить требованіе Евменидъ, проситъ Афинянъ, чтобъ

не оставили отца ея. Едипъ благословляетъ ее и обращается къ народу:

Народъ, который былъ всегда великодушенъ!
Ты добродѣтелей въ ней совершенство зришь,
И сердце ли сіе ты смертью поразишь?
Ужель межъ вами нѣтъ отцовъ чадолюбивыхъ,
Сердецъ чувствительныхъ и смертныхъ справедливыхъ,
Чтобъ видѣть, чувствовать и убѣжденнымъ быть,
Что кровь невинную рѣшившися пролить,
Вы оскорбляете сей храмъ, боговъ, природу,
И призываете безсмертныхъ казнь народу.
Коль съ гробомъ вамъ моимъ побѣда суждена,
Коль кровію спастись должна сія страна.
Пролейте кровь мою: ужъ я давно, какъ мертвый,
И Фуріи меня блюли себѣ для жертвы.

Антигона.

Ахъ, дай мнѣ смертію твой изкупить покой.

Едипъ.

Невинна кровь тому не можетъ быть цѣной

Онъ приказываетъ Первосвященнику вести его на смерть; но, говоритъ,

Но дай, позволь почтить послѣднимъ цѣлованьемъ
Тотъ мечь, которымъ я разстанусь съ страданьемъ.

Первосвященникъ принявъ мечь, который одинъ изъ жрецовъ держалъ на блюдѣ, хочетъ вручить оный Едипу; но Полиникъ вырываетъ изъ рукъ его.

За нужное почитаемъ помѣстить слѣдующій разговоръ Полиника съ Едипомъ: съ какимъ искуствомъ авторъ изображаетъ въ немъ разкаяніе! Полиникъ, вырывая мечь изъ рукъ Первосвященника, говоритъ:

Подай сей мечь, подай, онъ мнѣ принадлежитъ.

Первосвященникъ.

Какой, о Полиникъ, злой замыслъ въ сердцѣ скрытъ?

Едипъ.

О Полиникъ! ты здѣсь? пришелъ ли ты ругаться
Моею смертію и ею наслаждаться?

Или уже ничто, ни часъ плачевный сей,
Ни вѣры торжество, ни святость олтарей,
Не сильны удержать твой ярый духъ и злобу?

Полиникъ.

Твой сынъ пришелъ сюда искать путей ко гробу.
Проклятьемъ отягченъ, отверженный тобой,
Гнушаюсь жизнью я, гнушаюсь я собой.
Коль смерти не даютъ разгнѣванные боги,
То пусть ко смерти мнѣ откроетъ мечь дороги.

Едипъ.

Самоубійствомъ ли ты осквернишь сей храмъ?

Полиникъ.

Въ отчаяньи оно едино средство намъ.

Едипъ.

Какимъ неистовствомъ твой нынѣ духъ встре-
вожень?

Полиникъ.

Безчеловѣченъ былъ, пусть буду и безбоженъ.
Такъ, здѣсь у ногъ твоихъ я совершу ударъ,
И кровь проливъ, тебѣ я возвращу твой даръ.

Жестокостью своей знавъ сына умерщвленнымъ,
Ступай потомъ къ богамъ путемъ окровавленнымъ.

Упадаетъ къ ногамъ Едипа.

Едипъ.

Иль всѣ возможныя я бѣдства соберу?
Возстань несчастнѣйшій....

Полиникъ.

Не встану, но умру.

Едипъ.

Ахъ! если бы тебя разкаянье терзало!

Полиникъ.

Чѣмъ сердце бы инымъ жестоко толь страдало?
Разкаянье въ душѣ... Ахъ! что я говорю?
Оно въ крови моей: снѣдаемъ имъ, горю!
И Фурій мстительныхъ терзающія руки,
Ихъ змѣи, ихъ бичи, ничто противъ сей муки,
Ничто въ сравненіи и весь ужасный адъ.

Антигона.

Родитель! вспомни ты, что Полиникъ мнѣ братъ;
Внимай, какъ въ истинномъ разкаяньи стенаетъ.

Единъ.

Возстань, несчастный сынъ, отецъ тебя прощаетъ. . . .

Онъ вручаетъ Полинику сестру его, и потомъ идетъ для принесенія себя въ жертву.

И такъ любопытство и сострадание зрителей восходятъ здѣсь на высочайшую степень. Все клонится къ тому, что Единъ лишенъ будетъ жизни; но Тезей, сопровождаемый обезоруженнымъ Креономъ, останавляетъ народъ—Единъ, Антигона и Полиникъ объявляютъ желаніе свое умереть другъ за друга, и для спасенія Афинъ. Нѣтъ, не умрете вы, говоритъ Тезей. . .

Безсмертнымъ кровь невинна, благородна,
Для жертвы никогда не можетъ быть угодна.
Креонъ одинъ возмогъ небесъ возставить гнѣвъ.

При сихъ словахъ раздается сильный громъ. Первосвященникъ именемъ боговъ подтверждаетъ сей приговоръ, Креона уводятъ: молнія поражаетъ Креона, вошедшаго во внутренность храма.—Первосвященникъ возвѣщаетъ о его смерти, присовокупляя сіе нравоученіе:

Но вы, Цари, народъ, въ день научитесь сей,
Что боги въ благости и въ правдѣ къ намъ своей,
Невинность милуютъ, разкаянью прощаютъ,
И къ трепету земли безбожниковъ караютъ.

Такимъ образомъ оканчивается сія трагедія, имѣющая всѣ потребныя достоинства. Ходъ въ ней натураленъ, состраданіе возрастаетъ постепенно, развязка непредвидима; слогъ вездѣ силенъ, благороденъ, плавенъ--цѣль нравоучительна! Образцы слога трагическаго могутъ видѣть читатели, какъ въ сихъ разборахъ, такъ и въ помѣщенной предъ оными исторіи нашей трагедіи.

ТРАГИЧЕСКІЙ. Имѣющій свойства трагедіи: *трагическій* слогъ, *трагическая* сцена; также *трагическій* писатель, *трагическій* актеръ....

ТРЕНИЧЕСКІЙ. Слово Греческое, отъ τρεῖν, трепетать, бояться.—См. *Елегія.*

ТРИВРАХІЙ. Стопа изъ трехъ краткихъ слоговъ состоящая, на пр. въ словахъ anima, legere, dominus, θέλετε, или какъ въ Русскомъ словѣ *оставшіеся* выговариваютъ-

ся три послѣднихъ слога. Отъ *τρεῖς* три, *βραχύς* краткій.—Тривраxію противоположенъ *Молоссъ*. См. сіе слово.

ТРИГЕМИМЕРЪ. Semiternarius, имѣющій половину трехъ частей, или находящійся среди трехъ частей: изъ *τρεῖς* три: *ἥμισυς*, половинный и *μέρος* часть. Такъ называется *цезура*, находящаяся среди трехъ первыхъ стопъ стиха, то есть, дѣлающая первую половину второй стопы, на пр:

Arma vi*rum*que cano. . . . .

См. *Еннеемимеръ*, *Гефтемимеръ*.

ТРИМАКРЪ. См. *Молоссъ*.

ТРИМЕТРЪ. *Трехмѣрный* стихъ. У древнихъ Ямбическіе шестистопные стихи назывались *Триметрами*; ибо въ каждомъ *метрѣ* считалось у нихъ по двѣ стопы; на пр:

Adest' iam|-be praepes et| tui tenax.

вмѣсто

Ade|st' iam|-be prae|-pes et|tui| tenax.

ТРІОЛЕТЪ. Сочиненіе, принадлежащее къ новѣйшей поэзіи: состоитъ изъ осьми стиховъ, въ которыхъ два первые

должны быть употреблены такимъ образомъ, чтобъ четвертый стихъ былъ повторенiемъ перваго, а седьмой и осьмой повторенiемъ обоихъ. Какъ сей родъ стиховъ принадлежитъ Французамъ, то за нужное почитаемъ показать здѣсь и образецъ Французскiй, написанный Скарроиомъ; въ немъ можно видѣть и правила Трiолета:

Pour faire un fort bon triolet,
Il faut observer ces trois choses:
Sçavoir que l'air en soit follet
Pour faire un fort bon triolet.
Qu'il entre bien dans le rollet,
Et qu'il tombe au vrai lieu des pauses:
Pour faire un fort bon triolet,
Il faut observer ces trois choses.

На Русскомъ языкѣ *Трiолеты* пишутся четырехстопными Ямбическими стихами; но можетъ быть употребленъ и Хорей.

Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ,
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ:
Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ,
Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!

Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ.
Когда же злость ея узналъ....
Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!
Вздохнувъ я самъ себѣ сказалъ.

Карамзинъ.

Какъ годъ тебѣ еще свершится—
Опасна будешь ты сердцамъ!
Съ свободой не одинъ простится,
Какъ годъ тебѣ еще свершится....
Блестящимъ прелестямъ курится
На свѣтѣ вѣчно фиміамъ. —
Какъ годъ тебѣ еще свершится —
Опасна будешь ты сердцамъ.

Кн. Шаликовъ.

ТРИСТОПНЫЙ. Стихъ, имѣющій три какія либо стопы. Примѣры можно видѣть въ описаніи стопъ Анапеста, Дактиля, Хорея и Ямба.

ТРОПЪ. Тропомъ называется въ Риторикѣ употребленіе слова въ переносномъ, обратномъ или несобственномъ значеніи, какъ на пр: луга *смѣются*, небо звѣздами *разцвѣтаетъ*, сердце *каменное* и пр.

Тропы раздѣляются на тропы *реченій* и *предложеній*.

Тропы реченій состоятъ въ пренесеніи *одного слова* отъ собственнаго знаменованія къ другому; ихъ считается шесть: Метафора, Синекдоха, Метонимія, Антономазія, Катахризисъ и Металепсисъ. *См. сіи слова.*

Тропы предложеній состоятъ въ пренесеніи *цѣлаго предложенія* отъ собственнаго знаменованія къ другому. Сіи суть: Аллегорія, Парафразисъ, Емфазисъ, Ипербола, Иронія, *См. сіи слова.* Послѣдніе называются иногда фигурами.

Тропъ слово Греческое: *τϱοπος* оборотъ происходитъ отъ *τϱεπω* верчу.

ТРОХЕЙ то же, что Хорей: стопа, состоящая изъ двухъ слоговъ-долгаго и краткаго. См. *Хорей.* Нѣкоторые производятъ слово сіе отъ *τϱοχιὰ*, бѣгу.

У.

УДЕРЖАНІЕ. Reticentia, Aposiopesis. Въ Ригпорикѣ, фигура реченій; состоитъ въ выпущеніи одного или многихъ словъ, необходимыхъ въ предложеніи по словосочиненію, но оставляемыхъ по извѣстности мысли, которую бы они выражали; почему фигуру сію можно иначе назвать *выпускомъ.*—На пр. обыкновенно говорятъ: *добраго дня*, г. м! вмѣсто: *желаю добраго дня.* —У Виргилія говоритъ Нептунъ вѣтрамъ: *я васъ!... но прежде успокою волны;* здѣсь выпущено слово *накажу* или другое подобное. — Однакожъ надлежитъ наблюдать, чтобы такія *выпуски* не затмѣвали смысла.

У новѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ фигура сія въ большомъ употребленіи:

Услышалъ брани гласъ.... и тотчасъ на коня!

N. N.

Жуковскій въ стихотвореніи *Пѣвецъ на Кремлѣ* нѣсколько разъ ею воспользовался:

На Кремль! на Кремль, и старъ и младъ!

. . . . . .

Тебѣ Россію, Царь земли!

. . . . . .

Тебѣ спасительную рать!
 Тебѣ вождей спасенья!
 . . . . . .
Друзья! съ молитвою объ немъ,
 О старцѣ, о великомъ!
 . . . . . .
Тебѣ Россія вѣрныхъ чадъ,
 Подпоръ могущихъ трону!
О! какъ ихъ двигнулъ Царскій взглядъ
 Отчизнѣ въ оборону!
Летятъ! огню дома, поля!
 Перунамъ грудь и длани: *и пр.*

УЗЕЛЪ. См. *Завязка.*

УЗНАНІЕ. Въ Епической и Драматической поэмахъ часто случается, что представляемое лице или само себя не знаетъ, или не знаетъ того, съ которымъ находится въ дѣйствіи; и та минута, въ которой приобрѣтаетъ оно сіе познаніе о самомъ себѣ или о другомъ, называется *узнаніемъ*, Reconnaissance. Такъ въ Тассовой поэмѣ Танкредъ *узнаетъ* Клоринду, смертельно ее поразивши; въ Вольтеровой Генріадѣ *д'Альи* узнаетъ сына по умерщвленіи его собственною рукою; Ифигенія узнаетъ брата своего Ореста *и проч.*

Узнаніе бываетъ разныхъ родовъ.—См. *Трагедія*. стран. 291.

Должно ли *узнаніе* немѣдленно произвести *переворотъ* въ какой бы то ни было поэмѣ?—Мармонтель говоритъ, что ежели переворотъ производитъ изъ счастія несчастіе, то, дабы сильнѣе поразить насъ, долженъ быть стремителенъ; если же напротивъ того, переворотъ пораждаетъ изъ несчастія благополучіе, и когда *узнаніе* соединяетъ несчастныхъ взаимно другъ друга любящихъ (какъ въ Меропѣ и въ Ифигеніи), то происшествію надлежитъ нѣкоторое время быть въ нерѣшимости—особенно въ трагедіи. Тогда поэтъ обязанъ посредствомъ самаго *узнанія* подвергнуть представляемыя имъ лица новымъ опасностямъ, ежели не ужаснѣйшимъ прежнихъ, по крайней мѣрѣ могущимъ болѣе тронуть сердца наши.

Въ Комедіи происходитъ отъ *узнанія* множество смѣшныхъ приключеній, на примѣръ: когда старой ревнивецъ уступаетъ по ошибкѣ сопернику свою возлюбленную, и *узнаетъ* о томъ тогда уже, какъ не можно того поправить; или когда молодой повѣса непрежде *узнаетъ* соперника своего, какъ уже разсказавши ему

все, что сдѣлалъ, и что сдѣлать хочетъ *для* исполненія своего намѣренія; *и пр.*

УКАЗАНІЕ. Въ Риторикѣ фигура реченіи. Состоитъ въ томъ, когда сочинитель о вещи, въ словѣ его упоминаемой, говоритъ такъ, какъ бы дѣйствительно предъ глазами его находилась, и прямо на нее указываетъ; при семъ употребляются указательныя реченія: *се*, *вотъ*, *воззри*, *смотри*, *здѣсь*, *тамъ* и проч.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ міръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря.
Ломоносовъ.

А ты, гремѣвшая со трона
Любимица самихъ боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Воззри на цвѣтъ своихъ сыновъ:
Се вѣютъ шлемы ихъ пернаты,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена,
Се ихъ покрыты пылью латы,
На коихъ кровь еще видна:
Воззри! се идутъ въ ратномъ строѣ....
Дмитріевъ.

См. *Ипотипозисъ* въ ст. *Описаніе.*

УКРАШЕНІЕ. Ornatus. Въ Риторикѣ *украшеніемъ* называется изображеніе изобрѣтенныхъ мыслей пристойными и избранными реченіями. Состоитъ въ чистотѣ слога, въ теченіи слова, въ великолѣпіи и силѣ онаго. Чистота слога зависитъ отъ основательнаго знанія языка, отъ чтенія книгъ церковныхъ и хорошихъ свѣтскихъ. Чрезъ теченіе слова разумѣется здѣсь то, что у Латинянъ называется *Numerus oratorius*: оно состоитъ въ порядочномъ и пріятномъ расположеніи буквъ, складовъ, реченій и періодовъ, по ихъ произношенію, ударенію и мѣрѣ. Къ великолѣпію слова способствуютъ *тропы* и *фигуры*.

УМОЛЧАНІЕ или *прерваніе*, Abruptio.— Фигура мыслей или предложеній; состоитъ въ томъ, когда сочинитель внезапно прерываетъ начатую имъ рѣчь, и предоставляя другимъ догадываться о томъ, что имъ умолчано, обращается къ другому предмету. На пр:

У Дмитріева говоритъ Чижъ Зяблицѣ:

Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко.... Но солнце вдругъ
сокрылось. *и пр.*

или

У Княжнина говоритъ Дидона, получившая письмо отъ Енея:

Онъ хочетъ, можетъ быть, Дидону испытать....
Онъ, можетъ быть.... прочтемъ *и пр.*

УМѢДЛЕНІЕ. Sustentatio. Въ Риторикѣ фигура предложеній; состоитъ въ томъ, когда полагаются напередъ неважныя, а иногда и противныя мысли, и потомъ вдругъ выводится настоящая матерія, дабы такою нечаянностію привести слушателей, или читателей, въ большее восхищеніе. *На пр:* у Пушкина въ поэмѣ *Русланъ* и *Людмила:*

....И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ за вѣтвей

Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная Княжна,
Но втайнѣ думаетъ она:
„Вдали отъ милаго, въ неволѣ
За чѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ—
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ! —„
Подумала — и стала кушать.

УПОДОБЛЕНІЕ. См. *Подобіе.*

УСТУПЛЕНІЕ *или Признаніе*, concessio. Фигура предложеній. Состоитъ въ томъ, когда сочинитель нѣчто уступаетъ и какъ бы соглашается на противное, и изъ того выводитъ что нибудь важнѣе уступленнаго. *На пр:*

Такъ точно! въ продолженьи дня
Ты можешь и продать и выкупить меня!
Въ проворствѣ всякъ тебѣ уступитъ.

Я самъ ручаюсь головой,
Что въ цѣлой вѣкъ того не сдѣлать мнѣ съ тобой: —
Тебя никто не купитъ.

N. N.

УСУГУБЛЕНІЕ. Въ Риторикѣ, фигура реченій—повтореніе одного слова дважды или трижды съ присовокупленіемъ къ послѣднему сильнѣйшей мысли. Сіе бываетъ:

1.) Когда слово въ началѣ или въ срединѣ предложенія повторяется непосредственно; epizeuxis:

Низвержется, *падетъ*; *падетъ*, и не возстанетъ.

Сумароковъ.

А ты, лежащій на цвѣтахъ
Межъ Нимфъ и сельскихъ Грацій,
Пѣвецъ веселія Горацій!
Ты сладостно *мечталъ*,
Мечталъ среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ....

Батюшковъ.

2.) Когда слово повторяется чрезъ одно или чрезъ нѣсколько реченій; Anadiplosis:

Глаголъ временъ, металла звонъ!

Твой страшный гласъ меня смущаетъ!
Зоветъ меня—*зоветъ* твой стонъ—
Зоветъ—и къ гробу приближаетъ.

Державинъ.

3.) Когда слово повторяется въ началѣ и на концѣ періода; Epanalepsis:—См. фигуру *Повтореніе*, которая во многихъ случаяхъ имѣетъ одинакій видъ съ *усугубленіемъ.*

Ф.

ФАЛЕХОВЪ стихъ. Carmen Phaleucium. Въ Греческой и Латинской поэзіи означается симъ именемъ особенный родъ стиховъ, состоящихъ изъ пяти стопъ, которыхъ расположеніе бываетъ такое: первая содержитъ *Спондей*, вторая *Дактиль*, а въ трехъ послѣднихъ заключается *Хорей:*

— — | — ◡ ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡ |.

Полагаютъ, что сіе названіе произошло отъ Изобрѣтателя оныхъ стиховъ *Фалеха*, Phaleucus.—Примѣръ изъ Марціала:

Nunquam divitias deos rogavi,
Contentus modicis meoque laetus.

Фалеховы стихи весьма приличны Епиграммѣ.

ФАЛИСКЪ или *Фалическій* стихъ—употребляемъ былъ въ Греческомъ и Латинскомъ стихотворствѣ; содержитъ четыре стопы, оканчивающія Екзаметръ, то есть, въ двухъ первыхъ бываетъ *Дактиль* или *Спондей:* въ третьей Дактиль, ежели только стихъ не дѣлается Спондеическимъ; въ четвертой *Спондей.* — Спондеическимъ называется такой стихъ, въ которомъ предпослѣдняя стопа вмѣсто Дактиля содержитъ Спондей.

Въ слѣдующихъ *Фалическихъ* стихахъ послѣдній есть *Спондеическій :*

Carmine	perpetu-	o cele-	brare
mobili-	bus po-	maria	rivis.
Cras in-	gens ite-	rabimus	aequor.
O for-	tes pe-	joraque	passi.
menso-	rem cohi-	bent Ar-	chita.

Стихъ *Фалическій* есть родъ Дактилическаго тетраметра. Думаютъ, что наз-

ваніе свое получилъ онъ отъ *Фалисковъ* (народъ древней Етрурiи), которые изобрѣли его, или у которыхъ, можетъ быть, въ бо́льшемъ былъ онъ употребленiи.

ФАРСА́. Родъ комедiи. Предметъ *Фарсы* состоитъ въ томъ, чтобы показывая самымъ разительнымъ образомъ странности, смѣшить зрителей всякаго рода шутками. Сiи небольшiя сочиненiя бываютъ представляемы обыкновенно послѣ другихъ важнѣйшихъ драматическихъ произведенiй. Веселость составляетъ главное достоинство *Фарсы*. Хотя она подчинена одинакимъ же съ комедiею правиламъ, но менѣе требуется въ ней точности въ ходѣ пiесы, въ соединенiи сценъ, менѣе искуства въ узлѣ и развязкѣ: впрочемъ выраженiя неблагопристойныя и дерзкiя также непозволительны въ ней, какъ и въ другихъ театральныхъ представленiяхъ. *Фарса* достигнетъ своей цѣли, когда будетъ смѣшить съ прiятностiю.

ФЕРЕКРАТОВЪ *или Ферекратiйскiй* стихъ. Въ древней поэзiи означается симъ именемъ стихъ, состоящiй изъ трехъ стопъ: изъ Дактиля между двумя Спондеями. На пр.

Fessis| vomere| terris.

Должно полагать, что названіе сіе дано по имени Ферекрата, изобрѣтателя сего размѣра.

Ферекратовъ стихъ можетъ быть и на Русскомъ языкѣ — съ перемѣною Спондея на Хорей:

Звучной| лирою| славишь.
— ◡ — ◡ ◡ — ◡

ФИГУРА. Figura, σχῦμα. *Фигура* есть языкъ разгоряченнаго страстію воображенія.

Цицеронъ въ третьей книгѣ *Объ Ораторѣ* немногими словами, но весьма удовлетворительно, объясняетъ происхожденіе фигуръ и троповъ: употребленіе словъ въ несобственномъ знаменованіи, говоритъ онъ, возымѣло нача о свое по необходимости и отъ скудости въ словахъ, а потомъ стали продолжать оное по пріятности, доставляемой сими необыкновенными выраженіями. Цицеронъ уподобляетъ въ семъ случаѣ фигуры одеждѣ, которая сначала изобрѣтена была для защищенія отъ зноя и холода, а послѣ сдѣлалась способною къ нашему украшенію и великолѣпію.

Дѣйствительно, фигуры доставляютъ языку великое пособіе; онѣ умножаютъ выраженія и служатъ къ различенію едва примѣтнаго подраздѣленія понятій, и доставляютъ слогу возвышенность, которой не могли бы ему придать слова обыкновенныя; на примѣръ въ семъ изрѣченіи: *всѣ люди подвержены смерти* будетъ мысль самая простая, всѣмъ извѣстная и потому не могущая обратить на себя нашего вниманія; но когда скажемъ *грозная смерть посѣщаетъ равно и низкія хижины и высокія чертоги*, мысль дѣлается несравненно величественнѣе.

Въ каждой фигурѣ мы видимъ мысль собственную и выраженіе уподобительное, переносное, придающее сей мысли пріятность и украшеніе. Ежели вмѣсто простаго слова *юность*, сочинитель скажетъ *весна жизни*, тотчасъ воображеніе представляетъ намъ въ совокупности два прелестныя понятія: о пріятнѣйшемъ времени года и лучшей части жизни нашей, и мы находимъ чрезъ то удовольствіе дѣлать между ними сравненіе.

Но всякая фигура тогда только хороша бываетъ, когда происходитъ изъ самаго предмета, а ежели кажется насиль-

но изъ онаго извлеченною, вынужденною, то не украшаетъ, а портитъ сочиненіе. Въ семъ-то случаѣ и слогъ называется *принужденнымъ*.

Фигуры вообще раздѣляются на два рода: на фигуры въ реченіяхъ, и на фигуры въ мысляхъ или предложеніяхъ.

Фигура *реченій* зависитъ отъ расположенія словъ, такъ что отъ малѣйшей перемѣны оныхъ, фигура уничтожается; на примѣръ въ сихъ стихахъ Державина:

Глаголъ временъ, металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ!
Зоветъ меня — *зоветъ* твой стонъ,
Зоветъ — и къ гробу приближаетъ.

Читая двѣ послѣднія строки мы находимъ фигуру *усугубленіе*, но напишите

Меня зоветъ твой стонъ и къ гробу приближаетъ,

Мысль останется та же, а фигура, украшающая сію мысль, изчезнетъ.

Фигуры *реченій* бываютъ четырехъ родовъ:

1.) Въ отношеніи къ составу слова, или къ перемѣнѣ звуковъ, оное составляю-

щихъ, какъ то въ Метаплазмѣ *по прибавленію*, см: Просфезисъ, Епенфезисъ, Парагогъ; *по убавленію*, см: Аферезисъ, Синкопе, Апокопе; *по переставкѣ*, см: Метафезисъ; *по раздѣленію*, см: Діерезисъ.

2.) Въ отношеніи къ Грамматическому словорасположенію, каковы на примѣръ: Плеоназмъ, Тмезисъ, Удержаніе. *См. с. сл.*

3.) Въ отношеніи къ перемѣнѣ значенія слова. Сюда принадлежатъ всѣ *тропы*, раздѣляющіеся также на тропы реченій и предложеній: Метафора, краткая Аллегорія, Аллюзія, Иронія съ различными своими видами (Астеизмъ, Діазирмъ, Мимеза, Сарказмъ, Харіентизмъ и Хлеазмъ), Катахризисъ, Ипербола, Метонимія, Синекдоха, Евфемизмъ, Антанаклазисъ, Антономазія, Металипсисъ.—*См. сіи слова.*

4.) Четвертый родъ фигуръ *реченій* не принадлежитъ къ тропамъ, потому что слова остаются въ собственномъ своемъ значеніи, ни къ фигурамъ *мыслей или предложеній*, потому что украшеніе состоитъ въ словахъ, каковы: Единознаменованіе, Повтореніе (Окруженіе, Единоначатіе), Безсоюзіе, Многосоюзіе, Возклицаніе, Возхожденіе, Емфазисъ, Наклоненіе, Парафра-

зисъ, Присовокупленіе, Согласованіе, Указаніе, Усугубленіе.—*См. сіи слова.*

Фигуры *мыслей или предложеній*, способствующія не къ одному украшенію рѣчи, но къ убѣжденію ума, къ возбужденію или укрощенію страстей, состоятъ въ отличномъ выраженіи мыслей, и отъ перемѣны словъ уничтожены быть не могутъ, на пр: сіи фигуры:

Доколь владычество и славу,
Коварство, будешь присвоять.....?

или

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики.....

Первая *Вопрошеніе*, вторая *Антитезисъ*, ни отъ какого перемѣщенія словъ, только бы смыслъ оставался яснымъ, качества своего не потеряютъ; ибо обѣ фигуры состоятъ не въ словахъ, а въ мысляхъ.

Фигуры *мыслей или предложеній* суть: Аллегорія пространная, Антитезисъ, Возвышеніе, Вопрошеніе, Желаніе, Заимословіе, Заятіе, Изображеніе, Изрѣченіе, Моленіе, Напряженіе, Обращеніе, Опредѣленіе, Отвѣтствіе, Поправленіе, Премѣненіе, Прохожде-

ніе, Сомнѣніе, Сообщеніе, Сравненіе, Умолчаніе Умедленіе, Уступленіе.--*См. сіи слова.*

Въ слѣдующемъ примѣрѣ, переведенномъ изъ Енциклопедіи, находится нѣсколько различныхъ фигуръ. Такъ говоритъ одинъ простолюдимъ, оскорбленный своею женою:

Я скажу да, она говоритъ нѣтъ; въ вечеру и по утру, ночью и днемъ она бранится *(Антитезисъ)*. Никогда, никогда съ нею не успокоишься *(Усугубленіе)*. Это Фурія, это демонъ *(Ипербола)*. Но, несчастная, скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ *(Обращеніе)*: чѣмъ я противъ тебя виноватъ? *(Вопрошеніе)*. О небо! какъ глупо сдѣлалъ я, что на тебѣ женился! *(Возклицаніе)*. Лучше бы мнѣ утопиться *(Желаніе)*. Я не укоряю тебя ни въ издержкахъ твоихъ, ни въ моихъ заботахъ для тебя *(Прохожденіе)*; но прошу, умоляю, дай мнѣ поработать въ покоѣ *(Моленіе)*. А не то, лучше мнѣ умереть, нежели.... бойся довести меня до отчаянія *(Прерваніе или Умолчаніе)*. Она плачетъ! ахъ, какая добренькая! посмотрите, я же виноватъ! *(Иронія)*. Пусть и такъ, я слишкомъ чувствителенъ, я вспыльчивъ *(Уступленіе)*. Часто желалъ я, чтобъ ты была дурнѣе,

проклиналъ твои плутовскіе глаза, твою наружность обманчивую, которые пристрастили меня къ тебѣ *(Астеизмъ)*. Ты сама знаешь, что ласкою скорѣе можешь привлечь меня къ себѣ *(Сообщеніе)*. Наши дѣти, наши пріятели, наши сосѣди, всѣ знаютъ про наши раздоры; они слышатъ твой крикъ, твой плачъ, твою брань *(Парафразисъ)*. Они видѣли, какъ ты съ бѣшеными глазами, съ огненнымъ лицемъ, съ разтрепанными волосами, бѣгала за мною, грозила мнѣ *(Изображеніе)*. Они съ ужасомъ говорятъ объ этомъ: приходитъ сосѣдка, и ей разсказываютъ; слышитъ прохожій, и вездѣ разноситъ *(Ипотипозисъ*, часть *Описанія)*. Подумаютъ, что я злодѣй, чудовище, что я ничего тебѣ не даю, что бью тебя, увѣчу *(Возхожденіе)*. Но нѣтъ, имъ извѣстно, что я люблю тебя, что у меня доброе сердце, и что я желаю тебя видѣть спокойною и довольною *(Поправленіе)*. Да, люди справедливы: виноватъ всегда виноватый *(Изрѣченіе)*. Добрая твоя мать утверждала, что ты на нее похожа; а что сказала бы она теперь? видитъ она, что у насъ дѣлается! такъ, надѣюсь, она слышитъ меня; увѣренъ, что упрекаетъ тебя за мое несча-

стіе: ахъ! бѣдный мой зять, говоритъ она, ты достоинъ лучшей участи *(Заимословіе)*.

ФИГУРАЛЬНЫЙ. Слово сіе употребляется иногда въ Русскомъ языкѣ, относительно къ словамъ, къ изреченіямъ и къ слогу.

Слово можетъ быть употреблено *въ собственномъ* значеніи, либо *въ фигуральномъ*, т. е. переносномъ, оборотномъ, несобственномъ.

Изреченіе называется *фигуральнымъ*, когда въ описаніи одной вещи означаемъ другую, какъ то въ Метафорѣ, Аллегоріи, Ироніи.....

Слогъ *фигуральный* есть не тотъ, въ которомъ употребляются фигуры, но въ которомъ находится много словъ въ смыслѣ *фигуральномъ*, то есть, гдѣ много троповъ.

ФРАЗА или ФРАЗИСЪ: φράσις, рѣчь, отъ φράζω, говорю. Собраніе словъ, соединенныхъ для выраженія какого либо понятія. Многіе несправедливо смѣшивали слово сіе съ *предложеніемъ* (propositio); вотъ доказательство: *прочитай твое письмо*, *твое прочитай письмо*, *письмо твое прочи-*

тай, прочитай письмо твое. Въ сихъ четырехъ образцахъ заключается одно предложеніе; но тутъ четыре разныхъ фразы, ибо сіе предложеніе выражено четырьмя различными образами. *Фраза* бываетъ хороша или худа, смотря потому, какъ составляющія оную слова собраны, и расположены; а *предложеніе* худо или хорошо бываетъ потому, сообразно ли оно, или несообразно, съ правилами нравственности и философіи.

X.

ХАРАКТЕРЪ. Греческое слово χαρακτηρ значитъ: отличительное свойство.

Не должно смѣшивать *характера* съ *нравомъ*. Характеръ есть врожденное расположеніе дѣйствовать такимъ, а не другимъ образомъ; чрезъ нравъ разумѣть должно расположеніе дѣйствовать, пріобрѣтенное навыкомъ, воспитаніемъ, примѣрами. — Разность сію можно такъ объяснить: N. N. родился съ *характеромъ* властолюбивымъ, свирѣпымъ, гордымъ, но

смотря на него можно подумать, что онъ человѣкъ самаго кроткаго *нрава.*

О характерахъ поэтическихъ. Характеры представляемыхъ поэтомъ Драматическимъ лицъ суть склонности или господствующія страсти, оказывающіяся во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ тѣхъ лицъ, и служащія основаніемъ и главнѣйшею пружиною всѣхъ ихъ дѣйствій.

Но какъ между страстями есть такія, кои нѣкоторымъ образомъ связаны съ человѣческимъ родомъ, а другія различествуютъ по времени, по мѣсту, или по обычаямъ свойственнымъ каждому народу, то по сему раздѣляются характеры на *общіе* и *частные.*

Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ видимъ людей честолюбивыхъ, жертвующихъ всѣмъ для пріобрѣтенія славы; видимъ женщинъ великодушныхъ и безжалостныхъ, мстительныхъ; видимъ добродѣтельныхъ и вѣрныхъ царедворцевъ и подлыхъ ласкателей; также вездѣ и во всякое время находимъ молодыхъ шалуновъ и повѣсъ, слугъ обманщиковъ, скупыхъ и сердитыхъ стариковъ, богачей гордыхъ и самолюбивыхъ: сіи свойства называются *характерами общими.*

Однакожъ сіи характеры не во всѣхъ странахъ подъ одинакимъ видомъ показываются, даже самыя страсти не только въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ измѣняются, но въ одно и то же время могутъ различнымъ образомъ дѣйствовать въ Лондонѣ и Парижѣ, въ Мадритѣ и Петербургѣ, въ Константинополѣ и Пекинѣ: — изъ сего происходятъ *характеры частные*, принадлежащіе впрочемъ каждому народу.

Наконецъ у одного и того же народа можно примѣтить разные обычаи: у Двора съ прочими частями столицы, у Столицы съ провинціями, у общества съ другимъ обществомъ, у одного человѣка съ другимъ: сіе составляетъ третій родъ *характера*, который и называется собственнымъ своимъ именемъ, т. е. характеромъ, или отличительнымъ свойствомъ.

И такъ характеръ не иное что есть какъ страсть, управляющая безпрестанно и умомъ и сердцемъ; какъ то *въ трагедіи* гордость, любовь, мщеніе; *въ комедіи* скупость, тщеславіе, ревность, пристрастіе къ игрѣ и пр.

Между означенными характерами можно еще отличить *придаточные*, составляющіе часть характеровъ главныхъ, на

примѣръ: самолюбіе сопряжено бываетъ съ подозрѣніемъ, съ непостоянствомъ въ пріязни, которую начинаетъ и прерываетъ по своимъ выгодамъ; въ любви находимъ ревность, иногда и жестокость; мщеніе соединено съ вѣроломствомъ, съ лукавствомъ, скупость съ недовѣрчивостію и пр.

Риккобони, въ своихъ примѣчаніяхъ на комедію, полагаетъ, что лучшій способъ изобразить удачно *характеръ* состоитъ въ томъ, чтобы не противополагать оному другаго характера, способнаго раздѣлить вниманіе зрителей; но, по словамъ Аббата Малле, ничто не препятствуетъ вводить противоположность между характерами, въ чемъ согласны и лучшіе Драматическіе писатели: такъ, продолжаетъ Малле, въ Британикѣ честность Бурра противоположна лицемѣрію Нарцисса, и легковѣрность Британика недовѣрчивости Нерона.

Главнѣйшее во всякомъ сочиненіи достоинство характера состоитъ въ его *неизмѣняемости*, то есть каковымъ показался онъ въ началѣ сочиненія, таковымъ же долженъ быть и при концѣ онаго. Ибо смѣшно бы показалось, если бы какой нибудь герой, начавшій дѣйствовать подобно Магомету или Ярбу, сдѣлался въ по-

слѣдствіи провинціальнымъ вѣстовщикомъ или щеголемъ; если бы Тарасъ Скотининъ, послѣ объявленія страсти своей ко всему свиному роду, показался вдругъ философомъ и началъ умничать.—См. *Епическій*, *Комедія*, *Трагедія*.

ХАРІЕНТИЗМЪ: χαριεντισμός, пріятное притворство; отъ χάρις, пріятность, миловидность.

Харіентизмъ есть родъ Ироніи; состоитъ въ кроткомъ, но язвительномъ отвѣтѣ на обидныя выраженія.—Слѣдующій анекдотъ можетъ послужить примѣромъ: Императоръ Карлъ V объявилъ, что при взятіи Мильберга (1547), солнце остановилось для того, чтобы дать ему время одержать надъ Саксонцами рѣшительную побѣду; льстецы подтверждали сію выдумку. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Французскій Король Генригъ II спросилъ съ насмѣшливымъ видомъ о семъ приключеніи у Герцога Албанскаго. *Въ этотъ день*, отвѣчалъ Герцогъ, *я столько былъ занятъ происшествіями земными, что о небесныхъ мнѣ и въ голову не приходило.* Сей отвѣтъ есть настоящій Харіентизмъ, ибо показываетъ, что Герцогъ несогла-

сенъ былъ со сдѣланнымъ отъ Императора объявленіемъ, но изъ уваженія къ особѣ Государя своего не хотѣлъ сказать о томъ яснѣе.

ХЛЕАЗМЪ: χλέυασμὸς, насмѣшка; отъ χλεύη, смѣхъ; родъ Ироніи, состоящій въ томъ, когда приписываютъ себѣ то, что принадлежитъ другому, или, на оборотъ, то другому приписываютъ, что самимъ себѣ принадлежитъ. — Оба примѣра можно видѣть въ Виргиліевой Енеидѣ:

1) Въ словахъ Юноны противъ Венеры.

. . . . Quae causa fuit consurgere in arma
Europamque Asiamque, et foedera solvere furto?
Me duce Dardanius Spartam expugnavit adulter?
Aut ego tela dedi, fovive cupidine bella?

П. X. 90.

И 2) въ словахъ Турна, обращаемыхъ къ Дранцесу:

Proinde tona eloquio (solitum tibi), meque timoris
Argue tu, Drance; tot quando stragis acervos
Teucrorum taea dextra dedit, passimque tropaeis
Insignis agros. . . . .

П. XI. 383.

ХОРЕЙ *или Трохей*. Стопа, состоящая изъ двухъ слоговъ: изъ долгаго въ началѣ, и въ концѣ изъ краткаго; знакъ ея: — ᴗ. *Прим:* кни-га, бу-ква, Тро-*я*, рифма, Deus, *πόλλα*. Названіе сіе происходитъ отъ Греческаго слова *χορεία*, означающаго *пляску*, потому что стопу сію наиболѣе употребляли въ плясовыхъ пѣсняхъ. — О составленіи стиховъ Хореическихъ, см. ниже *Хореическій*.

ХОРЕИКЪ. Симъ именемъ означали древніе особенный родъ стиховъ, въ которыхъ стопа *хорей* занимала опредѣленныя ей мѣста. Есть два рода *Хореика*: одинъ имѣетъ три стопы, а другой три стопы съ половиною

1.) Тристопный *Хореикъ*, состоящій изъ Дактиля и двухъ Хореевъ:

Sanguine| vipe-|rino.

2.) Вторый родъ имѣетъ еще два подраздѣленія: Хореикъ *простый* и Хореикъ *вольный*.

Простый состоитъ изъ трехъ Хореевъ и одного долгаго слога:

Trudi-|tur di-|es di-|e.

Вольный заключаетъ Хорей, Спондей, Дактиль, и еще одинъ слогъ долгій:

Cur ti-|met fla-|vum Tibe-|rim.

Хореикъ называется иначе Трохеикъ, ибо Хорей и Трохей значатъ одно и тоже.

ХОРЕИЧЕСКІЙ. Стихъ, написанный Хореемъ, или заключающій въ себѣ стопу Хорей.

Стихи Хореическіе, также какъ и стихи другихъ стопъ, могутъ состоять изъ шести, пяти, четырехъ, трехъ и двухъ стопъ. Одностопные весьма рѣдки.

Шестистопный Хореическій мужескій стихъ имѣетъ два полустишія; первое состоитъ изъ трехъ стопъ, изъ которыхъ третья послѣднимъ слогомъ дѣлаетъ пресѣченіе, второе полустишіе заключаетъ три стопы и одинъ слогъ долгій. На пр:

Кто у|тѣхъ въ сей| жизни|| и о|традъ со|-
всѣмъ не|зналъ,
Тотъ спо|койнымъ| духомъ|| и съ ве|сельемъ|
смерть встрѣ|чалъ.

или

Счастливъ тотъ въ семъ мірѣ,|| кто покой
свой сохранилъ,

От любви укрылся,|| въ камень сердце претворилъ.

Женскій шестистопный Хореическій стихъ въ первомъ полустишіи заключаетъ три стопы и одинъ слогъ долгій, дѣлающій пресѣченіе, а второе полустишіе состоитъ ровно изъ трехъ стопъ. На пр:

Можно|ли те|бя пос|тичь.|| Боже| безконечный?
Не и|мѣешь| равна|го|| Ты, Со|здатель| міра.

или

Всѣ несчастія должны|| съ жизнью прекратиться!
Тамъ, за гробомъ, тишина|| вѣчно водворится.

Сей-то стихъ, то есть Хореическій шестистопный женскій называлъ Тредіаковскій Екзаметромъ и стихомъ Героическимъ!—См. *Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ. 1735.*

Самый сей стихъ, раздѣливъ на двое, употребилъ Г. Жуковскій въ Балладѣ своей *Свѣтлана.*

Разъ въ кре|щенской| вече|рокъ|| дѣву|шки га|дали,
За ворота башмачокъ, снявъ съ ноги, бросали.

Впрочемъ шестистопные стихи могутъ быть писаны и съ двумя ровными полустишіями, какъ въ семъ примѣрѣ, взятомъ изъ сочиненій Батюшкова:

Нѣтъ подруги нѣжной, нѣтъ прелестной Лилы!

. . . . . .

Плачь любовь и дружба, плачь Гименъ унылый.

. . . . . .

Здѣсь Гименъ прикованъ, блѣдный и безгласный

. . . . . .

Гаситъ у гробницы свой свѣтильникъ ясный.

Пятистопный Хореическій стихъ, какъ мужескій такъ и женскій, дѣлится на два полустишія.

Мужескій въ первомъ полустишіи имѣетъ три стопы, а во второмъ двѣ стопы и слогъ долгій:

Коле|су по|добенъ|| міръ въ сво|емъ кру|гу,
Сотью| пере|мѣненъ|| на од|номъ ша|гу.

или

При потокахъ рѣчки|| пастушокъ сидѣлъ,
Грустенъ и задумчивъ|| пѣсенку запѣлъ.

Женскій въ первомъ полустишіи имѣетъ двѣ стопы и одинъ слогъ долгій, а во второмъ три стопы:

Проте|кли да|вно|| тѣ зла|тые| вѣки,
Счастли|во ко|гда|| жили| чело|вѣки.

или

Долголь будешъ мнѣ|| жизнь влачить несчастну,
Долголь мнѣ въ мечтѣ|| страсть питать ужа-
сну.

Мы имѣемъ нѣсколько старыхъ и новыхъ пѣсенъ, написанныхъ шестистопнымъ и пятистопнымъ Хореическимъ стихомъ, во многихъ мѣстахъ безъ пресѣченія. Вотъ нѣкоторые примѣры:

Шестистопные:

1.) Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизо перье на долину,
Тяжко быти сизу перью на долинѣ;
Скучно жити сиротинѣ во чужбинѣ. . . .

2.) Кто своей не скажетъ тайны, мысли скроетъ,
У того отъ грусти сердце все изноетъ,
Будетъ ползать тотъ змеею подъ кустами,
Иль покроется корою, иль листами . . . .

Пятистопные:

1.) Помнилъ ли меня, другъ, въ дальней сторонѣ,
Или ты не думалъ, радость, обо мнѣ. . . .

2.) Въ пѣснѣ начинающейся стихомъ *Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить:*

То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло,
Полюбивъ дружка отъ горести изныть,
Кто милъ сердцу, мнѣ не смѣть того любить....

3.) Громъ ударомъ сильно такъ не поразитъ,
Какъ судьба кого съ любезной разлучитъ.

Четырехстопные, трехстопные и двухстопные Хореическіе стихи, какъ мужескіе такъ и женскіе, пресѣченій не имѣютъ. Женскіе состоятъ изъ полнаго числа стопъ, а въ мужескихъ всегда не достаетъ одного слога — согласно съ тѣмъ опредѣленіемъ, что мужескій стихъ имѣетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а женскій на предпослѣднемъ.

Четырехстопные

Мужескіе.

Яко дерзостный орелъ,
Выше облакъ возлетѣлъ.

Женскіе.

Не шумите льдисты воды,
Слышите всѣхъ странъ народы.

Мужескіе и женскіе вмѣстѣ, то есть, съ сочетаніемъ:

Міръ сей злу порабощенный,
Горнъ есть испытаній намъ.
Скорбь, недуги отправленны,
Бѣдства.... се стезя душамъ
Сквозь труды, боязнь, тревоги,
Сквозь печаль, лишенья многи,....
Се стезя изъ тьмы земной,
Изъ сего страданій дола,
Предъ небесный прагъ престола,
Вѣчной блещуща зарей.

Капнистъ.

или

Стройте гусли, славы чада!
Грянъте въ праздничный тимпанъ!
Пойте Богу! Онъ отрада,
Стражъ и Царь Сіонскихъ странъ.
Пойте Богу! Онъ всесиленъ,
Правосуденъ, милосердъ;
Съ Нимъ Израиль въ браняхъ твердъ
И богатствомъ изобиленъ.
Пойте Богу! Имъ крѣпка
Царства нашего держава,

И побѣды дивной слава
Знаменита и громка.....

Шатровъ.

Трехстопные

Мужескіе.

Можноль славу, честь,
Деньгамъ предпочесть?

Женскіе.

Деньги въ честь выводятъ,
Намъ друзей находятъ.

Слѣдующая пѣсня Г. Дмитріева покажетъ примѣръ сихъ стиховъ съ сочетаніемъ:

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ,
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была,
Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь;
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла,
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала;
Аромата нѣтъ.

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ;
Сколь, увы! опасенъ
Для красы порокъ.

Двухстопные съ сочетаніемъ:

Громъ гремитъ
И разитъ!
Мы сердцами
И слезами
Молимъ васъ,
Боги гнѣва
И Эрева
Въ страшный часъ!
Ахъ, пошлите
Солнца лучъ!

Разгоните
Мраки тучъ! и пр.

Карамзинъ.

Безъ сочетанія мужескіе:

Вдругъ Зефиръ
Цѣлый міръ
Обновилъ,
Оживилъ.
На брегахъ,
На лугахъ,
Отъ цвѣтовъ
Новый кровъ!
Соловей
Средь полей
Полетѣлъ,
Загремѣлъ!
Какъ журчитъ,
Какъ шумитъ
Свѣтлый ключъ! *и пр.*

Кутузовъ.

Одностопные Хореическіе стихи весьма рѣдко употребляются; но вотъ нѣсколько словъ для примѣра:

Женскіе.

Воля....
Доля.....
Страстно.....
Ясно.....

Мужескіе.

Какъ стихи сіи должны состоять изъ одного слога, на пр: *страхъ*, *прахъ*, то по сему могутъ принадлежать, и къ другимъ размѣрамъ.

ХОРІЯМБЪ. Стопа Греческой и Латинской поэзіи; состоитъ изъ Хорея и Ямба, или, что все равно, имѣетъ два краткихъ слога между двумя долгими; знакъ ея: (— ᴗ ᴗ —). На пр: historias, Pontifices, accipiant, πανταματος....

Въ нашемъ языкѣ *Хоріямбъ* не иначе можетъ быть составленъ, какъ изъ двухъ

— ᴗ ᴗ —

словъ, на пр: славный герой, добрый супругъ.

Г. Висковатовъ для образца описалъ такимъ размѣромъ *утро:*

Свѣтлой зарей блещетъ востокъ...
Утро явясь—землю живитъ,
Будитъ весь міръ.

Въ воздухѣ хоръ нѣжныхъ пѣвцовъ
Славитъ, поетъ прелесть зари,
Утра красу.

Въ чистыхъ водахъ—кроткій Зефиръ
Мирно плыветъ, съ струйкой рѣзвясь
Зыблетъ ее.

Въ полѣ цвѣты, зелень въ лугахъ,
Кущи и лѣсъ . . . . съ утромъ блестятъ
Новой красой.

Въ утренній часъ — воздухъ, вода,
Небо, земля. . . все оживясь
Радость гласитъ.

ХОРЪ. Пѣніе, состоящее въ нѣсколькихъ голосахъ.—Въ Драматическихъ представленіяхъ называются *хоромъ* тѣ актеры, отъ которыхъ хотя ходъ главнаго дѣйствія независитъ, но которые участвуютъ иногда въ произшествіи, изъявляя соучастіе свое *пѣніемъ*.

Горацій и многіе другіе писатели увѣряютъ, что трагедія въ началѣ своемъ не иное что была, какъ *хоръ*, воспѣвавшій Дифирамвы въ честь Бахуса. — См. *Исторію Трагедіи*.

Въ новѣйщихъ трагедіяхъ хоры мало употребительны; изъ сего выключаются трагедіи, писанныя въ подражаніе древнимъ.

Причиною отверженія въ новѣйшихъ трагедіяхъ хоровъ наиболѣе то полагаютъ, что въ сихъ представленіяхъ много бываетъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ *лица* должны говорить и дѣйствовать *тайно*, а не при свидѣтеляхъ, и что по сему *хоръ*, находившійся на театрѣ древнихъ безпрестанно, былъ бы для нашихъ трагедій весьма неудобенъ.

Древніе имѣли еще нужду въ *хорѣ* по обширности ихъ театровъ, которые безъ наполненія онымъ казались бы пусты.

Хоръ у древнихъ состоялъ не менѣе какъ изъ 15 лицъ, и изъ главнаго пѣвца, Корифеемъ называемаго; но весь сей хоръ представлялъ собою одно дѣйствующее лице. См. въ стат. *Трагедія* разборъ Есхиловой трагедіи *Прикованный Прометей.*

ХРОНОГРАММА. Сочиненіе въ стихахъ или прозѣ, котораго числительныя буквы, (т. е. означающія у Римлянъ числа), взятыя вмѣстѣ чрезъ Арифметическое сложеніе, показываютъ время какого

либо достопамятнаго происшествія.—См. *Етеостихъ*.

Людовикъ XIV родился 5 Сентября 1638 года, въ тотъ день, когда созвѣздія *Орелъ* и *Сердце львиное* соединились.—Клавдій Годартъ сдѣлалъ на сей случай въ двухъ Екзаметрахъ слѣдующую Хронограмму:

eXorIens DeLphIn aqVILae CorDIsqVe LeonIs
CongressV, gaLLos spe LaetItIáqVe refeCIt.

„Раждающійся Дофинъ, при соединеніи Орла и Сердца львинаго, возродилъ надежду и радость Галловъ.

Извѣстно, что въ Римскомъ изчисленіи I значитъ 1; V — 5, X — 10, L — 50, C—100, и D — 500; и такъ въ сей Хронограммѣ

Восемь разъ I значитъ - - - -	8
Четыре V - - - - - - - - - - -	20
Одинъ X - - - - - - - - - - - -	10
Шесть L - - - - - - - - - - -	300
Три C - - - - - - - - - - - -	300
Два D - - - - - - - - - - - -	1000
Сложность всѣхъ числъ производитъ годъ	1638

На Русскомъ языкѣ могутъ быть употреблены числа церковныя.

ХРОНОГРАФІЯ. См. *Описаніе.*

Ц.

ЦЕЗУРА. Cesura. Пресѣченіе. — Стихи шестистопные и пятистопные, и также соразмѣрные онымъ по числу слоговъ, раздѣляются обыкновенно на два полустишія, какъ бы для доставленія читающему отдыха; и тотъ слогъ, послѣ котораго бываетъ сія остановка, называется *Цезурою* или *Пресѣченіемъ*. Древніе наблюдали Цезуру и въ *Екзаметрѣ*. См. сіе слово: Ч. I. стр. 323.

Въ старыхъ нашихъ Силлабическихъ стихахъ *Пресѣченіе* всегда было послѣ *седьмаго* слога:

Уме недозрѣлый, плодъ|| недолгой науки!
Покойся, не понуждай|| къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни|| вѣка проводити
Можно и славу достать,|| хоть творцемъ не
слыти. . . . .

О *Пресѣченіи* въ нынѣшнихъ нашихъ Ямбическихъ и Хореическихъ стихахъ

можно видѣть въ статьяхъ, объясняющихъ сіи стопы.

ЦЕНТОНЪ. Cento, Centone. Сочиненіе, составленное изъ чужихъ стиховъ, къ одному предмету относящихся Центонъ можно назвать стихотворческою шуткою. Нынѣ употребляется онъ изрѣдка у однихъ только Италіанцевъ, которымъ, кажется, и происхожденіемъ своимъ обязанъ. — Докторъ Баруффальди, въ своемъ разсужденіи напечатанномъ при полномъ изданіи Тассовыхъ твореній, говоритъ, что *Центонъ* бываетъ двухъ родовъ: 1) когда составляется изъ полныхъ стиховъ одного автора, выбранныхъ такимъ образомъ, чтобы всѣ относились къ одной матеріи; 2) когда составляется такимъ же образомъ изъ неполныхъ стиховъ. Перваго рода Центонъ, по словамъ Баруффальди, предпочитается, ибо требуетъ болѣе труда. Въ составленіи Центоновъ наблюдаются слѣдующія правила: *во первыхъ* не должно ничего перемѣнять, даже ни одной буквы, изъ взятаго стиха; *во вторыхъ* надлежитъ выбирать стихи, сколь возможно отдаленнѣйшіе одинъ отъ другаго. Намъ не случилось читать Центоновъ ни

на какомъ языкѣ, кромѣ Италіанскаго. Вотъ одинъ Мадригалъ, составленный Г. Кавалетто изъ полныхъ стиховъ Петрарки:

Seguirò l'ombra di quel dolce Lauro,
Che per fredda stagion foglia non perde:
Nè'l bel sereno, e'l verde
Dal Borea, all'Austro, o dal mar Indo al Mauro;
Nè gemme oriental, nè forza d'Auro,
Nè donna, nè donzella,
Ne l'amorosa stella,
Potria cangiar quest'un de'pensier miei;
E senza'l qual morrei:
Non vedete voi'l cor negli occhi miei?

Centonè на Итал. языкѣ собственно значитъ *разноцвѣтная покрышка* (верхняя одежда, плащъ, одѣяло).

Ч.

ЧЕТВЕРОСТИШІЕ. — Четыре стиха, заключающіе полный смыслъ, какъ то бываетъ въ Епиграммахъ, въ Мадригалахъ и проч.

ЧЕТЫРЕХСТОПНЫЙ. Стихъ, состоящій изъ четырехъ стопъ.—См. *Анапестъ*,

Дактиль, *Хорей*, *Ямбъ*.—Въ древней поэзіи нашему четырехстопному стиху соотвѣтствуетъ *Тетраметръ*.

ЧУДЕСНОЕ. — Многіе писатели раздѣляютъ чудесное въ поэзіи на *естественное* и *сверхъестественное*.

Естественное чудесное есть, такъ сказать, послѣдняя степень возможнаго. Тутъ истина можетъ имѣть мѣсто, и умъ видитъ вѣроятное. Таковы чрезвычайности во всѣхъ вещахъ: не имѣющіе примѣра происшествія, характеры, добродѣтели, неслыханныя преступленія; потопы, землетрясенія, давшія другой видъ земному шару; необыкновенныя побѣды, разрушеніе царствъ и пр.

Сверхъестественное чудесное происходитъ отъ введенія такихъ существъ, которыя не подчиняясь законамъ природы, бываютъ причиною дѣйствій, превышающихъ ея силы. Такое введеніе требуетъ однакожъ сообразности съ системою вѣрованія, бывшею въ то время тамъ, гдѣ происшествіе происходило. На примѣръ, смѣшно бы показалось, ежели бы въ побѣдѣ Петра Великаго надъ Шведами подъ Полтавою поэтъ сдѣлалъ участниками

Юпитера и Марса: ибо ни Россіяне, ни Шведы никогда въ сихъ боговъ не вѣровали; но авторъ *Телемака* могъ вводить сіи баснословныя существа, потому что какъ самъ герой сего творенія, такъ и прочія содѣйствующія лица, имѣли къ нимъ религіозное уваженіе.—См. *Епическій*. Часть I. стран. 459.

Въ поэмахъ *чудесное* (сказано въ разборѣ одного новѣйшаго произведенія) бываетъ четырехъ родовъ: 1) основанное на разумѣ религіи Христіанской, когда противу Промысла Всевышняго возстаютъ низверженные духи злобы; такого рода чудесное найдемъ мы въ Мильтоновомъ Потерянномъ Раѣ, въ Клопштоковой Мессіадѣ. 2.) Когда дѣйствуютъ боги Греческой и Римской Мифологіи: сія многосложная, богатая вымыслами махина чудеснаго употреблена Гомеромъ, и составляетъ одно изъ величайшихъ украшеній его поэмы, которой чертежъ выше критики. Въ Виргиліевой Енеидѣ тѣ же силы сверхъестественныя, но Римскій поэтъ далеко отсталъ отъ образца своего. 3) Чудесное, въ которомъ дѣйствующія лица суть волшебники и волшебницы добрые и злые; они съ достоинствомъ и блескомъ явля-

ющся въ Тассовомъ Освобожденномъ Іерусалимѣ, въ Аріостовомъ Роландѣ, въ Виландовомъ Оберонѣ. 4) Божества Аллегорическія (См. *Аллегорическій*): они не иное что, какъ оборотъ Риторическій, тропъ, фигура.....

Ш.

ШАРАДА. Небольшое сочиненіе въ родѣ Загадки или Логогрифа, но имѣющее свои особенныя свойства и правила.

Во первыхъ надлежитъ найти такое слово, которое, будучи раздѣлено на составляющіе оное слоги, производило бы сими слогами другія слова, смыслъ имѣющія, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ словѣ *воздухъ* находятся два слога *воз* и *духъ*, изъ коихъ каждое порознь имѣетъ свой смыслъ.

Во вторыхъ раздѣливъ такимъ образомъ слово, должно каждую изъ произведенныхъ частей, то есть каждое изъ новооткрытыхъ словъ, описывать по правиламъ загадки, безъ наименованія самой

вещи, а посредствомъ подобнозначущихъ словъ, или посредствомъ показанія свойствъ и дѣйствій иной вещи. — Форма Шарады требуетъ, чтобы описаніе или опредѣленіе *частей* начиналось по порядку, какъ составляютъ онѣ самое слово; на примѣръ въ показанномъ словѣ *воздухъ* надлежитъ начинать съ опредѣленія *воза*, а потомъ *духа*.

Въ третьихъ, сдѣлавъ опредѣленіе частей, надлежитъ дѣлать такое же опредѣленіе и цѣлаго слова.

При семъ употребляются слѣдующія выраженія: для перваго слога *мое первое*, для втораго *мое второе*, для цѣлаго слова *мое все*, либо *мое цѣлое*, также *а цѣлое*. Но сіе дѣлается только въ такомъ случаѣ, когда сочинитель, такъ сказать, олицетворяетъ Шараду, то есть, заставляетъ говорить содержащуюся въ ней вещь; а когда говоритъ онъ отъ своего лица, то употребляетъ просто, *первое*, *второе*, *а все* или *а цѣлое*. — При семъ слѣдуетъ замѣтить, что въ обоихъ случаяхъ сочинитель имѣетъ полную свободу измѣнять показанныя выраженія по всѣмъ падежамъ и слѣдственно съ присовокупленіемъ разныхъ предлоговъ; на пр: моему первому, второму, моему

цѣлому; на моемъ первомъ.... о моемъ первомъ.... къ моему первому.....

Когда Шарада состоитъ изъ двухъ слоговъ, называется *двухсложною*, изъ трехъ *трехсложною*, и если бы случилась изъ четырехъ, *четырехсложною*.

Слова въ Шарадѣ должны раздѣляться непремѣнно по слогамъ, и такимъ образомъ, чтобы ни одна буква, принадлежащая къ одному слогу, въ другой не переходила; по сему изъ словъ *Воз-духъ*, *Гладкость*, *По-рокъ*, раздѣленныхъ показаннымъ здѣсь образомъ, могутъ быть Шарады правильныя; а ежели слѣдующія слова *Катонъ*, *Плутонъ*, раздѣлятся такъ: *Кат-онъ*, *Плут-онъ*, то будутъ Шарады неправильныя, также какъ и тѣ, которыя, будучи раздѣлены на двѣ половины, въ одной имѣютъ два слога, а въ другой одинъ, каковы на примѣръ слова *Вино-градъ*, *Пол-тина*, *Чело-вѣкъ*.

Шарады, также какъ Логогрифы и Омонимы, появились на Русскомъ языкѣ въ текущемъ столѣтіи.

Римляне упражнялись въ Шарадахъ, но онѣ извѣстны у нихъ были подъ общимъ именемъ *Загадокъ*, или *Логогрифовъ*; вотъ нѣкоторыя:

Si quid dat pars prima mei, pars altera rodit.

Do-mus.

Si caput est, currit; ventrem conjunge, volabit;
Adde pedes, comedes; et sine ventre, bibes.

Mus-ca-tum.

Послѣднюю не безполезно будешъ объяснишь въ переводѣ: *Ежели есть голова, то бѣгаетъ* (голова, шо есть, первый слогъ *mus*, значишъ *мышь*); *прибавь чрево* (вшорый слогъ, средину) *летаетъ* (*musca*, муха); *присовокупи ноги* (ш. е. послѣдній слогъ *tum*) *кушаешь* (мускашъ); *а безъ чрева* (безъ середины, безъ слога *ca*) *пьешь* (*Mustum*, значишъ молодое вино).

Помѣщаемъ для образца и для удовольствія чишашелей нѣсколько Русскихъ *Шарадъ*, выбранныхъ изъ разныхъ періодическихъ изданій:

Счешъ *перваго* число планешъ опредѣляешъ,
Второе имена нерѣдко замѣняешъ;
А *цѣлое* мое нешрудно ошгадашь,
Взирая на дѣшей, на ихъ ошца и машь.

Семь-я.

Мой первый слогъ къ своимъ водамъ
Больныхъ, здоровыхъ привлекаешъ;

Вторый металлы повреждаетъ,
А *все* бываетъ пищей намъ.

Спа-ржа.

Едва примѣтный червь, но для мѣховъ опасный
Есть *первое мое.*—Знакъ въ азбукѣ безгласный,
Второе. — А Поэтъ и комикъ-чудодѣй
Есть *цѣлое* Шарады сей.

Моль-ерб.

Слогъ *первый мой* число, *вторый* же плодъ полей,
А *цѣлое* хранитъ и днемъ и средь ночей.

Сто-рожъ.

Когда насъ *первое* терзаетъ и томитъ,
Тогда безъ прихотей мы и *второе* гложемъ;
А *цѣлое* мое и скользко и блеститъ:
Его мы на стеклѣ всегда ощупать можемъ.

Глад-кость.

Зимою *первое* игрушкою бываетъ,
Второе жалкую въ бостонѣ роль играетъ,
Безъ *цѣлаго* жъ пловецъ дорогу потеряетъ.

Ком-пассъ.

*

Вотъ и трехсложная Шарада:

Мой *первый* слогъ рѣка; *вторый* тожъ; *третій* то же;
Отъ *цѣлаго*—избави Боже!
По-Даг-Ра.

Нѣкоторые Французскіе писатели увѣряютъ, что *Шарада* получила начало въ *Лангедокской* провинціи, и что на тамошнемъ нарѣчіи значитъ: *рѣчь, убивающая время.*

ШЕСТИСТОПНЫЙ. Стихъ, состоящій изъ какихъ либо шести стопъ.

О составленіи шестистопныхъ стиховъ можно видѣть въ статьяхъ *Анапестъ, Дактиль, Хореическій, Ямбическій.*

У древнихъ нашему шестистопному стиху соотвѣтствовалъ *Екзаметръ.*

Я.

ЯВЛЕНІЕ. Сцена.—См. *Драма.*

ЯМБЪ. Стопа, заключающая въ себѣ два слога: первый *краткій*, вторый *долгій*, какъ въ словахъ *поэтъ, стекло, перо.* Знакъ ея: ◡ —

Syllaba longa brevi subjecta vocatur Iambus.

Hor.

Иные полагаютъ, что сіе слово взято отъ *Іамба* или *Ямба*, (сына Нимфы *Эхо* и бога *Пана)*, который изобрѣлъ сію стопу и употреблялъ ее въ насмѣшкахъ противъ Цереры; но такое словопроизведеніе для насъ, не вѣрующихъ существованію ни Пана, ни Цереры, не можетъ показаться удовлетворительнымъ.

Изъ одного стиха Гораціева можно подумать, что или Архилохъ былъ изобрѣтателемъ сей стопы, или что она болѣе прочихъ почиталась свойственною Сатирѣ:

Archilochum proprio rabies armavit Iambo.

И по сему лучше, кажется, произвести слово сіе отъ *ιαμβίζω*, поношу, посрамляю.

ЯМБИЧЕСКІЙ. Сіе названіе придается стиху, составленному изъ *Ямбовъ*:

Ямбическіе стихи, какъ и прочихъ стопъ, могутъ быть шестистопные, пятистопные, четырехстопные, трехстопные, двухстопные и одностопные.

Шестистопный мужескій Ямбическій стихъ имѣетъ два полустишія, заключающія по три стопы; т. е. пресѣченіе бываетъ въ ономъ послѣ третьей стопы:

Ни зла|то, ни| чины|| ко сча|стью не|ведутъ.

или

Поро|да кра|соты|| лицу| не при|даетъ:
Въ селѣ и въ городѣ|| цвѣтокъ равно цвѣтетъ.

Женскій въ первомъ полустишіи также имѣетъ три стопы ровно, а во второмъ три стопы и одинъ слогъ краткій:

Моги|ла хра|браго|| оте|честву| священ|на.

или

Кончи|на слав|ная|| за сла|вными| дѣла|ми.—
Злодѣйская душа|| спокойна быть не можетъ.

Надлежитъ наблюдать, чтобы въ послѣдней стопѣ перваго полустишія, дѣлающей *пресѣченіе*, не было не только предлога, относящагося къ послѣдующему слову, ни даже союза; въ противномъ случаѣ пресѣченіе не согласовалось бы съ своею цѣлію, то есть, не могло бы доставить читателю отдохновенія; таковы слѣдующіе стихи, первый изъ Россіяды, второй изъ Енеиды, переведенной Петровымъ:

И нашихъ силъ противъ|| Ордынскихъ не поставилъ. —
Блудящихъ середи|| безвѣстныхъ морь пространства.

См. *Погрѣшности*.

Примѣч. Встрѣчающіяся вообще въ Ямбическихъ стихахъ односложныя слова могутъ быть и *долгими* и *краткими*, смотря по расположенію стопы; на пр:

Въ моги|лѣ нѣтъ| оковъ, ||тамъ звукъ| цѣпей|
нѣмѣ|етъ.

Здѣсь три односложныхъ слова: *нѣтъ*, *тамъ*, *звукъ* ; поставивъ надъ ними обыкновенные знаки увидите, что первое изъ оныхъ есть *долгое* , второе *краткое* и третье также *долгое*.

˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ¯ ˘ ¯
Въ моги|лѣ нѣтъ| оковъ,|| тамъ звукъ| цѣпей|
˘ ¯ ˘
нѣмѣ|етъ.

Въ шестистопныхъ Ямбическихъ стихахъ всегда наблюдается сочетаніе, то есть, мужескіе стихи перемѣшиваются съ женскими, будучи полагаемы такимъ образомъ или черезъ два стиха, или черезъ стихъ:

О древне божество обширныхъ странъ пол-
ощныхъ,
Надежда страждущихъ, и сила, крѣпость мощ-
ныхъ,
Оденъ! котораго невидимой рукой
Природа держится и кругъ вращаетъ свой!
Ты, воля коего быстрѣе вѣтровъ горныхъ,
И месть мрачнѣе бурь, висящихъ въ шу-
чахъ чорныхъ,
На коихъ возлегла Тоскара грустна тѣнь....
Озеровъ.

Такое расположеніе употребляется въ по-эмахъ и Драматическихъ произведеніяхъ.— Слѣдующіе покажутъ разнаго рода *Сочетаніе:*

Злословіе свой ядъ на имя мудрыхъ льетъ;
Не судитъ ни объ комъ разсудокъ безпристра-
стный:
Лишь страсти говорятъ. — Кто въ роскоши
живетъ,
Не знаетъ и того, что въ свѣтѣ есть не-
счастный.
Но онъ несчастливъ самъ, не зная отъ чего;
Желаетъ получить, имѣетъ и скучаетъ;
Желаетъ новаго—и только что желаетъ.

Онъ врагъ наслѣднику, наслѣдникъ врагъ его....
Карамзинъ.

Пятистопный Ямбическій стихъ, какъ мужескій такъ и женскій, раздѣляется также на два полустишія, изъ которыхъ первое заключаетъ всегда по двѣ стопы, а второе въ мужескомъ стихѣ имѣетъ ровно три стопы, а въ женскомъ три стопы и одинъ слогъ краткій. Въ сихъ стихахъ также употребляется *Сочетаніе:*

О вождь| Славянъ!|| дерзнутъ| ли роб| ки стру| ны
Тебѣ| хвалу|| въ сей слав| ный часъ| брящать?
Вездѣ гремятъ|| отмщенія перуны
И мчится врагъ||, стыдомъ покрытый, вспять,
И съ Россомъ міръ|| тебѣ рукоплескаетъ....
Жуковскій.

У Сумарокова встрѣчаются сіи стихи въ басняхъ:

Въ займы| просилъ|| олень| себѣ| сѣнца:
Ссуди| меня|| суда| рыня| овца,
Отдамъ| тебѣ,|| въ томъ волкъ| пору| ка мой
и пр.

или

Сей притчи вы|| отцы не забывайте,
И вольничать|| дѣтей не попускайте...

Однакожъ могутъ стихи пятистопные имѣть *Пресѣченіе* и на шестомъ слогѣ, и даже быть совсѣмъ безъ *Пресѣченія*. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ сочиненій Княжнина:

Съ пресѣченіемъ на 6 слогъ.

Свое ты счастье зришь|| въ блаженствѣ ихъ....
Но храмъ, о Римляне!|| но Титу храмъ....
Зри Тита блѣднаго,|| окровавленна.....

Безъ пресѣченія.

Какъ только человѣчествомъ гнушаться.....
Твою небесну благость обожаетъ.....
Какія муки долженъ я терпѣть.....
Но сердца нѣжной страстью распаленна....

Сочиненіе, написанное такимъ образомъ, то есть различными пятистопными стихами, могло бы, можетъ быть, разнообразіемъ своимъ принести болѣе пріятности, нежели стихи всегда одинаковые. Но такихъ примѣровъ еще у насъ не было.

Четырехстопный Ямбическій стихъ пресѣченія не имѣетъ. Мужескій состоитъ ровно изъ четырехъ стопъ, а жен-

скій изъ четырехъ стопъ и одного краткаго слога. На пр:

Мужескіе.

Вскипѣ|ла вдругъ| крова|ва брань.|...
И твер|дая геро|я длань|....

Женскіе.

О серд|ца слад|кіе| обма|ны.....
На что| металлъ,| богатс|тва брен|ны....

Съ сочетаніемъ.

Старался я узнать людей;
Узналъ—и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный.
Сердца ихъ злобны и несчастны;....

Карамзинъ.

Влекомъ уныніемъ сердечнымъ,
Пойду я съ лирой въ тѣ мѣста,
Гдѣ сномъ даритъ природа вѣчнымъ,
Гдѣ спитъ и скорбь и суета....

Дмитріевъ.

Симъ размѣромъ—четырехстопными Ямбическими стихами—обыкновенно, или по-крайней мѣрѣ чаще, пишутся *Оды.*

Трехстопные, двухстопные и одностопные Ямбическіе стихи составляются такимъ же образомъ, то есть, мужескіе содержатъ по равному числу стопъ, а въ женскихъ прибавляется еще одинъ слогъ краткій.

Трехстопные мужескіе.

Сѣда|я ста|рина|....
Дрожа|щею| рукой.|

Женскіе.

Ночно|ю тем|ното|ю....
Всѣ лю|ди для| поко|ю....

Съ сочетаніемъ.

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина!
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ.
Я вижу чисто поле,
Вдалижъ передо мной
Чернѣетъ колокольня,
И вьется дымъ изъ трубъ и пр.

Дмитріевъ.

Приди ко мнѣ, Плѣнира!
Въ блистаніи луны,

Въ дыханіи Зефира,
Во мракѣ тишины;
Приди въ подобьи тѣни,
Въ мечтѣ иль легкомъ снѣ,
И сѣдши на колѣни,
Прижмися къ сердцу мнѣ и пр.

Державинъ.

Двухстопные мужескіе.

Спаси| меня|,
Всесиль|ный Богъ!|

Женскіе.

Я страсть|ю тлѣ|ю,
Сказать| не смѣ|ю. . . .

Съ сочетаніемъ.

Престань, любовь,
Мечтаться вновь!
Твои уставы,
Суля забавы,
Въ напасть влекутъ,
Ядъ въ сердце льютъ.
Въ твоей я волѣ
Не буду болѣ. . . .

N. N.

Одностопные мужескіе и женскіе :

Любя
Тебя
Я страстно,
Крушусь
И рвусь
Всечасно.
Твой взглядъ
Мнѣ ядъ
Влилъ въ чувства *и пр.*

Николевъ.

Одностопный Ямбическій стихъ изрѣдка полагаемый въ *вольныхъ* стихахъ, и употребленный кстати, производитъ пріятнѣйшее дѣйствіе, особливо когда неожидаемымъ своимъ *паденіемъ* образуетъ звукоподражательную гармонію. Примѣръ сему можно видѣть въ баснѣ Дмитріева *Дубъ* и *Трость*, гдѣ говоритъ авторъ:

И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ

Сплошные же одностопные стихи можно болѣе назвать стихотворческою игрушкою, ибо въ нихъ, кромѣ побѣжденной трудности, едва ли можно найти какое нибудь другое достоинство.

О разнообразіи Ямбическихъ стиховъ. Напрасно нѣкоторые пристрастные любители древнихъ размѣровъ утверждаютъ, что Ямбическій стихъ не можетъ имѣть равнаго съ оными достоинства по причинѣ своей однообразности; ибо утвердительно можно сказать, что однообразность сія приписывается Ямбическимъ стихамъ отъ одного бывшаго до сего времени общаго невниманія къ его разнообразію. Входящая въ составъ сего размѣра стопа *Пиррихій*, производитъ въ ономъ такія же измѣненія, какъ Хорей и Спондей въ Екзаметрѣ. Постараемся доказать сіе примѣрами, но предварительно сдѣлаемъ нѣкоторыя условія: полагаемыя сряду односложныя слова, мы принимаемъ по обыкновенному расположенію Ямба за долгія и краткія; въ замѣнъ сего желаемъ, чтобы читатели согласились съ нами въ одномъ только, именно въ томъ, что каждое слово простое, то есть несоставное изъ разныхъ словъ, имѣетъ непремѣнно одно удареніе, а не болѣе, въ чемъ, кажется, и сомнѣваться не должно; сложныя же слова оставляемъ съ принадлежащими каждой части удареніями. Съ утвержденіемъ такихъ условій приступимъ прежде къ

разсмотрѣнію шестистопныхъ, а потомъ и другихъ Ямбическихъ стиховъ, и конечно удостовѣримся, что въ оныхъ есть ощутительное разнообразіе, и что въ составъ сего размѣра входятъ многія другія стопы.—Для образца возьмемъ начало Россіяды:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость низ|ложенну,
Движенье ратное, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, раз|рушенну Казань.
Отъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ начало
Какъ свѣтлая заря въ Россіи воз|сіяло.

Здѣсь изъ осьми стиховъ находятся два только, вторый и предпослѣдній, совершенно Ямбическіе и то потому единственно, что мы принаравливаемъ односложныя слова къ ходу Ямба; всѣ же прочіе стихи очевидно одинъ отъ другаго отличны. Но станемъ продолжать! покажемъ еще какой нибудь образецъ изъ трагедій Озерова:

О утѣшительный, живо|творящій гласъ!
Дочь милая! опять я съединенъ съ тобою.
Такъ не совсѣмъ еще оставленъ я судьбою!
Такъ не совсѣмъ еще забытъ я отъ небесъ!
Минуты мнѣ даютъ для радостнѣйшихъ слезъ.
И сердце горестью столь долго изнуренно
Отдохнетъ на|конецъ весельемъ оживленно....

Разсмотримъ и слѣдующее четверостишіе Дмитріева:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ;
Тѣнь рощи; въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ;
Надъ речкой соловей; при Граціи въ картинѣ—
Вотъ все его добро... и счастливъ! онъ поэтъ.

Перейдемъ теперь къ стихамъ четырехстопнымъ:

О ты, пространствомъ без|конечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени пре|вѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,

Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою на|полняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, со|храняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ.

или

Весело|нравная, младая,
Не|лице|мѣрная, простая
Подруга Флаккова и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь,
О Муза! славить Рѣшемысла.

Державинъ.

И такъ изъ сихъ примѣровъ ясно видѣть можно, что нашъ Ямбическій стихъ, особенно подъ перомъ искусныхъ писателей, не бываетъ однообразнымъ, и что въ составленіи его участвуютъ другія стопы, въ чемъ всякой удостовѣрится, ежели приметъ на себя трудъ раздѣлять показанные здѣсь надстрочные знаки по правиламъ другихъ размѣровъ.

Древніе знали сіе разнообразіе стиха Ямбическаго, и потому-то употребляли оный въ Драматическихъ произведеніяхъ,

какъ ближайшій къ обыкновенному языку разговорному, и удаленный отъ скучной Монотоніи. У нихъ стихи сіи раздѣлялись на

1) *Чистые Ямбическіе*, составленные изъ однихъ Ямбовъ, каковъ на примѣръ сей стихъ Катулла:

Phaselus ille, quem videtis hospites.

2) *Ямбическіе смѣшанные* — которые имѣли Ямбы во второй, въ четвертой и въ шестой стопѣ; а въ прочихъ могли принимать Спондея, Анапеста и Дактиля; таковъ стихъ Сенеки:

Servare potui, perdere an possim rogas.

3) *Вольные Ямбическіе*—имѣвшіе Ямбъ только въ послѣдней стопѣ, какъ въ семъ стихѣ Федра:

Amittit merito proprium, qui alienum appetit.

ЯМБОХОРЕЙ. Стопа, состоящая изъ Ямба съ Хореемъ, то есть, изъ четырехъ слоговъ.—На Русскомъ языкѣ она можетъ быть ощутительною не иначе, какъ въ двухъ словахъ.—Г. Висковатовъ для образца описалъ симъ размѣромъ *полдень*:

Въ красѣ грозной блеститъ полдень
Лучи знойны густятъ воздухъ,
Томятъ землю.
Трава блекнетъ, плоды вянутъ,
Цвѣты меркнутъ, лѣса сохнутъ,
Вода стихла.
Гроза мрачна виситъ въ небѣ!
Летитъ съ вихремъ, летитъ съ молньей,
Летитъ съ громомъ!
Томитъ небо, крутитъ воздухъ....
Ревутъ вихри, земля стонетъ....
Кипятъ бездны.

Ямбохорей есть то же, что *Антиспастъ*. —См. сіе слово.

КОНЕЦЪ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

СЛОВАРЯ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ.

(Римскія цыфры означаютъ части, Арабскія страницы.)

I. *О словесности вообще.*

II. *Стихосложеніе*.

О разнообразіи Ямбическихъ стиховъ, производимомъ Пиррихіемъ. — III. 495.

Каждая ли стопа требуетъ отдѣльнаго слова? — Предположеніе о происхожденіи стопъ. — — 266.

Изъ *Стопъ* составляется *Стихъ*. III. 260. Стихъ бываетъ различенъ.

По числу стопъ: шестистопный, пятистопный, четырехстопный, трехстопный, двустопный и одностопный.

По роду стопъ: Ямбическій, Хореическій, Дактилическій, Анапестоямбическій, Дактилохореическій, Амфибрахическій и пр.

По окончанію: мужескій и женскій. Стихи раздѣляются еще на одномѣрные и вольные, на рифмованные и бѣлые.

Отъ чего названы бѣлыми? — I. 129.

Отношеніе стиховъ къ поэзіи. II. 402, 433.

Въ стихахъ наблюдается *цезура* или *пресѣченіе*. III. 475.

У древнихъ было нѣсколько родовъ Цезуры: Тригемимеръ, Еннегемимеръ, Гефтемимеръ. *См. сіи слова*. Цезура въ Ареѣ, въ Фезѣ. I. 323.

Что есть Рифма? III. 16. Раздѣляется на мужескую и женскую, на полную и неполную. — Стихи и Рифмы требуютъ сочетанія. III. 18.

Рифма безъ сочетанія употребляемая на-

III. *Поэзія.*

IV. *Поэзiя Епическая.*

V. Поэзія Лирическая.

VI. Поэзія Драматическая.

Взаимное *Узнаніе* дѣйст. лицъ бываетъ до совершенія, или по совершеніи преступленія. — 291.

Расположеніе или содержаніе трагедіи бываетъ: простое, сложное, страстное и нравственное. — 292.

Трагическій стихотворецъ можетъ самъ изобрѣтать цѣлое происшествіе, и заимствовать оное изъ исторіи. — 293.

Въ историческомъ можетъ дѣлать перемѣны. — 295.

Раздѣленіе трагедіи бываетъ одинакое съ прочими видами Драмы. — 297, 303.

Разныя мнѣнія о введеніи въ трагедіи любовной страсти. — 298.

О слогѣ трагическомъ. — 303.

По чему трагедія съ самаго своего начала и у всѣхъ народовъ писана была стихами, а не прозою? — 305.

О двухъ системахъ въ трагедіи. Разность между древнею и новою. — 309.

Исторія трагедіи.—Есхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Сенека. Новѣйшіе: Италіанскіе, Французскіе, Нѣмецкіе, Англинскіе, Испанскіе трагики. — 316.

О Русской трагедіи: Тредіаковскій, Сумароковъ, Ломоносовъ, Княжнинъ, Херасковъ, Майковъ, Николевъ, Озеровъ, Висковатовъ.— 334 — 364. Къ симъ слѣдуетъ еще прибавить

*

Фарса. Предметъ—смѣшить зрителей.—III. 445.

Главное достоинство—веселость. —

Представляется обыкновенно послѣ другихъ важнѣйшихъ Драматическихъ произведенiй. —

Въ ней требуется менѣе точности въ ходѣ пiесы, въ соединенiи сценъ, менѣе искуства въ узлѣ и развязкѣ. —

Выраженiя неблагопристойныя и дерзкiя непозволительны. —

Водевиль. Сатирическая пѣсня или арiя въ Комической Оперѣ, сочиненная на голосъ извѣстной простонародной пѣсни. — I. 132.

Что есть Опера Водевиль? —

О происхожденiи слова Водевиль.—III. 42.

Прологъ. Объ употребленiи Прологовъ на древнемъ театрѣ. — II. 436.

Въ новѣйшемъ театрѣ Прологомъ называется небольшое Драматическое представленiе, имѣющее отношенiе къ настоящему всенародному торжеству. —

Какимъ Поэмамъ приличны Прологи?—439.

VII. *Поэзiя Дидактическая.*

О происхожденiи слова *Дидактическiй.* I. 235.

она можетъ быть и Епическою и Драматическою; иногда имѣетъ названіе рѣчи, иногда принимаетъ видъ Епистолы. — 77, 80.

Свойства нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ Сатирическихъ писателей: Горація, Персія, Петронія, Ювенала, Кантемира, Сумарокова. Примѣры новѣйшіе. — Отъ 81 до 141.

Епистола или Посланіе. I. 401.

Въ Епистолѣ всѣ роды Поэзіи смѣшиваются. —

Она принимаетъ тонъ, сообразный съ заключающимся въ ней содержаніемъ. —

Какого содержанія можетъ быть Епистола? — 402.

Въ ней строго наблюдается приличіе.—

— не должно унижать величественныхъ предметовъ. —

— ни смѣшивать высокаго съ низкимъ. —

Какимъ образомъ можетъ Епистола перемѣнять свои тоны? — 403.

Епистола принимаетъ Епизоды краткіе.—

Епистола бываетъ: Нравоучительная, Сатирическая, Философическая, Дидактическая, Елегическая, Шуточная.

Пишется всякаго рода стихами. — 405.

VII. *Поэзія Романтическая.*

Поэма Романтическая есть повѣствованіе о происшествіи Рыцарскомъ, составляющемъ

смѣсь любви, храбрости, благочестія, и основанномъ на дѣйствіяхъ чудесныхъ. — III. 28.

Чѣмъ отличается отъ поэмы Героической? — 29.

— отъ Герои-Комической? —

Лица, производящія въ поэмѣ Романической чудесное, суть: духи, волшебники, волшебницы, гномы, исполины, и т. п. —

Аллегорическія лица рѣдко вводятся, а верховное Божество не должно быть представляемо ни въ какомъ случаѣ. —

Правила единства не строго соблюдаются. — 30.

Цѣль сей поэмы состоитъ въ увеселеніи читателей. —

Можетъ быть писана всякаго рода размѣромъ. —

Ей приличны и Прологи и Епилоги. —

О происхожденіи слова *Романтическій* или *Романическій*. — 39.

Баллада и Романсъ, по содержанію своему, могутъ принадлежать къ поэмѣ Романтической, а по свойству, то есть вразсужденіи пѣнія, составляютъ часть поэзіи Лирической.

VIII. *Поэзія Буколическая, Пасторальная или Пастушеская.*

О происхожденіи слова *Буколическій*. I. 125.

X. *Статьи дополнительныя, принадлежащія къ разнымъ родамъ Поэзіи.*

Мѣлочныя стихотворенія.

Стихотворенія для забавы.

КОНЕЦЪ ТАБЛИЦЫ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Часть III.

Слово *Сарказмъ*, напечатанное на стран. 142, слѣдовало напечатать въ началѣ буквы С.

стран.	строки	напечатано	читай.
137	3	мыслей	въ словахъ
146	10	получила сказка	получили сказки